

РУСИСТИКА

2023 Том 21 № 1

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ВЕКТОР ОПИСАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Приглашенный редактор *В.И. Карасик*

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72956 от 25.05.2018 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Шаклеин В.М. – академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.Н. – доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии

Алефиренко Н.Ф. – действительный член Российской академии социальных наук, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Белгородского государственного университета, Белгород, Российская Федерация

Бальхина Т.М. – академик РАЕН, академик Нью-Йоркской академии наук, доктор педагогических наук, профессор, Москва, Российская Федерация

Вальтер Харри – член президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), доктор филологических наук, профессор, профессор Института славистики Университета имени Эрнста Морица Арндта, заместитель председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, Грайфсвальд, Федеративная Республика Германия

Гаврилина М.А. – доктор педагогики, профессор, профессор Латвийского университета, Рига, Латвийская Республика

Гусман Тирандо Рафаэль – член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета, Гранада, Королевство Испания

Дейкина А.Д. – заслуженный деятель науки и образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета, Москва, Российская Федерация

Дэвидсон Дэн – почетный президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, старший академический советник и директор научно-исследовательского центра Американских советов по международному образованию, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, PhD по филологии, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка Брин-Мор колледжа, Вашингтон, Соединенные Штаты Америки

Загоровская О.В. – председатель Совета по русскому языку при администрации Воронежской области, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Российская Федерация

Макарова Вероника – PhD по лингвистике, профессор кафедры языкознания Саскачеванского университета, Саскачеван, Канада

Маслова В.А. – член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета, Витебск, Республика Беларусь

Мокенко В.М. – действительный член Европейского общества фразеологов «ЕВРОФРАЗ», доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Перотто Моника – PhD по педагогике, профессор, научный сотрудник кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Болонского университета, Болонья, Итальянская Республика

Протасова Е.Ю. – доктор педагогических наук, профессор, профессор-адъюнкт отделения языков гуманитарного факультета Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Рацибурская Л.В. – действительный член комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

Рязанова-Кларк Лара – член Королевского лингвистического общества, PhD по филологии, заведующая русским отделением Эдинбургского университета, академический директор Российского центра книжки Дашковой при Эдинбургском университете, директор научного центра «Русский язык в контексте», Эдинбург, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии

РУСИСТИКА

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Цель и тематика

Научный журнал «Русистика» специализируется на рассмотрении актуальных вопросов русского языка и методики его преподавания как родного, неродного и иностранного в условиях русской, близкородственной и неродственной языковых сред.

Журнал является площадкой для научного сообщества в области отечественной и зарубежной русистики, освещает спектр проблем как собственно лингвистических, так и связанных с культурно-историческими и социальными аспектами изучения и преподавания русского языка.

Миссия журнала заключается в предоставлении возможностей русистам из различных стран и регионов объективно информировать международное научное сообщество о состоянии исследований русского языка, проблемах его функционирования в многополярном мире, привлекать дополнительный интерес ученых к этим проблемам.

Цель журнала: создание научного-исследовательского, образовательного и информационного пространства для взаимного обмена достижениями российских и зарубежных ученых, специализирующихся в области русского языка и методики его преподавания.

Задачи:

1. Обмен научными достижениями российских и зарубежных коллег в области русистики, публикации результатов научных центров по проблемам развития и сохранения русского языка в многополярном мире.
2. Рассмотрение теоретических исследований по проблемам функционирования русского языка в России и зарубежных странах.
3. Актуализация проблем методики преподавания русского языка как родного, неродного, иностранного.
4. Анализ современных тенденций в развитии школьной и вузовской русистики.
5. Отражение вопросов изучения и преподавания русского языка как иностранного и проблем сохранения русского языка в диаспоре.

6. Проблемы развития русского языка как языка науки.

7. Освещение государственной политики в области русского языка и методики его преподавания.

8. Презентация медиадидактических и электронных средств обучения русскому языку и методике его преподавания.

Очередные выпуски журнала, как правило, являются тематическими и посвящены наиболее актуальным проблемам русистики. Выход тематических номеров анонсируется на сайте журнала.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, а также научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

К публикации принимаются только оригинальные статьи, ранее не опубликованные. Самоплагиат не допускается.

Журнал входит в Перечень рецензируемых периодических изданий, публикации которых принимаются к рассмотрению ВАК РФ при защите диссертационных исследований.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Испании, Италии, Латвии, Финляндии, Германии, Великобритании).

Журнал выходит один раз в квартал (4 номера в год). Подписка на печатную версию журнала оформляется в почтовых отделениях РФ. Индекс журнала в каталоге подписных изданий – 36433.

Редактор *Ю.А. Заикина*

Редактор англоязычных текстов *С.С. Микова*

Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.ru

Подписано в печать 24.03.2023. Выход в свет 31.03.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,20. Тираж 500 экз. Заказ № 33. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

2023 VOLUME 21 NUMBER 1

FUNCTIONAL DESCRIPTION OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Guest Editor *Vladimir I. Karasik*

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Viktor M. Shaklein – member of the Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor, Honoured Employee of Higher Education of the Russian Federation, Honoured Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), member of Presidential Russian Language Council, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)), Moscow, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY

Elena N. Strelchuk – Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)), Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Nikolay F. Alefirenko – full member of the Academy of Social Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation

Tatyana M. Balykhina – academician of the Russian Academy of Natural Sciences, academician of the New York Academy of Sciences, Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow, Russian Federation

Dan Davidson – President Emeritus and Director of American Councils Research Center (ARC), American Councils for International Education, Director of Russian Language Centre, Foreign Member of Russian Academy of Education, PhD in Philology, Professor of the Russian Language and Foreign Language Studies, Bryn Mawr College, Washington, United States of America

Alevtina D. Deikina – Honoured Worker of Science and Education, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Methods of Teaching Russian, Institute of Philology, Moscow Pedagogic State University, Moscow, Russian Federation

Margarita A. Gavrilina – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Lithuanian University, Riga, Republic of Latvia

Rafael Gusman Tirado – member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology, Granada University, Granada, Kingdom of Spain

Veronika Makarova – PhD in General Linguistics, Professor, Department of Linguistics, University of Saskatchewan, Saskatchewan, Canada

Valentina A. Maslova – member of the Presidential Board of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University, Vitebsk, Republic of Belarus

Valeriy M. Mokienko – full member of European Society of Phraseologists "EUOPHRAS", Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Slavonic Philology, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

Monica Perotto – PhD in Pedagogy, Professor, research assistant and Associate Professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University, Bologna, Italian Republic

Ekaterina Yu. Protasova – Doctor of Pedagogy, Professor, Associate Professor of Language Department, Humanitarian Faculty, Helsinki University, Helsinki, Republic of Finland

Larisa V. Ratsiburskaya – full member of Slavonic Education Commission under International Committee of Slavistics, Doctor of Philology, Professor, Chairperson of the Chair of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Lara Ryazanova-Clarke – member of Royal Linguistic Society, PhD in Philology, Chairperson of Russian Department of Edinburgh University, Academic Director of Russian Centre of Princess Dashkova in Edinburgh University, Director of Scientific Centre "Russian Language in Context", Edinburgh, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland

Harry Walter – member of the Presidium of International Association of Teachers of Russian Language and Literature, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Ernst Moritz Arndt University, Institute of Slavistics, Deputy of Chairperson of Phraseological Commission under International Committee of Slavists, Greifswald, Federal Republic of Germany

Olga V. Zagorovskaya – Chairperson of Russian Language Council of Voronezhskaya oblast Administration, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, Voronezh State Pedagogic University, Voronezh, Russian Federation

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeleev.

Aims and Scope

The journal "Russian Language Studies" is specialized in actual problems of the Russian language and methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language under the conditions of Russian, closely related and unrelated linguistic environment.

The journal presents a platform for Russian and foreign scientists, reflects not only linguistic, but also cultural, historical, social aspects of learning and teaching Russian.

The mission of the journal is to give the opportunity to specialists in Russian philology from different countries and regions to objectively inform international scientific community about modern research in the Russian language, its functioning in the multipolar world and to draw the scientific attention to these problems.

The aim of the journal is to create scientific, research, educational and information space for presenting the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies and methods of teaching Russian as a foreign language.

The targets of the journal are:

1. Delivering the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies, publishing the results of scientific centres in developing and keeping the Russian language in the multipolar world.
2. Characterizing theoretical papers on Russian language functioning in Russia and abroad.
3. Pointing out the problems in methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language.
4. Analyzing modern trends in Russian language teaching at school and university.
5. Reflecting problems of learning and teaching Russian as a foreign language and keeping the Russian language in diasporas.
6. Problems of developing Russian as a language of science.
7. Presenting Russian national policy in the Russian language and methods of its teaching.
8. Demonstrating media-didactic and electronic means of teaching Russian.

Next issues of the journal are planned as thematic ones and are devoted to the most actual problems of Russian language studies. Thematic issues are announced at the journal site.

The journal publishes scientific articles (theoretical, academic and research, methodical), review articles, book reviews, annotations, scientific reports about Russian and foreign scientists. The articles written by starting investigators are published on the "Page of a young scientist".

The journal publishes only original articles which have not been published before. Self-plagiarism is not allowed.

The journal has an international status proved by the editorial board and reviewers including outstanding scientists from Russia, the United States, Belarus, Spain, Italy, Latvia, Finland, Germany, Great Britain.

The journal is published every three months with 4 issues a year. Readers can subscribe to the journal in post-offices of the Russian Federation. The index of the journal in subscription edition catalogue is 36433.

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
English Text Editor *S.S. Mikova*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ВЕКТОР ОПИСАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Абдельхамид С. (Каир, Арабская Республика Египет), Алефиренко Н.Ф. (Белгород, Российская Федерация), Чумак-Жунь И.И. (Белгород, Российская Федерация)** Речевые акты и русский текстопорождающий дискурс 7
- Богинская О.А. (Иркутск, Российская Федерация)** Лексико-синтаксические актуализаторы хеджирования в русском языке: опыт анализа отзывов о диссертации 18
- Воркачев С.Г. (Краснодар, Российская Федерация)** *Себе и вполне себе*: семантика, прагматика, функции 33
- Дорофеев Ю.В. (Симферополь, Российская Федерация), Журавлева Е.А. (Астана, Республика Казахстан)** Функциональная парадигма в русистике: от функционирования единиц к регулятивной концепции языка 49
- Liu X. (Jinan, People's Republic of China), Xu M. (Jinan, People's Republic of China), Talybina E.V. (Moscow, Russian Federation)** Aspect and tense forms of the Russian verb in describing the kinesic behaviour of the characters in A.P. Chekhov's stories (Презентация видо-временных форм русского глагола при описании кинесического поведения героев рассказов А.П. Чехова) 64
- Теркулов В.И. (Донецк, Российская Федерация)** Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений 79
- ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**
- Карасик В.И. (Москва, Российская Федерация), Китанина Э.А. (Москва, Российская Федерация)** Аксиология власти в русской лингвокультуре 97
- МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО**
- Пугачев И.А. (Москва, Российская Федерация), Яркина Л.П. (Москва, Российская Федерация), Динь Т.Т.Х. (Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам)** Методика обучения русскому языку иностранных магистрантов негуманитарного профиля в современных образовательных условиях 111

CONTENTS

FUNCTIONAL DESCRIPTION OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

- Said Abdelhamid (Cairo, Arab Republic of Egypt), Nikolai F. Alefirenko (Belgorod, Russian Federation), Irina I. Chumak-Zhun (Belgorod, Russian Federation)** Speech acts and Russian text-generating discourse 7
- Olga A. Boginskaya (Irkutsk, Russian Federation)** Russian lexical and syntactic hedges in dissertation reviews 18
- Sergei G. Vorkachev (Krasnodar, Russian Federation)** *Sebe* and *vpolne sebe*: semantics, pragmatics, functions 33
- Yury V. Dorofeev (Simferopol, Russian Federation), Evgenia A. Zhuravleva (Astana, Republic of Kazakhstan)** Functional paradigm in Russian studies: from the functioning of units to the regulatory concept of language 49
- Xinyan Liu (Jinan, People's Republic of China), Min Xu (Jinan, People's Republic of China), Elena V. Talybina (Moscow, Russian Federation)** Aspect and tense forms of the Russian verb in describing the kinesic behaviour of the characters in A.P. Chekhov's stories 64
- Vyacheslav I. Terkulov (Donetsk, Russian Federation)** The paradigmatics of a compound abbreviation as a means of predicting equivalence relations 79

CULTURAL LINGUISTICS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

- Vladimir I. Karasik (Moscow, Russian Federation), Ella A. Kitanina (Moscow, Russian Federation)** Axiology of power in the Russian language and culture 97

METHODS OF TEACHING RUSSIAN**AS A NATIVE, NON-NATIVE, FOREIGN LANGUAGE**

- Ivan A. Pugachev (Moscow, Russian Federation), Liudmila P. Iarkina (Moscow, Russian Federation), Tkhi Tkhu Khuen Din (Hanoi, Socialist Republic of Vietnam)** Teaching Russian to foreign master's students of non-humanitarian profile in modern educational conditions 111

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
ACTUAL PROBLEMS
OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-7-17

EDN: YFQFRP

Научная статья

Речевые акты и русский текстопорождающий дискурс

С. Абдельхамид¹, Н.Ф. Алефиренко², И.И. Чумак-Жунь²✉

¹*Айн-Шамский университет, Каир, Арабская Республика Египет*

²*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Российская Федерация*

✉ chumak@bsu.edu.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется скрытой турбулентностью таких часто используемых в русистике понятий, как «речевая деятельность», «речевые акты» и «дискурс». Цель работы – определение генетических связей этого триединства и функционального предназначения каждой из рассматриваемых категорий. Основным инструментарий исследования – авторский метод дискурсивно-модусного анализа художественной речи. Материалами исследования послужили словарные дефиниции из толковых словарей русского языка, в частности из «Словаря экспрессивных устойчивых фраз русского языка» В.Ю. Меликяна, а также высказывания, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Установлено, что коммуникативно-речевой акт представляет собой синергичное сочетание ментально-психической и речевой деятельности. В ментально-психической деятельности сопряжены ментальные акты – мыслительные процессы коммуниканта в момент его локутивной готовности производить высказывание и психическая деятельность, ведущая поиск адекватных способов отражения коммуникативно значимого события в дискурсивном сознании общающихся. Ментально-психическая деятельность с помощью средств языковой системы кодирует и декодирует смысловое содержание авторских интенций. Речевая деятельность производит речевые акты – функциональные единицы речевого общения, которые воплощают целенаправленное речевое действие. Даны обобщения категориальной сущности речевого акта и дискурса. Перспективой исследования является разработка на материале русского языка когнитивно-прагматической теории речемыслительной деятельности.

Ключевые слова: коммуникативно-речевая деятельность, русский дискурс, высказывание, мыслительные процессы, коммуникативное событие

История статьи: поступила в редакцию 16.09.2022; принята к печати 18.11.2022.

Для цитирования: Абдельхамид С., Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И. Речевые акты и русский текстопорождающий дискурс // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 7–17. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-7-17>

© Абдельхамид С., Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Проблема соотношения дискурса, речевого акта и высказывания является для русистики весьма актуальной в силу ее скрытой турбулентности. Несмотря на активное использование данных понятий в современных лингвистических исследованиях, их корреляция остается до конца не выясненной. Это объясняется их сложным генезисом в процессе формирования текстопорождающего дискурса как коммуникативного события (Van Dijk, 1981; Van Dijk, Kintsch, 1983). Дело в том, что дискурс, понимаемый как коммуникативное событие, представляет собой сложное единство языковой формы, значения и действия, то есть коммуникативно значимого события (когнитивного субстрата текстопорождения) и речемыслительного акта (см.: Hirvonen, Wiklund, 2021: 309). Однако в таком определении имеется в виду не речевой, а коммуникативный акт. К сожалению, эти смежные понятия нередко подменяют друг друга, хотя для эффективного анализа текста в свете когнитивной лингвопоэтики их следует различать. Задача, разумеется, непростая, поскольку и то, и другое характеризуется многопрофильной природой. Основопологающим трудом в данной области является теория речевых актов Дж. Остина, в которой разъясняется сущность речевого действия с позиций аналитической философии и закладываются основы лингвопрагматики (Остин, 1999). Плодотворное развитие его идей для интерпретации косвенных речевых актов осуществляется в трудах Дж.Р. Серля (Серль, 1986), а для понимания механизмов самовыражения в работе М. Витека (Witek, 2021). В современной русистике к решению данной проблемы вплотную подошли Л.С. Гуревич, предпринявшая попытку выявить соотношение коммуникативных и речевых актов (Гуревич, 2007), Е.В. Милосердова, плодотворно рассмотревшая прагматику речевого общения¹, И.С. Шевченко, доказавшая перспективность исследования природы речевых актов в проекции когнитивно-прагматической теории дискурса (Шевченко, 2007).

Научная новизна нашего исследования определяется комплексным подходом к выявлению генетических и функциональных взаимосвязей дискурса, речевого акта и высказывания. **Цель исследования** – показать кросс-корреляцию речевых актов и высказываний с дискурсивно-когнитивными механизмами их порождения, позволяющую интерпретировать их функционально-генетическую соотнесенность.

Методы и материалы

Для достижения поставленной цели используется коммуникативно-синергетическая методология, направленная на перевод горизонтального (линейного) контекста речевого произведения в контекст вертикальный (нелинейный). Для практической реализации данной методологической установки наиболее эффективными являются следующие используемые нами методы и приемы: а) метод дискурсивного анализа текста с элементами лингвистической герменевтики; б) метод интен-анализа с приемами лингвокультурной

¹ Милосердова Е.В. Прагматика речевого общения : учебное пособие. Тамбов : ТГУ имени Г.Р. Державина, 2001. 122 с.

интерпретации; метод направлен на реконструкцию в порождающем высказывания акте авторского замысла. Выявление подтекстового смысла (см.: Chang, 2020: 3) осуществляется через экспликацию скрытых когнитивно-прагматических маркеров в конкретной дискурсивной ситуации. Используются также познавательный инструментарий смежных наук, расширяющий горизонты изыскательского сканирования смыслопорождающих истоков коммуникативно-речевой деятельности² (Гуревич, 2007; Зимняя, 2001; Кибрик, 1992; Клюев, 2002). В качестве материала исследования были взяты словарные дефиниции из толковых словарей русского языка³, в частности из лексикографического труда В.Ю. Меликяна⁴, а также высказывания, извлеченные из Национального корпуса русского языка⁵.

Результаты

В результате аналитического осмысления имплицированной в художественных текстах коммуникативно-речевой деятельности установлена взаимосвязь речевых и коммуникативных актов в их отношении к высказыванию.

Первые как динамические единицы, обладающие интегральной природой (сочетанием вербального и ментального начала), отражают дискурсивную ситуацию и прагматические установки коммуникантов.

Вторые (коммуникативные акты) представляют сложные психолингвальные процессы, продуцируемые различными интерлокутивными силами с доминирующими в них прагматическими факторами.

Доказано, что в состав коммуникативного акта входят высказывания и речевые акты. Коррелятом коммуникативно-речевой деятельности выступает дискурс, порождаемый обоюдным участием формально-речевых и смыслопорождающих механизмов, гармонизирующих ментальные и речевые акты.

Выявленные свойства всех компонентов коммуникативно-речевой деятельности подтверждаются ретроспективным анализом фразеосхем и устойчивых моделей экспрессивных устойчивых фраз русского языка.

Обсуждение

Статус дискурса в коммуникативно-речевой деятельности

Дискурс, базируясь на веками накопленном опыте языкового общения, содержит в себе поток языковых представлений в составе речевой деятельности (ср.: Tiittula, 1993; Stubbs, 1983; Geißner, 1981). Иначе говоря, настраиваясь на порождение текста, коммуникант опирается на ранее сформированные вербальные представления: а) в раннем детстве на сингармонию слуховых и моторных образов; б) со школьного возраста еще и на зрительные образы

² Милосердова Е.В. Прагматика речевого общения...

³ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.; Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М. : Астрель ; АСТ, 2003.

⁴ Меликян В.Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели. М. : Флинта, 2016. 1348 с.

⁵ Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения : 15.07.2022).

слов. Выстраивая в уме коммуникативно значимое событие с помощью единиц мыслекода (Пинкер, 2004: 45–71), коммуниканты одновременно находят соответствующие им словесные образы (см.: Alefirenko, Nurtazina, 2018: 17–18) в их триедином регистре: слуховом, моторном и визуально-буквенном (словно видят написанное). Достаточно лаконично эту мысль выразила В.Е. Чернявская: дискурс – это «языковой коррелят крайней степени коммуникативно-языковой деятельности, сознания человека и практики»⁶. Разделяя эту точку зрения, мы все же считаем более корректным говорить о дискурсе как о психологическом плане коммуникативно-речевой деятельности (акте) коммуникантов, сопряженной с различными внеязыковыми факторами.

Коммуникативно-речевой акт – это сложный как в языковом, так и в процесс, в котором взаимодействуют различные иллокутивные силы, где прагматическая составляющая является в дискурсии доминантой⁷. Под иллокутивной силой понимается прагматический эффект от гармонизации цели субъекта, порождающего высказывание, и пресуппозиции, включающей в себя вербальный и ситуативный контекст. Характер таких контекстов обусловливается интенциями субъекта, порождающего высказывание.

Основным назначением коммуникативно-речевого акта является «не просто механическое построение звуков, а конструирование смысла» (Серль, 1986: 151). На его сущность указывает определение *коммуникативный* к слову *акт* (лат. *communicare* – ‘делать общим, связывать, общаться’ + *act* – ‘действие’). Опираясь на серлевские дефиниции, можно заключить, что коммуникативно-речевой акт представляет собой синергичное сочетание ментально-психической и речевой деятельности (см.: Mei, 2019: 50; Прозоров, 2021: 126). Первая (ментально-психическая) с помощью языка кодирует и декодирует смысловое содержание авторских интенций. В ментально-психической деятельности сопряжены: а) ментальные акты – мыслительные процессы коммуниканта в момент его локутивной готовности производить высказывание; б) психическая деятельность, ведущая поиск адекватных способов отражения коммуникативно значимого события в сознании общающихся. Вторая (речевая) деятельность производит речевые акты – функциональные единицы речевого общения, которые воплощают целенаправленное речевое действие (см.: Ballmer, Brennstuhl, 1981; Geißner, 1981). В русле подобных размышлений Л.В. Боргер называет речевой акт (РА) «элементарной единицей речи», получающей выражение в общении с помощью языковых средств» (Боргер, 2004: 7). Внимание обращается на бинарность речевого акта, который: а) отражает коммуникативную ситуацию; б) прагматические установки общающихся (Алефиренко, Чумак-Жунь, 2008). Признаки речевого акта раскрываются в следующей дефиниции: 1) это единица общения; 2) обладающая динамичностью; 3) конструируемая языковыми средствами. Эффективность РА обусловливается адекватностью идентификации адресатом коммуникативных намерений адресанта (см.: Григорьева, 2007).

⁶ Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учебное пособие. М. : Флинта ; Наука, 2014. С. 34.

⁷ Милосердова Е.В. Прагматика речевого общения...

Итак, речевой акт предстает как минимальная единица речевой деятельности (ее процесс и результат), отдельный акт речи, в нормальных случаях представляет собой диалогический процесс порождения текста. Этот процесс зиждется на неразрывном единстве говорения и слухового восприятия (понимания смыслового содержания) производимого текста. Здесь уместно провести параллель с определением Р.О. Якобсона устной формы речевого акта как «совокупности говорения, слушания, восприятия и понимания» (Якобсон, 1985). Признанная модель речевого общения Р.О. Якобсона и всей Пражской функциональной школы развивается в теории речевых актов Дж. Остина. Согласно концепции британского лингвофилософа (Остин, 1999), структура речевого акта состоит из следующих фаз проявления РД: *локуции* (акта порождения высказывания), *иллокуции* (прагматического компонента смыслового содержания высказывания, отражающего коммуникативную цель производящего высказывания субъекта) и *перлокуции* (речевого воздействия). В таком трехуровневом представлении РА выделены базовые механизмы осуществления коммуникативно-прагматического действия. В русле концепции московской психолингвистической школы речевая деятельность определяется как предметный, активный, мотивированный и целенаправленный процесс передачи мысли, оформленной посредством языка (Леонтьев, 2007; Зимняя, 2001). Состоит она из речевых актов, основными свойствами которых являются: а) намеренность субъекта речи что-либо сообщить, выразить или побудить; б) целеустремленность высказывания (намерение сообщить что-либо); в) конвенциональность (условность).

Из вышеизложенного можно заключить, что произвести РА – значит выстроить высказывание (см.: Жирова, 2020: 85), осуществить референцию (отнесение высказывание к предмету мысли) и предикацию (отнесение содержания данного предмета мысли к действительности). Такая речемыслительная когерентность позволяет: а) соотнести высказывание с подлинными реалиями; б) придать высказыванию целенаправленность; в) вызвать у адресата соответствующую реакцию – то, что служит; г) созданию целостности дискурса.

Все это хорошо представлено в стихотворении И.А. Бунина «В жарком золоте заката Пирамиды», где *«Вдоль по Нилу, на утеху иностранцам, / Шелком в воду светят парусные лодки / И бежит луксорский белый пароход»*. Автор всматривается в сиреневые дали: *«там, на юге, / На нубийском диком юге, – мутны, знойны / И все так же миру чужды, заповедны, / Как при Хуфу, при Камбизе... Я привез / Лук оттуда и колчан зеленомедный, / Щит из кожи бегемота, дротик стройный, / Мех пантеры, сеть заржавленной кольчуги, / Но какая мне в них надобность – вопрос»*.

Автор объективирует РА в высказывания, одновременно соотносит их с целенаправленным воспроизведением египетских реалий (пустынный *нубийский юг* – пустыня между Нилом и горной грядой Этбай; при *Хуфу* – сыне фараона Снофру; с именем *Камбиза*, старшего сына Кира II Великого, связана эпоха персидского господства в Египте). Такого рода дискурсивная предикация, связанная с переживаниями автора, не может не вызывать соответствующий эмоциональный отклик и читателей. Налицо включение РА в событийный дискурс стихотворения.

Итак, средством воплощения РА является высказывание. Через высказывания РА как потенциальная единица коммуникативно-речевой деятельности формирует дискурс. В данном контексте различаются потенциальное и реальное высказывание. Первое является категорией психологии речи. Возникает оно на этапе внутреннего программирования как основание для производства речевого высказывания (см.: Леонтьев, 2007). Согласно концепции А.А. Леонтьева, первоначальным стимулом порождения высказывания служит мотив, вызывающий коммуникативное намерение, на базе которого возникает формируемый внутренней речью замысел, когда происходит выделение темы, предмета высказывания, и ремы (здесь оформляется понимание того, что конкретно предполагается сказать о данном предмете мысли). После установления связи между пресуппозицией (~ темой) и целевой установкой (~ ремой) включаются процессы предикации и номинации, осуществляющие формирование реального речевого высказывания. Речемыслительным механизмом его порождения служит дискурс. Его предназначение: установить смысловые связи между актами предикации и номинации, необходимые для формирования дискурсивной модели (~ структурной схемы) высказывания.

При этом высказывание не покидает пределы дискурсии. Оно остается одним из важных компонентов ее продукта – дискурса, а сам РА обретает статус коммуникативно-речевого образования. Будучи включенным в дискурс или в один из его фрагментов, высказывание становится их интегральной составляющей (рисунок).

Речевой акт и коммуникативно-речевая деятельность

Как показывает рисунок, коммуникативно-речевая деятельность – психолингвальный феномен, который, совмещая акт порождения и акт восприятия высказывания, выполняет сложные интерлокутивные функции. В данном

определении содержится квинтэссенция интеллектуальной активности человека, отмечается ее интегральная (вербально-ментальная) *природа*.

Речевые акты как целенаправленные действия, которые осуществляются по принятым в данной лингвокультуре принципам общения, являются средствами воплощения коммуникативно-речевой деятельности. В соответствии с теорией Дж. Остина, РА выступают не столько единицами речевого общения, сколько единицами речевого поведения (Остин, 1999). В РА заложены возможности и способности к общению. Его сущность в потенциально представленной информации о том, как именно возможно интерактивное взаимодействие коммуникантов, исходя из знаний, намерений и ментальных установок субъекта, намеревающегося произвести высказывание (Франк, 1999; о прагматике дискурсии см.: Gruber, 1996). РА – единица, которая через высказывание участвует в дискурсии, то есть формирует текстопорождающий дискурс.

Итак, речевые акты (действия речепорождения, осуществляющие позицию (референцию и предикацию), действия, воплощающие авторские интенции) являются конституентами коммуникативно-речевой деятельности, которая, кроме РА, включает еще и механизмы вербализации мысли. В силу этого коммуникативно-речевая деятельность служит платформой для «взаимодействия отправителя и получателя, в основе которого лежит сообщение» (Почепцов, 1986: 84). Из этого можно заключить, что коммуниканты, совершая коммуникативно-речевые акты, одновременно выполняют и акты речевые (ср.: Клюев, 2002). Эта мысль уточняется А.Е. Кибриком, полагающим, что речевой акт как «дискретно выделяемый такт дискурса» являются одним из компонентов коммуникативного акта. Другими его компонентами, по мнению автора, являются: а) *дискурс*; б) *коммуникативная* (внешняя) *ситуация*, определяющая тему общения; в) *конситуация* (предметное окружение участников речевой коммуникации) (см.: Кибрик, 1992: 289). Для адекватного понимания данного суждения следует расставить акценты в плане соотношения КА и РА, поскольку от этого зависит их корреляции с дискурсом. Можно считать установленным, что РА является конструктивной единицей дискурса (см.: Шевченко, 2007: 69), который сам оказывается составляющим коммуникативного акта. Это объясняется диалектической сущностью КА, его диаметрально противоположными и вместе с тем взаимосвязанными ипостасями. Одна из них обращена к коммуникативной ситуации, вторая – к коммуникативному событию (когнитивному субстрату дискурса).

В данном контексте важно адекватно понимать, благодаря чему РА становится «дискретно выделяемым тактом дискурса». Полагаем, благодаря тем единицам, которые речевым актом порождаются. Такими единицами, как уже было отмечено, являются высказывания. Однако, чтобы согласиться с этим суждением, необходимо уяснить, что понимается под высказыванием, поскольку данное понятие в теории речевых актов и в учении об организации связной речи получило амбивалентное истолкование. Такая неоднозначность феномена высказывания обуславливается его соотносительностью и с речевым актом, и с его дериватом – речевым произведением (высказанной словами мысли). В коммуникативно-речевой проекции основной синтаксической единицей является высказывание – речевой коррелят предложения, конструкта

с абстрактным, безличностным, типовым значением. Высказывание же обладает ситуативным, личностным смысловым содержанием. Нередко высказываниями называют фрагменты речевого потока. Поскольку же речевые акты, как мы ранее определили, являются единицами речевого общения, их алогично отождествлять с фрагментами, на которые членится речевой поток, то есть с сегментными единицами речевого построения. Если сформулировать эту мысль проще, то в парадигме когнитивной лингвопоэтики высказывание не является исключительно коррелятом воспроизведенного предложения, так как оно зачастую оказывается больше предложения. Дело в том, что при формировании связной речи происходит смысловое развертывание высказывания не в отдельное предложение, а в цепь предложений, сочетающихся в едином денотативном пространстве. Так, в стихотворении Н. Гумилева «Египет» смысловое содержание высказывания развертывается в строфу, отображающую целую дискурсивную ситуацию в несобытийном ракурсе: «Сфинкс улегся на страже святыни / И с улыбкой глядит с высоты, / Ожидая гостей из пустыни, / О которых не ведаешь ты».

Культурема «Египет» содержит различные языковые образы, которые предстают перед нами «Как картинка из книжки старинной, Услаждавшей... вечера» поэта. Реализуется она речевыми актами, состоящими из сложных многоступенчатых действий (локуции, иллокуции и перлокуции), целенаправленно производимых поэтом с целью не только эмоционально, но и интеллектуально воздействовать на адресата. Создавая таким способом единое с читателем денотативное пространство, автор отбирает в своем лексиконе индивидуально-авторские средства выражения своих интенций (см.: Witek, 2021: 326): настроений, чувств, оценок и личностного отношения к коммуникативному событию.

Итак, процесс порождения высказывания (см.: Чумак-Жунь, 2017: 56) является сложной речемыслительной деятельностью, одновременно активизирующей ментальный и языковой код в их постоянном взаимообусловленном переплетении.

Заключение

Речевой акт, являясь элементарной единицей речевого общения, отражает коммуникативную ситуацию и прагматические установки участников общения. Дальнейшее исследование речевых актов позволит проникнуть в их категориальные признаки как единиц общения, обладающих динамичностью и конструируемых не только эксплицитными, но и имплицитными языковыми средствами.

Речевой акт не следует отождествлять с физическим речением, от которого он отличается своей интегральной природой: сочетанием вербального и ментального начала. В этом его категориальная специфика: как психолингвальная единица речевой акт – потенциальная единица речевой коммуникации. В нем заложены возможность и способность к общению.

Речевые акты – это речевые действия. Этим речевые акты отличаются от коммуникативных актов, которые состоят из взаимодействия отправителя и получателя. Совершая коммуникативные акты, одновременно выполняются и акты речевые. Тем самым речевые акты посредством высказываний

оказываются связанными с дискурсом, выступая его моделирующими звеньями. Произвести РА – значит, фактуально выстроить высказывание, осуществить предикацию: соотносить высказывание с действительностью, придать ему целенаправленность, вызвать у адресата соответствующую реакцию. Из процессуальной природы речевого акта следует, что средством его воплощения служит высказывание.

Углубленное исследование структуры речевого акта (трех фаз речевой деятельности: локуции – акта производства высказывания, иллокуции, выражающей прагматические цели высказывания, и перлокуции – акта воздействия) позволит показать тонкие грани функционально-генетического соприкосновения всех составляющих коммуникативно-речевой деятельности.

Дискурс – коррелят коммуникативно-речевой деятельности: сложного психолингвального процесса, продуцируемого различными интерлокутивными силами с доминирующими в них прагматическими факторами. Его элементами являются высказывания и речевые акты. Их рассмотрение сквозь призму текстопорождающей функции дискурса открывает путь к осмыслению когерентности формально-речевых и смыслопорождающих механизмов, служащих гармонизации ментальных и речевых актов.

Глобальной перспективой исследования является создание когнитивно-прагматической теории речемыслительной деятельности.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И.* Коммуникативная ситуация как когнитивно-прагматический фактор порождения поэтического дискурса // *Auspicia*. 2008. № 1. С. 68–73.
- Боргер Я.В.* Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 21 с.
- Григорьева В.С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография. Тамбов : ТГТУ, 2007. 288 с.
- Гуревич Л.С.* Коммуникативный акт vs речевой акт : проблемы соотношения понятий // *Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2007. Т. 5. № 1. С. 103–108.
- Жирова И.Г.* Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств : на материале современных художественных произведений // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2020. Т. 6. № 3. С. 85–98. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-7>
- Зимняя И.А.* Лингвопсихология речевой деятельности. М. : ОАНО ВО МПСУ ; Воронеж : Модэк, 2001. 432 с.
- Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
- Клюев Е.В.* Речевая коммуникация. М. : Рипол Классик, 2002. 320 с.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М. : КомКнига, 2007. 451 с.
- Остин Дж.* Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.
- Пинкер С.* Язык как инстинкт. М. : Эдиториал УРСС, 2004. 456 с.
- Почепцов Г.Г.* Основы прагматического описания предложения. Киев : Вища школа, 1986. 170 с.
- Прозоров В.В.* Лирический дискурс/текст как речезанровый кроссовер // *Жанры речи*. 2021. № 2 (30). С. 126–135. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-126-135>

- Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт? Косвенные речевые акты. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 151–222.
- Франк Д.* Семь грехов прагматики : тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения и риторике // Зарубежная лингвистика. 1999. Вып. 2. С. 254–264.
- Чумак-Жунь И.И.* Поэтический текст и поэтический дискурс : к разграничению понятий // Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (64). С. 56–60.
- Шевченко И.С.* Речевой акт как единица дискурса : когнитивно-прагматический подход // Тверской лингвистический меридиан. 2007. Вып. 7. С. 69–80.
- Якобсон Р.О.* Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. 460 с.
- Alefirenko N., Nurtazina M.* Metaphorical discourse. Search for the essence of speech imagery // Cuadernos de Rusística Española. 2018. Vol. 14. Pp. 15–28. <https://doi.org/10.30827/cre.v14i0.6366>
- Ballmer T., Brennstuhl W.* Speech act classification. Berlin – New York : Springer, 1981. 274 p.
- Chang B.G.* To read what is not written : from psychoanalysis to rhetoric and back // Review of Communication. 2020. Vol. 20. No. 1. Pp. 1–5. <https://doi.org/10.1080/15358593.2019.1707269>
- Geißner H.* Sprechwissenschaft : Theorie der mündlichen Kommunikation. Königstein : Königstein im Taunus, 1981. 235 s.
- Gruber H.* Streitgespräche : Zur Pragmatikeiner Diskursform. Opladen, 1996. 352 p.
- Hirvonen M., Wiklund M.* From image to text to speech : the effects of speech prosody on information sequencing in audio description // Text and Talk. 2021. Vol. 41. No. 3. Pp. 309–334. <https://doi.org/10.1515/text-2019-0172>
- Mei T.* The poetics of meaningful work : an analogy to speech acts // Philosophy and Social Criticism. 2019. Vol. 45. No. 1. Pp. 50–70. <https://doi.org/10.1177/0191453718768359>
- Stubbs M.* Discourse analysis : the sociolinguistic analysis of natural language. Oxford : Blackwell, 1983. 272 p.
- Tiittula L.* Metadiskurs : Explizite Strukturierungsmittelimmündlichen Diskurs. Hamburg : Buske, 1993. 301 p.
- Van Dijk T.A.* Studies in the pragmatics of discourse. Hague : Mouton, 1981. 331 p.
- Van Dijk T.A., Kintsch W.* Strategies of discourse comprehension. New York : Academic Press, 1983. 418 p.
- Witek M.* Self-expression in speech acts // Organon F. 2021. Vol. 28. No. 2. Pp. 326–359. <https://doi.org/10.31577/orgf.2021.28204>

Сведения об авторах:

Абдельхамид Саид Ахмед Мохамед, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка, факультет иностранных языков «Аль-Альсун», Айн-Шамский университет, Арабская Республика Египет, 11566, Каир, Аббасия, ул. Аль Халифа Аль Мамун. *Сфера научных интересов:* текст и дискурс, языковая картина мира, непрягая номинация. ORCID: 0000-0002-8363-3326, eLIBRARY SPIN-код: 7473-0587, AuthorID: 249802. E-mail: said_abdelhameed@alsun.asu.edu.eg

Алефиренко Николай Федорович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85. *Сфера научных интересов:* лингвокультурология, когнитивная теория дискурса, прагмалингвистика, косвенная номинация. ORCID: 0000-0002-4083-4486, eLIBRARY SPIN-код: 7473-0587, AuthorID: 249802. E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85. *Сфера научных интересов:* текст, поэтический дискурс, прагмалингвистика. ORCID: 0000-0001-6790-1418, eLIBRARY SPIN-код: 6428-2587, AuthorID: 603186. E-mail: chumak@bsu.edu.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-7-17

EDN: YFQFRP

Research article

Speech acts and Russian text-generating discourse

Said Abdelhamid¹, Nikolai F. Alefirenko², Irina I. Chumak-Zhun²✉

¹*Ain Shams University, Cairo, Arab Republic of Egypt*

²*Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation*

✉ chumak@bsu.edu.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the hidden turbulence of such concepts often used in Russian studies as “speech activity”, “speech acts” and “discourse”. The aim of the work is to determine the genetic connections of this trinity and the functional purpose of each of the categories under consideration. The main research means is the authors’ method of discursive-modus analysis of artistic speech. The research materials were dictionary definitions from explanatory dictionaries of the Russian language, in particular from “Dictionary of expressive stable phrases of the Russian language” compiled by V.Ju. Melikyan, as well as utterances extracted from the Russian National Corpus. The authors found that the communicative-speech act is a synergistic combination of mental-psycho and speech activity. Mental-psycho activity involves mental acts – the thought processes of the communicant at the moment of his locative readiness to make a statement and psycho activity of searching for adequate ways to reflect a communicatively significant event in the discursive consciousness of the communicants. Mental-psycho activity encodes and decodes the semantic content of the author’s intentions with the help of the means of the language system. Speech activity produces speech acts – functional units of speech communication embodying a purposeful speech action. In conclusion, the categorical essence of the speech act and discourse are generalized. The perspective of the research is the development of a cognitive-pragmatic theory of speech-thinking activity based on the material of the Russian language.

Keywords: communicative-speech activity, speech act, Russian discourse, utterance, thinking processes, communicative event

Article history: received 16.09.2022; accepted 18.11.2022.

For citation: Abdelhamid, S., Alefirenko, N.F., & Chumak-Zhun, I.I. (2023). Speech acts and Russian text-generating discourse. *Russian Language Studies*, 21(1), 7–17. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-7-17>

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-18-32

EDN: YZIAMC

Научная статья

Лексико-синтаксические актуализаторы хеджирования в русском языке: опыт анализа отзывов о диссертации

О.А. Богинская

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Российская Федерация*

✉ olga_boginskaya@mail.ru

Аннотация. Анализируются русские лексико-синтаксические актуализаторы хеджирования как риторической стратегии смягчения негативной оценки результатов рецензируемого исследования. Актуальность работы обусловлена переосмыслением природы академического дискурса, который рассматривается не только как информационная среда, но и как интерактивное пространство. Данный подход детерминирует потребность изучения языковых средств конструирования гармоничного диалога с адресатом. Цель исследования – количественный и интерпретативный анализ лексико-синтаксических средств русского языка, актуализирующих стратегию хеджирования в корпусе исследуемых текстов. Материалом послужили 90 отзывов официальных оппонентов о диссертациях, опубликованных на сайтах диссертационных советов в 2019–2022 гг. Научную новизну определяет использование в качестве объекта исследования жанра отзыва о диссертации, в котором впервые изучаются языковые средства смягчения негативной оценки, функционирующие на двух языковых уровнях. Для анализа лексико-синтаксических средств, актуализирующих стратегию хеджирования, применялись методы количественного и интерпретативного анализа. Результаты количественного анализа показали, что в текстах отзывов стратегия хеджирования преимущественно актуализируется с помощью глаголов, наречий и вводных конструкций. Интерпретативный анализ выявил, что хеджи реализуют несколько коммуникативных функций: смещение фокуса высказывания, модусная митигация критики и деинтенсификация негативной оценки. Исследование вносит вклад в изучение академического дискурса, а также в такие разделы лингвистики, как прагмалингвистика, теория текста и дискурса. Перспективным направлением может стать анализ лексико-грамматических средств русского языка, участвующих в актуализации других метадискурсивных стратегий.

Ключевые слова: академический дискурс, негативная оценка, смягчение, русские синтаксические конструкции, русские лексические единицы, модальность

История статьи: поступила в редакцию 14.10.2022; принята к печати 19.12.2022.

Для цитирования: Богинская О.А. Лексико-синтаксические актуализаторы хеджирования в русском языке: опыт анализа отзывов о диссертации // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 18–32. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-18-32>

© Богинская О.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

В современной науке о языке, где доминирующим становится принцип антропоцентризма, академический дискурс – важный объект исследования, поскольку представляет собой пространство проявления личности с характерной для нее системой жизненных ценностей и установок, а также речемыслительных операций, которые неизбежно сопровождаются критической рефлексией. Академический дискурс все чаще рассматривается не только как информационная среда, но и как интерактивное пространство. Изменение подхода к осмыслению научной коммуникации требует изучения риторических стратегий, используемых для конструирования эффективного диалога с адресатом. Одной из таких стратегий является хеджирование.

Термин «хеджирование» был введен Дж. Лакоффом, определившим *хеджи* как языковые единицы с расплывчатой семантикой (Lakoff, 1973). Данная дефиниция неоднократно использовалась в качестве отправной точки в целом ряде исследований (см., например: Власян, 2019; Channel, 1994). Так, Г.Р. Власян концептуализировал хеджирование как «прагматическую стратегию, выполняющую защитную функцию высказывания за счет представления предметов и явлений нечеткими и неоднозначными» (Власян, 2019: 75). Однако в лингвистической литературе можно найти и определение хеджирования как стратегии вежливости (Brown, Levinson, 1987). Одним из базовых концептов данного подхода является понятие лица – коммуникативный имидж, конструируемый автором в процессе взаимодействия с читателем. П. Браун и С. Левинсон выделили два типа лица: позитивное и негативное. Первое – положительный образ, который создают коммуниканты исходя из желания быть принятыми другими. Второе основано на желании иметь свободу действий и не допустить вмешательства со стороны других. Вежливость рассматривается как основной мотивирующий фактор хеджирования, а академический дискурс определяется как вербальное взаимодействие, в котором решающее значение имеет сохранение лица (Myers, 1989) и возможность избежать аподиктических утверждений, игнорирующих желание читателей делать самостоятельные выводы (Hübler, 1983). Как отмечает Дж. Майерс, представление собственных взглядов всегда сопряжено с напряжением: оставаясь в рамках определенной парадигмы и общепринятой теории, автор должен продуцировать новое знание, создавая угрозу для других исследователей и дисциплинарного сообщества в целом. Во избежание этого автору приходится убеждать читателей в том, что его позиция не исключает существования альтернативных точек зрения (Myers, 1989).

Из концепции вежливости вытекает определение, положенное в основу настоящего исследования: хеджирование как риторическая стратегия, используемая для смягчения иллюкутивной силы категоричного высказывания, направленная на уменьшение нежелательных эффектов коммуникативного поведения говорящего (Fraser, 2010) и обеспечивающая успешность коммуникации путем создания ощущения психологического комфорта (Caffi, 2007).

В данном ракурсе хеджирование исследуется в целом ряде зарубежных работ, базирующихся преимущественно на междисциплинарном или меж-

культурном подходе. Например, с междисциплинарной точки зрения Н. Хауфику и Дж. Кангира проанализировали роль хеджей в магистерских диссертациях и пришли к выводу о том, что частотность использования данной стратегии предопределена необходимостью соблюдения стилистических норм письма, принятых в том или ином дискурсивном сообществе (Haufiku, Kangira, 2018). О. Дончева-Навратилова, исследовавшая межкультурные различия хеджирования в англоязычном академическом дискурсе носителями и неносителями английского языка, обнаружила, что первые прибегают к смягчению иллокутивной силы высказывания значительно чаще (Dontcheva-Navratilova, 2016). Н. Туи, также поместивший в фокус лингвистического анализа средств хеджирования межкультурный аспект, обнаружил, что во вьетнамском академическом дискурсе модальные глаголы значительно чаще используются для реализации стратегии хеджирования, чем в англоязычном (Thuy, 2018). Межкультурное исследование А. Резанеджад показало, что в отличие от вьетнамских ученых, иранские авторы с целью хеджирования чаще используют наречия-аппроксиматоры (Rezanejad, 2015).

В отечественной лингвистике стратегия хеджирования не получила такого пристального внимания, однако и в России есть ряд ученых, объектом исследований которых является стратегия смягчения иллокутивной силы пропозиции. Обзор работ российских авторов показал, что в большинстве из них хеджирование рассматривается в связи с категориями вежливости и (не)категоричности. Так, Н.Н. Панченко и Я.А. Волкова, продемонстрировав связь между данными категориями, убедительно доказали, что русскоязычному академическому дискурсу присущ высокий уровень категоричности и низкая частотность хеджей, что обуславливает его конфликтогенность (Panchenko, Volkova, 2021). Т.В. Ларина, предпринявшая попытку анализа научных рецензий на английском и русском языках с точки зрения проявления в них свойства категоричности/некатегоричности, пришла к выводу о свойственной русским текстам эмоциональности, прямолинейности и категоричности, которые отличают их от эмоционально сдержанных и конструктивных англоязычных рецензий (Ларина, 2019).

Хотя данные исследования являются ценным теоретическим материалом, потенциал изучения хеджирования как эффективной стратегии взаимодействия автора и читателя в пространстве академического дискурса не исчерпан. Более того, отзыв о диссертации как критический жанр академического дискурса крайне редко выступает в качестве объекта метадискурсивного анализа и в целом является недостаточно изученным в современной лингвистике. В ходе анализа источников теоретического материала было найдено лишь несколько работ, посвященных отдельным языковым, дискурсивным и метадискурсивным аспектам отзывов. Во всех работах указывается на оценку как на обязательный смысловой компонент отзыва, а оценочность рассматривается как идентифицирующий признак жанра. Так, Л.Б. Никитина и К.Ю. Мальшкин, рассмотрев критический жанр академического дискурса через призму категоричности, пришли к выводу о необходимости импликации отрицательной оценки, позволяющей смягчить позицию рецензента. При этом, как утвер-

ждает авторы, положительная оценка «приемлет как косвенный, так и прямой способ выражения и практически свободна от этических табу» (Никитина, Малышкин, 2015: 74). Исследуя прагматические особенности отзыва о диссертации, Ю.А. Петренко выделила четыре вида оценки (общая аксиологическая оценка, интеллектуальная, эмоциональная и практическая) и пришла к выводу о том, что репрезентация оценочного значения детерминирована параметрами институциональности (Петренко, 2020). Типичные способы выражения оценки в отзывах о диссертации стали объектом исследования О.С. Бакановой. К наиболее продуктивным средствам она отнесла лексемы с метафорическим выражением количественно-качественного значения (Баканова, 2019). Е.Ю. Викторова в качестве объекта анализа выбрала другой метадискурсивный компонент отзывов – авторизирующие конструкции, которые, как показала автор, снижают категоричность отрицательных оценок, акцентируют внимание на положительных аспектах исследования и способствуют усилению перлокутивного воздействия на адресата (Викторова, 2022).

Представляется, что метадискурсивные аспекты данного жанра как части русского академического дискурсивного пространства заслуживают более пристального внимания со стороны лингвистов, а малое количество отечественных работ в этой области определяют научную новизну настоящего исследования, направленного в том числе на преодоление разрыва между российской и зарубежной лингвистикой, в которой проблема смягчения категоричности в оценочных жанрах академического дискурса (хеджирования) получила широкое освещение (Alcaraz-Ariza, 2011; Hyland, Diani, 2009; Giannoni, 2007; Zou, Hyland, 2020 и др.).

Таким образом, **цель исследования** – количественный и интерпретативный анализ лексико-синтаксических средств русского языка, актуализирующих метадискурсивную стратегию хеджирования в текстах отзывов о диссертации. Для достижения поставленной цели выявляются типы, частотность и функции лексических единиц и синтаксических конструкций, выступающих в роли хеджей в фокусном жанре. Представляется, что исследование разноуровневых языковых средств позволит расширить представление о способах актуализации стратегии хеджирования и конкретизирует метадискурсивные особенности исследуемого жанра.

Методы и материалы

Материалом исследования послужили русскоязычные отзывы официальных оппонентов, опубликованные на сайтах диссертационных советов Адыгейского государственного университета¹, Кемеровского государственного университета², Российского государственного педагогического универ-

¹ Адыгейский государственный университет. Аспирантура, докторантура, диссертационные советы. URL : <https://www.adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/> (дата обращения: 12.08.2022).

² Кемеровский государственный университет. Диссертационный совет Д 212.088.01. URL : <https://kemsu.ru/science/dissertation-councils/diss-212-088-01> (дата обращения: 12.08.2022).

ситет имени А.И. Герцена³, Сибирского федерального университета⁴, Новосибирского государственного педагогического университета⁵, Иркутского национального исследовательского технического университета⁶ в 2019–2022 гг. Методом сплошной выборки были отобраны 90 отзывов. Количество слов в исследуемых текстах составило 121 234.

Для анализа лексико-синтаксических средств, актуализирующих стратегию хеджирования, использованы методы количественного и интерпретативного анализа. Количественный анализ был дополнен интерпретативным анализом с целью уточнения коммуникативных функций лексической единицы или синтаксической конструкции, идентифицированной как хедж. Все найденные хеджи были разделены на две категории: 1) лексические средства: прилагательные, наречия, глаголы и частицы; 2) синтаксические средства: вводные конструкции, отрицательные конструкции, противительные конструкции, уступительные конструкции, вопросительные конструкции.

Анализ проводился поэтапно:

1. Отбор отзывов с использованием метода сплошной выборки и их экспортирование в файл формата Microsoft Word.
2. Анализ текстов с целью выявления языковых средств хеджирования.
3. Распределение хеджей по двум группам: лексические средства и синтаксические средства.
4. Распределение хеджей по подгруппам в рамках выделенных групп.
5. Определение частотности лексических и синтаксических средств хеджирования в исследуемом корпусе.
6. Обобщение полученных результатов в таблицах.
7. Интерпретация полученных результатов с целью выявления функций выявленных языковых средств хеджирования в контексте оценочных высказываний.

Результаты

Интенциональность дискурсивного поведения говорящего/пишущего проявляется в выборе наиболее адекватных коммуникативной ситуации языковых знаков. Данный выбор не случаен. Он обусловлен природой академического дискурса, его нормами, требующими от членов академического сообщества быть толерантными по отношению к иной точке зрения и чужим результатам исследования, и основан на механизме фокусирования внимания на определенном компоненте данной ситуации. Частичный вывод нежелательной негативной информации из прагматического фокуса высказывания, деинтенсификация и митигация негативной оценки могут осуществляться

³ Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. Объявление о защите диссертации. URL : https://dissler.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000000764.html (дата обращения: 12.08.2022).

⁴ Научно-инновационный портал СФУ. URL : <https://research.sfu-kras.ru/sites/research.sfu-kras.ru> (дата обращения: 23.09.2022).

⁵ НГПУ. Диссертационный совет Д 212.172.03. URL : <https://nspu.ru/nauka/dissertatsionnye-sovety/dissertatsionnyy-sovet-d-212-172-03> (дата обращения: 23.09.2022).

⁶ Иркутский национальный исследовательский технический университет. Диссертационные советы. URL : https://www.istu.edu/deyatelnost/obrazovanie/aspirantura_i_doktorantura/sovety/18302 (дата обращения: 23.09.2022).

с помощью хеджей, которые позволяют адресанту избежать коммуникативных рисков и являются одним из способов достижения баланса негативных и позитивных оценок.

Результаты количественного анализа лексико-синтаксических средств русского языка, реализующих функцию хеджирования в исследуемом корпусе, обобщены в таблице.

Частотность русских лексико-синтаксических актуализаторов хеджирования

Категория	Частотность
<i>Лексические средства</i>	318
Прилагательные	24
Наречия	94
Глаголы	196
Частицы	4
<i>Синтаксические средства</i>	154
Вводные конструкции	47
Отрицательные конструкции	39
Противительные конструкции	26
Уступительные конструкции	11
Вопросительные конструкции	31
Всего	472

Исследование показало, что наиболее частотными языковыми средствами хеджирования являются лексические единицы, среди которых доминирующими оказались глаголы и наречия. Среди синтаксических средств преобладают вводные и отрицательные конструкции.

Обсуждение

Критика – базовый вид научной деятельности. Представителям академического сообщества неизбежно приходится оценивать результаты, полученные другими исследователями как в дискурсивном пространстве собственных научных статей, так и в процессе рецензирования чужих научных работ, следуя нормам научной этики, которая ориентирует на снижение категоричности суждений, отказ от безапелляционности и выбор в пользу косвенной оценки. Использование хеджей в оценочных жанрах академического дискурса является показателем прагматической компетентности автора и залогом эффективной коммуникации с адресатом, позволяет создать оптимальный баланс негативных и позитивных оценок и сконструировать образ коммуникативно компетентного партнера. Как справедливо отмечает С.Т. Нефедов, «из этических профессиональных соображений особенно важно дозировать категоричность критических замечаний при оценивании позиции коллег по научной дисциплине и общепринятого нормативного знания» (Нефедов, 2017: 599).

В исследуемом корпусе текстов стратегия хеджирования представлена репертуаром разноуровневых языковых средств, реализующих целый спектр коммуникативных функций (Boginskaya, 2022).

Прилагательные

Данная лексическая группа является самой малочисленной (24 употребления) в анализируемых текстах и представлена алетическими прилагательными (7 употреблений) и прилагательными с семантикой неопределенности (17 употреблений). Для иллюстрации приведем пример из анализируемого корпуса отзывов.

(1) *Считаю возможным дополнить исследовательскую позицию диссертанта по следующим вопросам.*

Алетическое прилагательное выступает в качестве маркера некатегоричности, поскольку в его семантике содержится указание на то, что оппонент представляет лишь один из возможных вариантов исследовательской позиции. Таким образом, хедж, выполняющий функцию модусного митигатора, ослабляет негативное эмоциональное воздействие на диссертанта, редуцируя иллюкутивную силу высказывания. Первое лицо предиката мнения усиливает митигацию, указывая на субъективность оценки. Таким образом, смягчение реализуется комбинацией лексических средств – личностно ориентированным глаголом эпистемической модальности и алетическим прилагательным.

Прилагательные с семантикой неопределенности помогают создать некатегоричное интерпретирующее высказывание, сужая степень проявления отрицательной характеристики полученных диссертантом результатов.

(2) *Помимо прочего, это утверждение вступает в некоторое противоречие с указанием на то, что в диссертации выявлены «этнокультурные особенности дискурсивных практик активного юридического поля».*

Негативная тональность ослаблена с помощью семантического оператора, редуцирующего интенсивность проявления признака и снижающего точность пропозиционального содержания. Деинтенсификация оценки с помощью семантики неопределенности позволяет сделать ее менее категоричной, смягчая негативное эмоциональное воздействие на диссертанта. Как писал В.В. Виноградов, «говорящий как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками и замечками» (Виноградов, 1972: 577).

Наречия

Наречия являются второй по частотности категорией лексических средств. Наиболее продуктивными, как показал анализ, оказались наречия меры и степени (47 употреблений), снижающие точность пропозиции:

(3) *Кроме того, во введении недостаточно четко указывается на различия между англо-саксонской и американской юридической традицией.*

Приведенный фрагмент служит ярким примером реализации наречием меры и степени функции смягчения негативной оценки, выраженной качественным наречием *четко*, позволяя автору отзыва избежать категоричности суждения. В следующем примере наречие меры и степени коррелирует с местоименным прилагательным с семантикой неопределенности. Деинтенси-

фикаторы позволяют автору ненавязчиво и доброжелательно указать диссертанту на недостаток его работы.

(4) *Некоторые положения, выносимые на защиту, немного повторяют информацию, изложенную в тексте диссертации.*

Темпоральные наречия (31 употребление) также являются продуктивным средством смягчения негативного воздействия на диссертанта путем указания на нерегулярный характер проявления негативных явлений в рецензируемом исследовании:

(5) *В тексте работы порой встречаем такие выражения, как «преобладание», «большое количество»...*

Наречие *порой* преуменьшает значение недостатка, на который обращает внимание оппонент, выражая умеренную интенсивность признака.

Еще одна группа в данной лексической категории представлена наречиями алетической модальности (16 употреблений), позволяющими оппонентам представить критическое суждение как возможное, альтернативное.

(6) *В главе 1 возможно разделение на большее количество групп, чем предложено автором.*

Критическая оценка переносится из актуальной данности в область возможного, что эксплицируется посредством алетического наречия, которое характеризует установку оппонента на кооперативное, доброжелательное общение. Следуя принципу вежливости, адресант сводит к минимуму выражение неодобрения и несогласия с выбранной диссертантом структурой. Такие алетические единицы являются эффективным средством некатегоричного оспаривания позиции диссертанта и представления собственной позиции в ограниченном модусе на фоне допущения альтернативных точек зрения.

Глаголы

Анализ корпуса текстов выявил три группы глаголов, выполняющих роль хеджей: глаголы эпистемической модальности (102 употребления), глаголы деонтической модальности (53 употребления) и глаголы алетической модальности (41 употребление). Наиболее продуктивной оказалась первая группа. Приведем примеры.

(7) *Полагаем, что интернет-комментарий является все-таки жанром НПД.*

(8) *Представляется противоречивым использование понятия коммуникативная толерантность в формулировке гипотезы.*

Модусная модификация пропозиционального содержания в приведенных примерах позволяет смягчить категоричность путем смещения фокуса с негативной оценки на субъективность мнения оппонента и перенести критику в область возможного посредством аксиологических предикатов, которые «входят в структуру оценки, объединяя ее субъект и объект» (Вольф, 2014: 97). Глаголы эпистемической модальности маркируют позицию оппонента, обеспечивая возможность продуцирования критических высказываний в модусе альтернативы.

Частотность глаголов деонтической модальности оказалась значительно ниже, однако и они являются продуктивной категорией, которая помогает передать коммуникативное намерение оппонента в косвенной форме и тем самым снизить интенсивность иллокуции:

(9) *Следовало бы более подробно остановиться, на каких породах формирование почвы происходит быстрее.*

(10) *Хотелось бы в дальнейших трудах автора увидеть такие результаты.*

(11) *Я бы предложила разделить этот пункт на 2.*

Глаголы деонтической модальности использованы для выражения пожелания или рекомендации скорректировать часть работы или продолжить разработку проблемы в перспективном, с точки зрения оппонента, направлении. Их включение свидетельствует об интенции автора отзыва эксплицитно уважительное отношение к диссертанту, готовность к диалогу и указывает на стремление следовать кооперативному принципу и принципу вежливости (Вольф, 2014). Сослагательное наклонение служит речевым сигналом, помогающим диагностировать коммуникативные намерения адресанта. Отметим, что основное значение сослагательного наклонения в данном контексте – снижение категоричности суждения, выражение гипотетического желания (9), рекомендации или совета (8, 10). Т.В. Ларина определяет данное употребление как прагматическое, использующееся для смягчения категоричности высказываний, в отличие от семантического употребления, указывающего на ирреальность ситуации (Ларина, 2009). Как отмечает Р.Д. Брехт, «ирреальность, обозначенная в этих предложениях посредством *бы*, заключается в смягченном, менее категоричном способе выражения, что и является одной из функций сослагательного наклонения в русском языке» (Брехт, 1985: 107). Отметим, что данный тип сослагательного наклонения глаголы имеют лишь в узком круге жанров, который включает и научный отзыв, имитирующий диалог между оппонентом и диссертантом. Обратим внимание и на использование местоимения первого лица единственного числа в (10) с целью изменения иллокутивной силы оценочного высказывания в сторону смягчения категоричности и указания на его субъективно-личный характер.

Наконец, глаголы алетической модальности, указывающие на возможность/невозможность действия, являются самой малочисленной глагольной группой в исследуемых текстах отзывов.

(12) *Эти обстоятельства могут указывать на недостоверность выводов.*

Цель хеджирования – на фоне критики показать, что необязательно квалификация события, предлагаемая оппонентом, является единственно верной: при определенных условиях выводы диссертанта могут быть достоверными. Таким образом, хедж, маркирующий модальность возможности, позволяет донести до диссертанта информацию о некатегоричности предлагаемой оппонентом квалификации сделанных в диссертации выводов.

Частицы

Категория служебных частей речи, выполняющих функцию смягчения негативной оценки, представлена в анализируемых текстах частицами эпистемической модальности с семантикой сомнения.

(13) *Вряд ли можно согласиться с диссертантом в том, что на данный момент данное явление не описано научно.*

(14) *Едва ли данная интерпретация является верной.*

В позиции начала высказывания, частицы *вряд ли* и *едва ли* вводят в высказывание квалификативный смысл ‘сомнение’, оказывая воздействие на семантику предиката и указывая на то, что адресант не имеет достаточного объема объективных данных для утверждения факта и оперирует лишь собственным мнением, не основанном на знании всех имеющих отношение к квалифицируемым выводам условий. Данные частицы, располагающиеся на модальной шкале достоверности ближе к семантическому полюсу отрицания, являются эффективным средством вежливого некатегоричного оспаривания мнения диссертанта и служат коммуникативным проводником квалификативных реакций адресанта, которые на речевом уровне отражают прагматически обусловленное мироощущение через определенный речевой инструментарий (Нагорный, 2019).

Вводные конструкции

Среди вводных конструкций русского языка, выполняющих функцию ослабления иллюкутивной силы негативной оценки, самыми частотными оказались конструкции, выражающие эмоциональную оценку или указывающие на субъективный характер позиции адресанта:

(15) *К сожалению, в работе не представлены фундаментальные работы по данной теме.*

(16) *На наш взгляд, в диссертации решаются больше задач, чем заявлено диссертантом.*

(17) *Как нам представляется, следовало бы дать более подробное описание обоснования подбора авторов и текстов для анализа.*

Стратегия хеджирования, актуализированная с помощью вводных конструкций, позволяет смягчить интеракциональные параметры высказывания за счет смещения коммуникативного фокуса с погрешностей рецензируемой работы на адресанта (15, 16) или его эмоциональное состояние (14). Указание на собственную точку зрения лишает высказывания безапелляционности. Обратим внимание, что в (16) стратегия хеджирования реализуется с помощью двух разноуровневых средств русского языка – вводной конструкции, указывающей на то, что источником информации является адресант, и глагола деонтической модальности в сослагательном наклонении, – комбинация которых позволяет минимизировать негативную оценку и указывает на интенцию оппонента сконструировать гармоничный диалог с диссертантом.

Отрицательные конструкции

Следующей группой синтаксических средств смягчения критики являются отрицательные конструкции, редуцирующие однозначность негативной характеристики:

(18) **Не совсем** понятно, насколько применимы полученные результаты к условиям драг других моделей.

(19) Названия глав работы **не полностью** соответствуют их содержанию.

(20) Остается **не вполне** проясненным, почему только в главе 4 автор обращается к теоретическому обсуждению понятий...

(21) ...аналитическое приращение и критическая переработка точек зрения самим диссертантом **не всегда** отчетливо выражается.

Конструкции с отрицательной частицей *НЕ* позволяют оппонентам представить недостатки диссертационного исследования менее заметными и значимыми, уменьшая интенсивность проявления оценочного признака и указывая на неабсолютный характер оценки.

Противительные и уступительные конструкции

Противопоставление похвалы и критики является менее продуктивной риторической стратегией в исследуемом корпусе и актуализируется с помощью противительных конструкций с союзами *однако* и *но* и уступительных конструкций с союзами *несмотря на* и *хотя*:

(22) На с. 96–97 автор предлагает различие художественного образа как носителя эстетического и эмоционального начал и символа как носителя экзистенциального и когнитивного начала. **Однако** художественный образ имеет и когнитивную природу.

В данном примере противительный союз маркирует переход от положительной оценки к замечанию – неполнота характеристики художественного образа, предложенную автором. Противопоставление недостатков и преимуществ помогает имплицировать критику и представить отрицательную оценку менее категоричной.

(23) **Несмотря на** общее корректное употребление в работе терминологических единиц, остается не вполне понятной интерпретация автором двух значимых для основной идеи исследования понятий...

Присутствие в границах одного предложения положительной оценки и критики делает последнюю менее жесткой, создавая благоприятный эмоциональный фон для конструирования гармоничного диалога с диссертантом. При этом доминирующей в комбинации полярных оценок будет положительная: слабые стороны акцентируются на фоне значимого результата.

Вопросительные конструкции

Еще одним синтаксическим средством русского языка, реализующим функцию хеджирования, являются вопросительные конструкции, цель которых – нейтрализация отрицательной коннотации путем вовлечения адресата в дискуссию, способствующую созданию более дружелюбной атмосферы.

Как показал анализ, наиболее продуктивными типами вопросительных конструкций оказались вопросы-рекомендации, вопросно-ответные комплексы, вопросительно-утвердительные и вопросительно-отрицательные конструкции.

В состав всех найденных в анализируемых текстах вопросов-рекомендаций входили глаголы деонтической модальности с частицей *ли*, которая выражает оттенок сомнения. Встраивая подобные вопросы в критические рассуждения, оппонент предлагает диссертанту иначе взглянуть на рассматриваемую проблему или обратить внимание на иной аспект изучаемого явления. Выражение сомнения с привлечением модального глагола и частицы *ли* лишает высказывание безапелляционности и исключает его рассмотрение как императив.

(24) Не следовало ли уделить внимание функционированию христианских религиозных, коснувшись вопросов особенностей их употребления?

Косвенная отрицательная оценка не дает основания квалифицировать высказывание как суждение, не допускающее возражений, и видеть за ним категоричность позиции оппонента. Предлагая диссертанту обратиться к особенностям употребления религиозных терминов, оппонент не возводит личное мнение в ранг абсолюта, разворачивая критическое оценивание результатов исследования в уступительном модусе, допускающим сосуществование нескольких решений одной проблемы.

Интерес представляют и вопросно-ответные комплексы, также реализующие цель устранить излишнюю категоричность оценочного высказывания.

(25) Насколько оправдано использование в работе большого количества терминов, которые, на наш взгляд, не являются устоявшимися в отечественной лингвистике? Полагаем, что автору следовало бы использовать более подходящие русские соответствия.

Для смягчения критики оппонент использует вопросительную конструкцию как синтаксическое средство демонстрации интереса, позволяющее имплицитно замечание по поводу излишней терминологичности работы. За вопросом следует высказывание, содержащее ответ на поставленный вопрос, оформленный как субъективное мнение-рекомендация. Субъективность маркируется с помощью эпистемического глагола в первом лице, а рекомендация – деонтического глагола в сослагательном наклонении.

В качестве регуляторов иллюкативной силы высказывания в сторону смягчения категоричности авторами анализируемых текстов также использовались вопросно-отрицательные и вопросно-утвердительные конструкции. Приведем пример первого типа:

(26) Диссертант в целом удачно подобрал примеры, число которых позволяет говорить о репрезентативности выборки. Но довольно большой корпус относится к середине двадцатого века, когда традиции научной дискуссии были совсем иные, часто текст переходил в пропагандистский дискурс. Уже в 60-е годы эти особенности стали сходиться на нет, что видно и по примерам диссертанта. Так стоило ли их брать?

Вопрос, заданный оппонентом, равносителен отрицанию: «не стоило». Такая форма выражения критики помогает имплицитно выразить несогласие с выбором диссертанта и смягчить отрицательную оценку. На интенцию оппо-

нента создать благоприятный эмоциональный фон указывает и предшествующая косвенному замечанию положительная оценка. Противопоставление похвалы и критики маркируется противительным союзом *но*.

Заключение

Исследование показало, что хеджирование является неотъемлемой составляющей оценочного жанра академического дискурса, выполняя функции ослабления иллокутивной силы критического высказывания и установления конструктивного, гармоничного диалога с диссертантом.

Как продемонстрировал анализ, в отзывах оппонентов хеджирование реализует следующие коммуникативные цели: 1) смещение фокуса высказывания; 2) модусная митигация критики; 3) деинтенсификация (семантическое ограничение негативной оценки, указание на нерегулярность или неполноту признака).

Выявлено, что стратегия хеджирования реализуется с помощью репертуара лексических и синтаксических средств, наиболее продуктивными среди которых оказались глаголы, наречия и вводные конструкции.

Следует признать, что выводы о частотности, разновидностях и функциях лексических и синтаксических средствах русского языка, актуализирующих стратегию хеджирования, сформулированные на основе анализа 90 отзывов, не следует интерпретировать как окончательные в силу ограниченного объема корпуса. Привлечение более обширного материала может подтвердить или опровергнуть полученные результаты и позволит выявить другие языковые средства смягчения негативной оценки, используемые оппонентами.

В качестве перспективы исследования можно указать на необходимость сопоставительного анализа средств хеджирования в русскоязычных отзывах, составленных представителями разных отраслей знания. Интерес представляет и проявление свойства клишированности в отзывах, влияние стереотипов и формальных предписаний на стремление автора к индивидуальному самовыражению, творческому своеобразию. Несмотря на свою шаблонность, жанр отзыва не исключает индивидуальности авторского стиля, которая проявляется и в попытках имплицировать отрицательную оценку.

Список литературы

- Баканова О.С. Особенности выражения положительной оценки в научном тексте (на материале отзывов официальных оппонентов о диссертации) // Мир русского слова. 2019. № 2. С. 37–41. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2019-12037>
- Брехт Р.Д. О взаимосвязи между наклоном и временем : синтаксис частицы *бы* в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. XV. Современная зарубежная русистика. М. : Изд-во иностранной литературы, 1985. С. 101–117.
- Викторова Е.Ю. Авторизирующие конструкции самоупоминания в оценочном научном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2022. Т. 22. Вып. 2. С. 145–150. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-145-150>
- Виноградов В.В. Русский язык : грамматическое учение о слове. М. : Высшая школа, 1972. 616 с.

- Власян Г.Р. Хеджирование как способ гармонизации общения в процессе социального взаимодействия // Журналистский текст в новой технологической среде : достижения и проблемы : сборник материалов III Конференции РММIS (Post mass media in the modern informational society) / под общ. ред. М.В. Загидуллиной. Челябинск : ЧелГУ, 2019. С. 74–77.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М. : ЛИБРОКОМ, 2014. 284 с.
- Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М. : Литресс, 2009. 660 с.
- Ларина Т.В. Эмоции и вежливость в стиле анонимной научной рецензии // Актуальные проблемы стилистики. 2019. № 5. С. 40–46.
- Нагорный И.А. Грамматико-коммуникативные функции русских частиц в речевой сфере // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. 2019. № 38 (3). С. 369–378. <https://doi.org/10.18413/2075-4574-2019-38-3-369-378>
- Нефедов С.Т. Рестриктивная аргументация : модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 599–610. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.408>
- Никитина Л.Б., Малышкин К.Ю. Речевой жанр научной рецензии через призму категоричности оценки // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 72–79.
- Петренко Ю.А. Отзыв как жанр академического дискурса и его основные характеристики (на примере отзывов на диссертации и авторефераты диссертаций) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 13 (11). С. 262–267. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.55>
- Alcaraz-Ariza M.Á. Evaluation in English medium medical book reviews // International Journal of English Studies. 2011. Vol. 11. No. 1. Pp. 137–153. <https://doi.org/10.6018/ijes.11.1.137141>
- Boginskaya O. Creating an authorial presence in English-medium research articles abstracts by academic writers from different cultural backgrounds // International Journal of Language Studies. 2022. Vol. 16. Pp. 2. Pp. 49–70.
- Brown P., Levinson S. Politeness : some universals in language usage. Cambridge : Cambridge University, 1987. 360 p.
- Caffi C. Mitigation. Amsterdam : Elsevier, 2007. 342 p.
- Channel J. Vague language. Oxford : Oxford University Press, 1994. 226 p.
- Dontcheva-Navratilova O. Cross-cultural variation in the use of hedges and boosters in academic discourse // Prague Journal of English Studies. 2016. Vol. 5. No. 1. Pp. 163–184. <https://doi.org/10.1515/pjes-2016-0009>
- Fraser B. Pragmatic competence : the case of hedging // New Approaches to Hedging. Bingley : Emerald Group Publishing Limited, 2010. Pp. 15–34.
- Giannoni D.S. Metatextual evaluation in journal editorials // Textus. 2007. Vol. 20. No. 1. Pp. 57–82.
- Haufiku N., Kangira J. An exploration of hedging and boosting devices used in academic discourse focusing on English theses at the University of Namibia // Studies in English Language Teaching. 2018. Vol. 6. No. 1. Pp. 1–11. <https://doi.org/10.22158/selt.v6n1p1>
- Hübler A. Understatements and hedges in English. Amsterdam : John Benjamins, 1983. 192 p.
- Hyland K., Diani G. Introduction : academic evaluation and review genres // Academic Evaluation. Review Genres in University Settings. Houndmills : Palgrave Macmillan, 2009. Pp. 1–14.
- Lakoff J. The logic of politeness : or, minding your p's and q's // Papers from the 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society / ed. by C. Corum. Chicago : Chicago Linguistic Society, 1973. Pp. 292–305.
- Myers G. The pragmatics of politeness in scientific articles // Applied Linguistics. 1989. Vol. 10. Pp. 1–35.
- Panchenko N.N., Volkova Ya.A. Categoricalness in scientific discourse // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 535–543. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0740>
- Rezanejad A. A cross-cultural analysis of the use of hedging devices in scientific research articles // Journal of Language Teaching and Research. 2015. Vol. 6. No. 6. Pp. 1384–1392. <https://doi.org/10.17507/jltr.0606.29>

Thuy N. A corpus-based study on cross-cultural divergence in the use of hedges in academic research articles written by Vietnamese and native English-speaking authors // *Social Sciences*. 2018. Vol. 7. No. 4. Pp. 1–13. <https://doi.org/10.3390/socsci7040070>

Zou H., Hyland K. Managing evaluation : criticism in two academic review genres // *English for Specific Purposes*. 2020. Vol. 60. No. 1. Pp. 98–112. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2020.03.004>

Сведения об авторе:

Богинская Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Российская Федерация, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83. *Сфера научных интересов*: академический дискурс, метадискурс, жанры профессионально-ориентированного дискурса. ORCID: 0000-0002-9738-8122. E-mail: olga_boginskaya@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-18-32

EDN: YZIACM

Research article

Russian lexical and syntactic hedges in dissertation reviews

Olga A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

✉ olga_boginskaya@mail.ru

Abstract. The author analyzes Russian lexical and syntactic hedges as a rhetorical strategy for mitigating the negative evaluation of the reviewed research. The relevance of the study is due to the ongoing attempts to reconceptualize the nature of academic discourse, which is increasingly viewed both as an interactive space and an information environment. This approach determines the need to study metadiscourse as an effective strategy for constructing a harmonious dialogue between the reviewer and the author of the dissertation under review. The purpose of the study is to identify lexical and grammatical categories of hedges and their rhetorical functions in the thesis reviews. A corpus of 90 dissertation reviews published on the websites of Russian dissertation councils in 2019–2022 was used as research materials. The object of the study was the genre of a dissertation review, where for the first time the linguistic means of mitigating negative evaluation on two linguistic levels were identified. This determines the scientific novelty of this study. To analyze the lexical and syntactic realizations of the hedging strategy, the methods of quantitative and interpretive analysis were used. The quantitative analysis revealed that the hedging strategy is mainly verbalized with the help of verbs, adverbs and introductory constructions. The interpretive analysis showed that hedges perform a wide range of communicative functions: shifting the communicative focus; modal mitigation of criticism; deintensification. The research contributes to linguistics disciplines such as pragmalinguistics, text theory and discourse analysis. The prospects of the research are an analysis of lexical and grammatical categories of other metadiscursive strategies.

Keywords: academic discourse, dissertation review, hedging, negative evaluation, softening, Russian syntactic construction, Russian lexical item, modality

Article history: received 14.10.2022; accepted 19.12.2022.

For citation: Boginskaya, O.A. (2023). Russian lexical and syntactic hedges in dissertation reviews. *Russian Language Studies*, 21(1), 18–32. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-18-32>

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-33-48
EDN: ZCCNSS

Научная статья

Себе и вполне себе: семантика, прагматика, функции

С.Г. Воркачев

Кубанский государственный технологический университет,
Краснодар, Российская Федерация

 svork@mail.ru

Аннотация. Наблюдение за лексическими единицами, отражающими картину мира современного человека, всегда вызывало особый интерес у лингвистов, поскольку позволяло наглядно изучить модные слова и выражения как индикаторы языкового вкуса эпохи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучать тенденции изменения употребления разговорных лексических единиц как маркеров, обозначающих особенности когнитивного и социального развития личности на современном этапе. Цель – охарактеризовать функции и прагмасемантические значения частицы *себя* и оборота *вполне себе* в современной русской лингвокультуре. В качестве материала взяты данные толковых словарей русского языка и примеры из Национального корпуса русского языка. Применены метод контекстуального и интерпретативного анализа, элементы количественного анализа и метод семантического анализа словарных дефиниций. Установлено, что достаточно часто свобода и независимость действий протагониста высказывания, передаваемые этой частицей, его автономность и суверенность получают отрицательную оценку субъекта речи: они рассматриваются как равнодушие, безразличие к окружающим, пренебрежение этическими нормами и нормами общежития и осуждаются, и эта оценка подчеркивается присутствием в высказывании частицы *себе*. Определено, что повышение уровня речевой активности частицы *себе* в современной речи связано с изменением модального типа российской личности. Семантическое ядро, в котором сфокусированы базовые смыслы оборота *вполне себе*, сосредоточено в лексеме *вполне*, а на долю частицы *себе* остаются смыслы прагмастилистические. Выявлено, что основным коммуникативным назначением выражения *вполне себе* представляются функции снятия с себя ответственности за достоверность содержания высказывания, выделения предмета речи и отождествления говорящего с элитной в его представлении социальной группой. Будучи модным выражением, оборот *вполне себе* в наши дни активно используется в Рунете, проникает в публичную речь, достигает апогея своей популярности и затем с высокой степенью вероятности уступит место новым индикаторам языковой моды.

Ключевые слова: местоимение, частица, автономность, хеджирование, коммуникативная функция, русский язык

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2022; принята к печати 18.12.2022.

Для цитирования: Воркачев С.Г. Себе и вполне себе: семантика, прагматика, функции // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 33–48. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-33-48>

© Воркачев С.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Частицы как особый прагмасемантический разряд лексико-грамматических единиц в восточноевропейских языках неоднократно привлекали к себе внимание исследователей (Бартошевич, 1978; Киселев, 1976; Колесникова, 2012; Лекант, 2001; Николаева, 1985; Стародумова, 2002; Котнорова, Баженова, 2020; Никунласси, 2019), и частица *себе* не составляет здесь исключения. Лексическая единица *себе* – двойственное языковое образование: это и падежная форма возвратного (рефлексивного) местоимения «себя», и частица – достаточно многозначное и полифункциональное слово, придающее высказыванию разнообразные семантические и прагматические оттенки, а также входящее в качестве модификатора в многочисленные фразеологизмы. Форма *себе* для русского языка отнюдь не новообразование: это исконно русское слово индоевропейского происхождения, стоящее в одном ряду с такими «темами», как **se-*, **so-*, **seue-*, **sue-*, **suo*¹ и присутствующее во всех славянских языках. В то же самое время наблюдения над современной устной русской речью свидетельствуют о повышении индекса частотности употребления этой лексемы в функции частицы, что, как представляется, требует какого-то объяснения.

В толковых словарях и грамматиках русского языка *себе* представлено в первую очередь как форма дательного падежа возвратного местоимения *себя*, передающего значение возвратности, то есть обращенности действия на самого производителя действия, заменяя по смыслу личные местоимения, однако, по мнению этимологов, фонетически первичной, исходной формой здесь является как раз форма дательного падежа *себе*². Словоизменительная парадигма местоимения *себя* дефектна: в ней отсутствует форма именительного падежа (Виноградов, 1947: 327) и она исчерпывается формами *себя*, *собой/собою* и *себе*. Как представляется, обладание подобным местоименным формантом рефлексивности – достояние славянских языков в целом, в том числе и русского языкового сознания, где рефлексивность соседствует, сочетается и даже синонимизируется с автономностью – возвратное местоимение регулярно появляется в паре с таким показателем автономности, как относительное местоимение *сам* (*сам себе хозяин/враг*, *сам по себе* и пр.), к возвратности отправляют такие лексические единицы с формантом *сам*, как *самосуд*, *самострел*, *самоцель*, *самоуправство*, устаревшая лексема *самотник*, как и лексема *себятник*, обозначает эгоиста, все интересы которого сосредоточены на себе самом³. Можно отметить, что формант *себя-*, как и формант *сам-* (Воркачев, 2012: 179), достаточно часто придает сложному слову отрицательно-оценочные коннотации: *себялюбие*, *самосуд*, *самоуправство*, *самомнение*, *самострой* и пр.

Вполне очевидно, частица *себе* образована путем конверсии от одноименной формы местоимения. Как и единицы всех разрядов неизменяемых

¹ Преображенский А. Этимологический словарь русского языка : в 3 т. М. : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Т. 2. С. 268.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Астрель-АСТ, 2003. Т. 3. С. 588; Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. С. 268.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб : Диамант, 1998. Т. 4. С. 169.

служебных слов, объединяемых в одну часть речи преимущественно функцией передачи того или иного отношения говорящего к содержанию высказывания, частица *себе* отмечена такими свойствами, как многозначность, отсутствие четких семантических границ, обусловленность значения контекстом, коммуникативность как связь с актуальным членением высказывания, способность вносить дополнительные оттенки значения в высказывание, имплицитность передаваемых смыслов, способность входить в фразеологизированные коммуникативные комплексы, непереводаемость на другие языки (Виноградов, 1947: 663; Николаева, 1985: 7–13; Стародумова, 2002: 72). Особо следует отметить умение правильно употреблять частицы в качестве свидетельства совершенства владения языком⁴.

Себе-частица в лексикографии идет отдельной словарной статьей, где отмечаются такие ее речевые свойства, как разговорный характер, приглагольное или приместоименное употребление, постпозитивность и безударность. В свободном, несвязанном речевом употреблении этой частицы отмечаются такие ее значения, как: акцент на свободе и независимости действия глагола сказуемого; акцент на получении удовольствия от действия глагола сказуемого, осуществляемого в интересах субъекта; усилительность, причем свобода, удовольствие и интерес здесь могут объединяться в одном словарном толковании. Выделяется также значение противопоставленности действия глагола сказуемого другому действию.

Семантика и функциональные свойства частицы *себе* уже были, конечно, предметом исследовательского интереса лингвистов: они описывались преимущественно на фоне речевого употребления других единиц языка: частицы *знай* (Fortuin, Israeli, 2012), суффикса *-ся* и местоимения *себя* (Klenin, 1975), частица *себе* рассматривалась также как показатель формирующейся в русском языке категории среднего залога (Сухов, 2015), описывались ее семантические и синтаксические свойства (Крейдлин, Фрид, 2001). Подробно описывались такие характеристики этой частицы, как связь с видовой формой глагола, его семантическим разрядом и актантами структурой предиката высказывания (Weiss, 2008), а также роль *себе* в составе фразеологизмов⁵. Однако рассмотрение данной частицы не только с точки зрения ее семантики и функционирования в речи, но и лингвопрагматики русского говорящего человека ранее не проводилось.

Цель исследования – охарактеризовать функции и прагма-семантические значения частицы *себя* и оборота *вполне себе* в современной русской лингвокультуре.

Методы и материалы

В работе использовались методы контекстуального и интерпретативного анализа и элементы количественного анализа.

⁴ Николаева Т.М. Частицы // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 580.

⁵ Северская О.И. Вполне себе модное слово... // Учительская газета. № 41. 2010, 12 октября. URL : <https://ug.ru/vpolne-sebe-modnoe-slovo/> (дата обращения : 24.08.2021).

В качестве материала исследования были взяты данные «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ)⁶. Методом сплошной выборки было отобрано 257 текстовых фрагментов, включающих словосочетание «вполне себе» и 250 соответствующих текстов со словом «себе».

Результаты

Наблюдения над речевым употреблением частицы *себе* в функции свободного (нефразеологического) показателя в текстах основного «Национального корпуса русского языка» отражает определенный рост частоты ее появления. Достаточно часто свобода и независимость действий протагониста высказывания, передаваемые этой частицей, его автономность и суверенность получают отрицательную оценку субъекта речи: они рассматриваются как равнодушные, безразличие к окружающим, пренебрежение этическими нормами и нормами общежития и осуждаются, и эта оценка подчеркивается присутствием в высказывании частицы *себе*. Можно допустить, что повышение уровня речевой активности частицы *себе* в современной речи представляется связанным с изменением модального типа личности в российском обществе – постепенным вытеснением коллективистской личности личностью индивидуалистической.

В отдельную семантическую группу выделяются фразеологизмы, отталкивающие к серединной области аксиологической оценки – посредственности: словосочетаниями *так себе* и *ничего себе*, к которым за последние два десятилетия присоединились еще два функционально аналоговых образования: *вполне себе* и *весьма себе*. Добавление в смысловой ряд, образованный выражением *так себе*, передающим медиальную «нулевую» аксиологическую оценку «ни хорошо, ни плохо» («на троечку»), и выражением *ничего себе*, передающим оценку несколько выше посредственной, но недотягивающую до «четверки» – «сносно, довольно хорошо, неплохо» (на «три с плюсом»), выражения *вполне себе* («на четыре с плюсом») и совсем недавно возникшего выражения *весьма себе* («на пять с минусом») позволяет наметить своего рода «бемольную-диезную» оценочную шкалу.

Из этой четверки в современной (преимущественно разговорной) речи наибольшей популярностью пользуется выражение *вполне себе*, обладающее двуединым предназначением: идентифицировать субъекта с какой-либо референтной группой, «элитной» в его представлении, и одновременно отделять его от всех прочих, «неэлитных» социальных групп. Как и у любого фразеологизма-аналога частицы, у выражения *вполне себе* достаточно много функций, однако базовыми коммуникативными представляются две: это уклонение от ответственности, стремление снизить категоричность своего утверждения и функция выделения, подчеркивания значимости предмета речи, связанная опять же с индивидуализацией этого предмета. Семантическое ядро, в котором сфокусированы базовые смыслы оборота *вполне себе*, сосредоточено в лексеме *вполне*, а на долю частицы *себе* остаются смыслы прагматилистические: ее употребление свидетельствует о стремлении субъек-

⁶ Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения : 25.09.2022).

та речи снять с себя ответственность за достоверность высказываемого суждения, о желании говорящего выделить или подчеркнуть тот или иной элемент высказывания и указать на свою принадлежность к какой-либо престижной социальной группе, в которой оборот *вполне себе* используется в «парольной» функции. Последнее значение *себе* самым непосредственным образом связано с языковой модой.

Обсуждение

Частица себе

Наблюдения над речевым употреблением частицы *себе* в функции свободного (нефразеологического) показателя в текстах основного НКРЯ при всей методологической небезупречности подсчета (без учета стиливого регистра контекстов *себе* и в отсутствии количественно валидного объема примеров) в общем и целом указывают на рост частоты ее появления: если в текстах XIX века она появилась в 21 контексте, то в XX – в 40 контекстах, а только за первые 17 лет XXI века она встречается уже в 13 контекстах.

Контексты НКРЯ, естественно, фиксируют лексикографические значения этой частицы: свободу и независимость протекания действия глагола сказуемого (*Очень скоро оказалось, что Ольга обитает в шкафу не одна: в правом верхнем углу жил себе паучок, к которому у нее сразу возникло некоторым образом коммунальное отношение, то есть отношение одновременно товарищества и разлада – В. Пьецух; А вот что, – вымолвила опять Софья Ивановна, энергически махнув рукой, – по-моему, просто-напросто прикажите-ка скорей отвезти его на дорогу, да пусть идет себе умирать куда хочет! – Д. Григорович*), получение субъектом удовольствия от действия глагола сказуемого (*Жаль его разочаровывать-то! Какой хороший человек! Мечтает себе – и счастлив – А.Н. Островский; Да, гуляю себе, погода очень хороша нынче – А.Н. Островский*), соответствие действия глагола сказуемого интересам субъекта (*Мне, значит, ручонкой помашет, и летает себе – М. Сергеев; Он ему и дых по морозу зря не погонит, топает себе молча – А. Солженицын*), противопоставленность действия глагола сказуемого другому действию (*Тут бы его надо... а я стою себе, будто так оно и следует – Вс. Гаршин; Нет, он спокойно читал себе что-нибудь или перебирал четки с бусами, желтыми, как кошачьи глаза – Ф. Искандер*) и функцию интенсификатора (*Вот ваш пропуск! Идите и спите себе спокойно! Мой привет вашей супруге – Ю. Домбровский; Он все сверлит, сверлит, сверлит свой злосчастный череп. Смеются? А, пусть себе смеются! – Ю. Домбровский*).

Нужно заметить, что в большинстве случаев речевого употребления частицы *себе* эти значения реализуются синкретично, одновременно и разделить их достаточно сложно. Выделению, например, значения получения удовольствия от действия глагола сказуемого частицы *себе* может служить присутствие в ближайшем контексте соответствующих «гедонических» лексических показателей: *Сидит себе Бочкин на диванчике, любуется кружечками и вспоминает: в этом городе из-за плохой погоды времени потеряли уйму, в этом поклонницы прохода не давали, а в этом музей был потрясаю-*

ций (Вечерняя Москва, 2002.02.07); *Повеселела даже, глядит себе, улыбается. И так на нее в те поры хорошо смотреть было!* (В. Короленко).

Спектр смысловых оттенков, придаваемых высказыванию речевым употреблением частицы *себе*, безусловно, богаче их числа, зафиксированного лексикографически. Так, например, в контекстах «Национального корпуса» можно встретить иронию, подчеркиваемую частицей *себе*: *По Шахновскому выходит, что Иван-дурак сидел себе на печи, пока неведомо кто «воспламенял Сибирь», в советское время мозолистыми руками добыл 2 миллиарда тонн самотлорской нефти, по лежневкам, в три наката, пробивался с тяжелой техникой через болота под Сургутом, по комсомольской путевке от первого колышка выстроил в дикой тундре города, промыслы, аэропорты* (Завтра, 2003.08.22).

Достаточно часто свобода и независимость действий протагониста высказывания, его исключительно личная заинтересованность, его автономность и суверенность получают отрицательную оценку субъекта речи – наблюдателя (Fortuin, Israeli, 2012: 112; Klenin, 1975: 191) в силу несоответствия его вероятностным ожиданиям или моральным установкам: они рассматриваются как равнодушие, безразличие к окружающим, пренебрежение этическими нормами и нормами общежития (Воркачев, 1993: 88) и осуждаются, и эта оценка подчеркивается присутствием в высказывании частицы *себе*: *Вижу: дело-то, выходит, неподходящее, плохое... Иванов пьян – храпит себе, горюшка мало... Что тут делать, тем более я в первый раз* (В. Короленко); *Но человека с молоточком нет, счастливый живет себе, и мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину* (А. Чехов); Можно допустить, что повышение уровня речевой активности частицы *себе* в современной речи как раз связано в том числе и с изменением модального типа личности в российском обществе – постепенным вытеснением коллективистской личности личностью индивидуалистической, «самотной» и самодостаточной. Впрочем, безразличие субъекта, если оно не касается этических норм, может просто констатироваться: *Я тебя не трогаю, лежи себе на здоровье* (Б. Житков); *«А тот спокойно себе шагал серединой улицы»* (В. Быков).

Наблюдения над местом частицы *себе* по отношению к глаголу сказуемого не подтверждают ее обязательную постпозитивность, отмеченную в лексикографии, – она может находиться и в препозиции (Колесникова, 2012: 73; Fortuin, Israeli, 2012: 112): *Тут не решен вопрос о вечности, а он себе уплетает чурчхели* (Ф. Искандер); *Плевать им на тебя, что ты умер. Будут себе жить, да и все* (А. Аверченко).

Здесь можно увидеть также, что частица *себе* нередко дублирует смысловые оттенки высказывания, передаваемые редупликацией глагола сказуемого, подчеркивая продолжительность и повторяемость передаваемого им действия (Weiss, 2008: 335): *А жизнь, трудная, тяжкая, все же куда-то – наверно-таки вперед – катилась и катилась себе* (В. Астафьев); *Жрет себе, жрет, мелко жует, сама не глотает, другим отдает* (А. Солженицын). Можно также отметить, что речевое употребление частицы *себе* преимущественно связано с имперфективностью глагола сказуемого – его несовершенным видом (Fortuin, Israeli, 2012: 126).

Основные словарные значения *себе*, о которых уже шла речь, – свобода действия глагола сказуемого, получение удовольствия от этого действия и заинтересованность субъекта в его осуществлении – предполагают не просто одушевленность субъекта действия, но и обладание им сознанием и способностью к целеполаганию. Однако частица *себе* совсем нередко появляется в высказываниях с подлежащим, выраженным именем неодушевленного субъекта: *Да зачем ему хвост подвязывать, не пойму? Пусть себе болта-ется, как хочет...* (С. Сергеев-Ценский); *Ни горя, ни радости. Течет себе река и течет. И все по порядку. Родничок, верхнее течение, нижнее течение – и конец: влилась в море и канула* (Ю. Домбровский). Достаточно трудно, конечно, вообразить себе, реку и другие неодушевленные предметы, которые ставили бы перед собою цели и без помех стремились к их достижению, обладали бы интересом и получали удовольствие. Речь здесь, очевидно, идет о метафорическом переосмыслении субъекта действия глагола – его персонификации (Weiss, 2008: 332; Fortuin, Israeli, 2012: 130). И еще здесь можно усмотреть указание на то, что действие глагола происходит отделенно от ситуации, никак на нее не влияя – despite the outside world (Fortuin, Israeli, 2012: 130).

И, последнее. *Себе* – частица приглагольная, с местоимениями она не употребляется вовсе, но может появляться в именных конструкциях с редупликацией, где она указывает на обыденность (ordinariness) и незначительность в глазах говорящего предмета, обозначаемого этим именем (Fortuin, Israeli, 2012: 116): *Стол себе и стол; Стул себе и стул.*

Выражение вполне себе

Как и большинство частиц, *себе* активно участвует в образовании фразеологизмов различной степени связанности и различной и семантики: *вещь в себе, не в себе, не по себе, сам по себе, сам себе хозяин, себе на уме, знай себе, ничего себе* и пр. В отдельную семантическую группу здесь выделяются фразеологизмы, отправляющие к серединной области аксиологической оценки «серой полосе» – посредственности: словосочетания *так себе* и *ничего «себе»*, связанные с предварительными оценочными ожиданиями говорящего (Воркачев, 1992: 1–2). За последние два десятилетия к ним присоединились еще два функционально аналоговых образования: *вполне себе* и *весьма себе*, первое из которых отсутствует в словаре-справочнике новых слов и значений 90-х годов, но уже фиксируется «Национальным корпусом русского языка» с 1997 года (*Это было жестокое – вполне себе праздничное действие* – А. Балдин; *Я говорил, что и вообще издание газеты – вполне себе занятие аморальное, род предательства и ренегатства, как раз для болгаринных* – Н. Климонтович), а второе – встречается преимущественно на сайтах Рунета и в чатах социальных сетей (*У него весьма себе маленький череп; Весьма себе знаменитый двухярусный мост; Весьма себе качественная подсказка*).

Как представляется, добавление в смысловой ряд, образованный выражением *так себе*, передающим медиальную «нулевую» «холическую» оценку «ни хорошо, ни плохо, «на троечку» и выражением *ничего себе*, передающим оценку несколько выше посредственной, но недотягивающую до «четверки» – «три с плюсом», достаточно укоренившегося в сегодняшней разговорной речи выражения *вполне себе* («на четыре с плюсом») и совсем

недавно возникшего выражения *весьма себе* («на пять с минусом») позволяет наметить своего рода «бемольно-диезную» шкалу аксиологической оценки.

Из этой четверки в современной (преимущественно разговорной) речи наибольшей популярностью пользуется выражение *вполне себе*, зафиксированное в текстах основного «Национального корпуса русского языка» 147 раз, а в текстах газетного – 573 раза.

Безусловно, *вполне себе* пока еще «модное слово»⁷ – «такое сейчас носят», и у него, как у любого модного аксессуара, двуединое предназначение: идентифицировать субъекта с какой-либо референтной группой, «элитной» в его представлении, и одновременно отделять его от всех прочих, «неэлитных» социальных групп. Когда же эта функция сходит на нет в силу всеобщности распространения, модный объект становится старомодным. Выражение *вполне себе*, возникшее в конце 1990-х годов, к 2010 году достигло пика своего употребления в среде «креативного класса» и теперь постепенно выходит из речевого оборота⁸, однако «свято место пусто не бывает» и ему на смену непременно придет что-нибудь другое с такими же функциями.

Термин «ограничитель/загородка» (*hedge*), заимствованный наукой о языке из логики и сначала использованный в прагмалингвистических исследованиях Дж. Лакоффом для обозначения лексических единиц, предназначенных для создания разной степени нечеткости, неясности (*uzziness*) истинностного значения высказывания (Lakoff, 1972: 195), в дальнейшем был расширен, уточнен и конкретизирован – хедж-маркеры были разделены на два основных функциональных разряда: 1) аппроксиматоры (*approximators*), ориентированные на истинностное значение высказывания, и 2) «заслонки» (*shields*), предназначенные для «страховки» субъекта речи в случае несоответствия содержания высказывания действительности – его коммуникативной ответственности (*speaker-commitment*) (Prince et al., 1982: 85). Хеджирование – категория прагматическая и может быть выражена практически любой языковой единицей: вводными синтагмами, модусными и модальными глаголами, модальными словами и наречиями, модальными именами и пр. (Fraser, 2010: 22), однако в речи, пожалуй, наиболее частотным хедж-маркером выступают различного рода «дискурсные слова» – частицы и их функциональные аналоги, к числу которых относят и выражение *вполне себе*.

У этого фразеологизма-аналога частицы достаточно много функций, однако с точки зрения коммуникативистики базовыми представляются две. Одна – это уклонение от ответственности, стремление снизить категоричность своего утверждения и нежелание отвечать за свои слова, что сближает *вполне себе* со столь распространенным совсем недавно выражением *как бы*. Речевая стратегия «загородок» (*hedges*), за которые сегодня говорящие стремятся спрятаться от ответственности за свои слова, – еще одно свойство разговорного языка современного российского *homo loquens*⁹, в значительной мере определившее популярность речения *вполне себе*. Другая – это

⁷ Северская О.И. Вполне себе модное слово...

⁸ Там же.

⁹ Вполне себе загородка. URL : <https://www.svoboda.org/a/24274785.html> (дата обращения : 24.08.2021).

функция выделения, подчеркивания значимости предмета речи, аналогичная столь еще недавно популярному жаргонному употреблению местоимения *такой* (*А мы, такие, ...; А я, такая, ...*), связанная опять же с индивидуализацией этого предмета¹⁰. Как представляется, речевое употребление *вполне себе* ко всему прочему еще осложняется импликацией существования мнения о предмете речи, отличного от мнения говорящего: фраза *Х вполне себе красивый* предполагает, что кто-то думает не так.

Если иметь в виду смысловую нагрузку выражения *вполне себе*, то она минимальна и говорит больше о носителе речи, чем о ее предмете, в высказывании оно чаще всего факультативно и по большому счету без него *можно было бы и обойтись*¹¹. Его речевые значения достаточно размыты, реализуются синкретично и даже в контексте допускают множественность толкований.

Что касается синтаксической позиции *вполне себе*, то она практически свободная: это выражение, прежде всего, конечно, примыкает к имени прилагательному (480 появлений – где-то 60 % от всех контекстов употребления), может она сегодня примыкать к имени существительному, к наречию, к глаголу и причастию, может употребляться эллиптически – с опущением своего определяемого.

Вполне себе может стоять в одном синтагматическом ряду с прилагательными всех семантических разрядов: качественными, относительными и даже притяжательными: *Борис Наумович вполне себе видный, красивый, высокий и вальяжный господин, с изрядным брюшком, в народе называемом начальственным* (С. Шуляк); *Мы чуть сбавили ход и приняли вроде как разбитной видок; ноги ж, однако, у нас были вполне себе деревянными* (З. Прилепин); *Именно она отвела две деревни Воронежской области от вполне себе Левиафановского исхода* (Новая газета, 2015.09.09); *В разделе «Библиография» почему-то находится единственный текст под названием «Возможности», тоже вполне себе сорокинский* (Известия, 2002.01.22).

Особенно популярно использование «вполне себе» в паре с именами, обозначающими национальность/гражданство и место: *«Респектабельный мистер Бессеберг – без галстука его вообще сложно представить – надел пуховик и вполне себе русскую шапку-ушанку* (Советский спорт, 2010.12.03); *Пляжи в Крыму стали вполне себе турецкие* (М. Трауб); *На автодорогах наблюдались вполне себе московские пробки* (Московский комсомолец, 2016.11.23).

В паре с оценочными именами прилагательными *вполне себе* отправляет к степени соответствия во мнении говорящего предмета оценки нормам той или иной оценочной шкалы (Аругюнова, 1999: 198–199): общеаксиологической, эстетической, этической, утилитарной, гедонической, количественной пр.: *А зная, как Мадонна может сама получить удовольствие, я думаю, что она может быть вполне себе хорошим гостем* (Комсомольская правда, 2012.10.11); *Кстати, если сложить годовые зарплаты всех находящихся на поле игроков, то можно набрать бюджет для вполне себе неплохой команды уровня РФПЛ* (lenta.ru, 2014.09.13); *Ему-то уже казалось, что*

¹⁰ Северская О.И. Вполне себе модное слово...

¹¹ Там же.

Лиза не похожа на бабу и вполне себе красивая (А. Иванов); *Одним из них вечером вторника стал вполне себе приличный на вид человек, одетый в рубашку и брюки* (lenta.ru, 2016.08.03); *И Джаилсон, отправивший жену к матери, вполне себе доволен* (Известия, 2014.06.20); *Поймал Тороцин вполне себе крупную рыбку, полкило весом* (Комсомольская правда, 2006.04.01); *Также мы развиваем такое направление, как доставка готовых фуршетных блюд, предлагая своим клиентам разнообразный спектр кулинарного изыска за вполне себе небольшие деньги* (lenta.ru, 2017.09.13).

В общеоценочных синтагмах в паре с *вовне себе* достаточно часто является словечко *ничего*: *Ну что же, мордочка вполне себе ничего, на мой взгляд, потеря глаза ничего существенно не меняла* (Ю. Андреева); *И домашний отдых, у телевизора, – вполне себе ничего* (Советский спорт, 2010.07.01).

В паре с прилагательными всех иных семантических разрядов *вовне себе* отправляет к степени соответствия свойств определяемых ими предметов нормам квалификации как соответствия этих предметов своему имени и своей сути, что адекватнее всего резюмируется прилагательным подлинности *настоящий*: *И вот Госнарконтроль, вполне себе настоящий, взял и включил в этот реестр страницы сайта об онлайн-игре EVE, на которых имелись рекомендации по «употреблению наркотиков»* (И. Давыдов); *Бюллетень вполне себе настоящий, а кандидаты потрясающе* (Комсомольская правда, 2012.02.25).

Значительно реже (101 появление – почти 13 % от всех контекстов употребления) *вовне себе* стоит в одном синтагматическом ряду с именем существительным. Никаких особых семантических ограничений на подобное употребление *вовне себе* не накладывается: это имя может быть нарицательным и собственным (*Но вполне себе волк в том смысле, что кусает* – В. Пелевин; *Но у майора была вполне себе конечность* – А. Пермяков; *Машков в роли Мазура – вполне себе Брюс Уиллис* – Комсомольская правда, 2006.03.24; *Альфи – тоже вполне себе Казанова, не правда ли?* – Комсомольская правда, 2006.02.06), оценочно-нейтральным и содержащим оценочные коннотации (*Потому что кому насекомое, а лягушкам – вполне себе еда* – М. Трауб; *Вот скоро выйдет экранизация романа Анатолия Рыбакова «Тяжелый песок», там я играю вполне себе гадину* – Комсомольская правда, 2007.12.06; *На людях я держался, был вполне себе огурец* – С. Сэ). Как и в паре с именем прилагательным, в паре с существительным *вовне себе* достаточно часто относится к национальности: *Новицки и Редль, вставшие на ноги в профессиональных и студенческих командах США, – вполне себе американцы по игровой стилистике* (Известия», 2002.09.09); *Диана вполне себе французженка – и даже типичная* (lenta.ru, 2015.11.08). *Вовне себе* в одном синтагматическом ряду с именами существительными предает два основных типа значения: с оценочно-нейтральными именами, где это выражение появляется чаще всего, – степень соответствия имени предмета его квалификационным нормам, с оценочно-маркированными – степень соответствия нормам оценки.

Несколько реже (89 появлений – около 10 % от всех контекстов употребления) *вовне себе* идет рядом с глаголом, который может стоять практически в любой из своих форм: *Тогда спрашивать не надо – квартира-то*

вполне себе есть, и он в ней живет (А. Пермяков); *И эта взаимность вполне себе претендовала на диагноз*» (Т. Соломатина); *То есть в стычках поменьше – универсалы и дроиды вполне себе будут играть* (Форум: Звездные войны, 2011); *Но, на мой взгляд, Роман поспешил – вполне себе в премьер-лиге бы поиграл* (lenta.ru, 2017.05.31). Исключение здесь, очевидно, составляет глагол в повелительном наклонении: трудно представить себе такую фразу, как, например, **Вполне себе идите*. Не препятствует появлению *вполне себе* присутствие в высказывании модального глагола и ни возвратная форма самого глагола: *«Некоторые, конечно, покажут пальцем на вегетарианцев и резонно заметят, что они-то вполне себе могут обходиться и без мяса!»* (Комсомольская правда, 2006.10.13); *Но вот ведь какая закавыка: каждый без исключения русский человек может вполне себе превратиться в европейца* (Л. Бруни). Что касается базового смысла выражения *вполне себе* в паре с глаголом, то здесь оно отправляет к степени соответствия действия глагола своей сути и адекватности выбора для него имени.

Почти с такой же частотностью (84 появления – опять же около 10 % от всех контекстов употребления) *вполне себе* идет рядом с наречием или наречным оборотом, определяющими глагол, причастие и достаточно редко – прилагательное, и может принадлежать практически любому из своих семантических разрядов – быть обстоятельством, качественным, количественным: *Доктор Джекиль и мистер Хайд вполне себе давно уже материализованы в текущей действительности* (Известия, 2013.09.25); *Теперь Stereoleto наконец-то проходит не только в ночи, но и вполне себе днем* (РБК Дейли, 2012.06.21); *То есть, разумеется, не сам ультразвук, а трактуемый ультразвуковое исследование врач. Такое вполне себе сплошь и рядом* (Т. Соломатина).

Причастие на глубинном семантическом уровне раскрывается как предикат, и, видимо, поэтому оно достаточно свободно определяется наречием: *Кстати, все, что я сейчас написала, вполне себе четко зафиксировано в приговоре суда* (Комсомольская правда, 2011.12.14); *Но в некоторых странах против извлечения ренты существует вполне себе успешно работающее противоядие, а в российском случае, по причинам прежде всего политическим, оно просто остается невостребованным* (lenta.ru, 2016.03.05).

Вполне себе довольно часто идет в паре с наречиями, называющими этнический признак: *Игроков основного состава перед матчем с Эстонией в Таллине, наш тренер предпочитал не ловить волну сочувственных взглядов, отвечая вполне себе по-русски – прорвемся!* (Советский спорт, 2007.07.10); *Странно, мэр новый, прогрессивный, а с деньгами обращается вполне себе по-русски – «дам – не дам»* (Комсомольская правда, 2013.07.10).

Достаточно редко, можно сказать в исключительных случаях, *вполне себе* сопровождает наречие, относящееся к имени прилагательному и лишь в ситуации двойной адъективации: *Если оставить в покое картографию, то все остальное – вполне себе коммерчески перспективные направления деятельности* (Известия, 2012.10.25); *Добавим сюда продажу телеправ и получим вполне себе коммерчески выгодную модель, которую давно пора превратить в жизнь* (lenta.ru, 2015.07.01).

И, наконец, еще реже (7 контекстов) *вполне себе* появляется в речи самостоятельно, без эксплицитно выраженного определяемого. Как представляется, в этом случае речь идет об эллипсисе – опущенное определяемое слово присутствует в контексте имплицитно и достаточно легко восстанавливается: *А если туда же пихнуть картошку, то вполне себе* (М. Трауб); *Долг Америки рос и рос. При этом американцы жили вполне себе* (Комсомольская правда, 2013.04.18).

В семантическом плане базовым смыслом выражения *вполне себе* в сочетании с обстоятельственными наречиями выступает указание на степень соответствия значения этих наречий нормам, стереотипам, представлениям об обстоятельствах и условиях, в которых совершается действие глагола. В то же самое время в сочетании с качественными наречиями, как и с качественными прилагательными, оно передает указание на степень соответствия действия глагола нормам оценки и квалификации, особенно часто *вполне себе* появляется в сочетании с наречиями общеаксиологической оценки: *Жилось в снятой квартире вполне себе неплохо, за исключением одного, но очень серьезного «но»*. (lenta.ru, 2016.10.10); *Частенько сборная страны на старте Игр долго запрягает, но потом вполне себе неплохо едет* (lenta.ru, 2016.08.05).

Совершенно справедливо установлено, что оборот *вполне себе* способен передавать в речи целый ряд значений, таких, как *в значительной степени, почти, соответствует названию, соответствует сути, так называемое, определено*¹², и также вполне справедливо утверждается, что *себе* в этом обороте можно иногда без особой потери смысла опустить. Из всего вышесказанного следует, однако, что семантическое ядро, в котором сфокусированы базовые, «предметные» смыслы этого оборота, сосредоточено в лексеме *вполне*, а на долю частицы *себе* остаются смыслы прагматилистические: ее употребление свидетельствует: 1) о стремлении субъекта речи снять с себя ответственность за достоверность высказываемого суждения; 2) о желании говорящего выделить или подчеркнуть тот или иной элемент высказывания; 3) указать на свою принадлежность к какой-либо «элитной» референтной группе, в которой оборот *вполне себе* используется в «парольной» функции.

Последнее значение *себе* самым непосредственным образом связано с языковой модой в полноте ее признаков: речевое употребление «модных слов» обусловлено социально и психологически, прагматически маркировано и отражает ментальность носителей языка (Журавлева, 2009).

Семантика этих слов достаточно неопределенна и относительно бедна, их употребление престижно и окрашено «привлекательностью актуальности и новизны» (Кронгауз, 2008: 45). «Модные слова» – элемент массовой культуры, частотность их речевого употребления выступает их «могильщиком»: со временем они становятся всеобщим достоянием и теряют свою престижность и «эксклюзивность». После относительно недолгого «инкубационного периода» в Рунете, который служит для них «питательным бульоном», «модные слова» проникают в публичную речь, достигают апогея своей популярности, а затем возвращаются к норме частотности.

¹² Северская О.И. *Вполне себе* модное слово...

Заключение

Проведенное исследование показало, что возрастание частотности речевого использования частицы *себе* в функции нефразеологического показателя отношения говорящего к содержанию высказывания свидетельствует о постепенном вытеснении коллективистской личности личностью индивидуалистической.

В то же самое время выявлено, что выражение *вполне себе* является индикатором снятия с себя ответственности за достоверность высказывания и желания говорящего акцентировать свою принадлежность к престижной социальной группе. У фразеологизма-аналога частицы *вполне себе* выделено довольно много функций, однако с точки зрения коммуникативистики определены базовые: стремление снизить категоричность своего утверждения и нежелание отвечать за свои слова, с одной стороны, и подчеркивание значимости предмета речи, демонстративное продвижение своего Я, с другой стороны.

Сопоставление этих двух лексических образований свидетельствует о том, что если *себе* функционирует почти исключительно как приглагольная частица, то оборот *вполне себе* способен появляться практически при любой части речи. Также, если речевое употребление частицы *себе* ориентировано на действие субъекта глагола высказывания, то оборот *вполне себе* отправляет к субъекту речи – говорящему.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бартошевич А. Частицы и лексикографическая практика // *Slavia Orientalis*. 1978. Т. XXVII. № 3. С. 331–334.
- Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М. – Ленинград : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.
- Воркачев С.Г. Значения срединной области аксиологической оценки в языке // Научно-техническая информация. Серия 2 : Информационные процессы и системы. 1992. № 7. С. 1–3.
- Воркачев С.Г. Инициатива и послушание : к аксиологической вариативности лингвоконцепта // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 173–180.
- Воркачев С.Г. Речевые поступки и оценка моральных качеств личности : показатели безразличия в психологических отношениях // Филологические науки. 1993. № 3. С. 85–91.
- Журавлева Н.Г. Феномен «модного» слова. Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2009. 166 с.
- Киселев И.А. Частицы в современных восточнославянских языках. Минск : БГУ, 1976. 160 с.
- Колесникова С.М. Русские частицы : семантика, грамматика, функции. М. : Флинта-Наука, 2012. 112 с.
- Котюрова М.П., Баженова Е.А. Частицы-дискурсивы в аспекте критичности мышления журналиста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 63–75. <https://doi.org/10.17223/19986645/64/5>
- Крейдлини Г.Е., Фрид Н.Е. Вслух про «себе» (семантика и синтактика одной русской частицы) // Лингвистика на рубеже эпох : идеи и топосы. М. : РГГУ, 2001. С. 46–67.
- Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М. : Языки славянской культуры, 2008. 232 с.

- Лекант П.А. О грамматическом статусе частиц // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве : сб. науч. ст. к 80-летию К.В. Горшковой. М. : Изд-во МГУ, 2001. С. 391–393.
- Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М. : Наука, 1985. 170 с.
- Никулласси А. Синтаксис фокусной частицы *только и* // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 7–30. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0004300-9>
- Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток : ДВФУ, 2002. 292 с.
- Сухов С.В. Об основной функции частицы «себе» в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–1 (50). С. 166–169.
- Fortuin E., Israeli A. Modal particles and aspectuality: *znaj* and *sebe* in Russian // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 107–131.
- Fraser B. Pragmatic competence : the case of hedging // *New approaches to hedging* / ed. by G. Kaltenböck, W. Mihatsch, S. Schneider. Bingley : Emerald, 2010. Pp. 15–34.
- Klenin E. The Pronoun *sebjа*, particle *sebe*, and affix *-sja* // *The Slavic and East European Journal*. 1975. Vol. 19. No. 2. Pp. 188–199. <https://doi.org/10.2307/306773>
- Lakoff G. Hedges : a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Journal of Philosophical Logic*. 1972. No. 2 (4). Pp. 458–508. <https://doi.org/10.1007/BF00262952>
- Prince E., Frader J., Bosk C. On hedging in physician-physician discourse // *Linguistics and the Professions: Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies*. Norwood : Ablex, 1982. Pp. 83–97.
- Weiss D. Živi sebe normal'nenko! Zur Lexikalisierung von russ. *sebe* als Partikel // *Schweizerische Beiträge zum XIV. Internationalen Slavistenkongress in Ohrid, September 2008*. Bern – Frankfurt am Main, 2008. S. 327–344. <https://doi.org/10.5167/uzh-10495>

Сведения об авторе:

Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет, Российская Федерация, 350072, Краснодар, ул. Московская, д. 2. Сфера научных интересов: лингвокультурология, лингвистическая семантика, теория дискурса, прагмалингвистика, лингвосомиотика. Автор более 600 научно-методических публикаций, в том числе 30 монографий. ORCID: 0000-0002-6290-2582. E-mail: svork@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-33-48

EDN: ZCCNSS

Research article

Sebe and vpolne sebe: semantics, pragmatics, functions

Sergei G. Vorkachev

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation

 svork@mail.ru

Abstract. Linguists are particularly interested in observing lexical units, reflecting the picture of the world of a modern person. It allows to visually study fashionable words and expressions as indicators of the linguistic taste of the era. The relevance of the research is due to the need to study the trends in using colloquial lexical units as markers of cognitive and

social development of personality at the present stage. The aim is to characterize the functions and pragmasemantic meanings of the particle *sebe* (to oneself) and the set expression *vpolne sebe* (quite) in modern Russian linguistic culture. The material was taken from the explanatory dictionaries of the Russian language and examples from the National Corpus of the Russian Language. The author used the methods of continuous sampling, contextual and interpretive analysis, elements of quantitative analysis, and semantic analysis of dictionary definitions. It was found that quite often the freedom and independence of actions of the statement protagonist, conveyed by this particle, his autonomy and sovereignty receive negative assessment of the subject of speech: they are considered as indifference to others, disregard for ethical norms and norms of social life and they are condemned, and this assessment is emphasized by the presence in the statement of the particle *sebe* (oneself). It was determined that the increase in the activity of the particle *sebe* (oneself) in modern speech is associated with changes in the modal type of the Russian personality. The semantic core, which focuses the basic meanings of the set expression *vpolne sebe* (quite), is concentrated in the lexeme *vpolne* (quite), while pragmatic meanings remain in the particle *sebe* (oneself). The author revealed that the main communicative purpose of the expression *vpolne sebe* (quite) is the function of taking off the responsibility for the statement's content, singling out the object of speech and identifying the speaker with the social group which is elite in his perception. Being a fashionable expression, the phrase is nowadays actively used in Runet, penetrates into public speech, reaches the peak of its popularity and then may give way to new indicators of linguistic fashion.

Keywords: pronoun, particle, autonomy, hedging, communicative function, Russian language

Article history: received 12.10.2022; accepted 18.12.2022.

For citation: Vorkachev, S.G. (2023). *Sebe* and *vpolne sebe*: Semantics, pragmatics, functions. *Russian Language Studies*, 21(1), 33–48. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-33-48>

References

- Arutyunova, N.D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury Publ. (In Russ.)
- Bartoshevich, A. (1978). Particles and lexicographic practice. *Slavia Orientalis*, XXVII(3), 331–334. (In Russ.)
- Fortuin, E., & Israeli, A. (2012). Modal particles and aspectuality: *Znaj* and *sebe* in Russian. *Russian Language and Linguistic Theory*, (2), 107–131.
- Fraser, B. (2010). Pragmatic competence: The case of hedging. In G. Kaltenböck, W. Mihatsch & S. Schneider (Eds.), *New Approaches to Hedging* (pp. 15–34). Bingley: Emerald Publ.
- Kiselev, I.A. (1976). *Particles in modern East Slavic languages*. Minsk: BSU Publ. (In Russ.)
- Klenin, E. (1975). The pronoun *sebjá*, particle *sebe*, and affix *-sja*. *The Slavic and East European Journal*, 19(2), 188–199. <https://doi.org/10.2307/306773>
- Kolesnikova, S.M. (2012). *Russian particles: Semantics, grammar, functions*. Moscow: Flinta-Nauka Publ. (In Russ.)
- Kotyurova, M.P., & Bazhenova, E.A. (2020). Discursive particles in the context of the journalist's critical thinking. *Tomsk State University Journal of Philology*, (64), 63–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/64/5>
- Kreidlin, G.E., & Frid, N.E. (2001). Aloud about “myself” (semantics and syntactics of one Russian particle). *Linguistics at the Turn of Eras: Ideas and Topoi* (pp. 46–67). Moscow: RSUH Publ. (In Russ.)
- Krongauz, M.A. (2008). *The Russian language is on the verge of a nervous breakdown*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ. (In Russ.)

- Lakoff, G. (1972). Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, (2), 458–508. <https://doi.org/10.1007/BF00262952>
- Lekant, P.A. (2001). On the grammatical status of particles. *Language System and Its Development in Time and Space: collection of scientific works dedicated to the 80th anniversary of K.V. Gorshkova* (pp. 391–393). Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
- Nikolaeva, T.M. (1985). *Functions of particles in the statement (based on the material of Slavic languages)*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Nikunlassi, A. (2019). Syntax of the focus particle *tol'ko i*. *Voprosy Jazykoznanija*, (2), 7–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0373658X0004300-9>
- Prince, E., Frader, J., & Bosk, C. (1982). On hedging in physician-physician discourse. *Linguistics and the Professions: Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies* (pp. 83–97). Norwood: Ablex Publ.
- Starodumova, E.A. (2002). *Particles of the Russian language (multi-aspect description)*. Vladivostok: FEFU Publ. (In Russ.)
- Sukhov, S.V. (2015). On the main function of the particle “itself” in the modern Russian language. *Philology. Theory & Practice*, (8–1), 166–169. (In Russ.)
- Vinogradov, V.V. (1947). *Russian language (grammatical doctrine of the word)*. Moscow; Leningrad: Gos. Ucheb.-Ped. Izd-Vo Publ. (In Russ.)
- Vorkachev, S.G. (1992). Meanings of the middle area of axiological assessment in language. *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, (7), 1–3. (In Russ.)
- Vorkachev, S.G. (1993). Speech actions and assessment of the moral qualities of a person: Indicators of indifference in psychological relations. *Philological Sciences*, (3), 85–91. (In Russ.)
- Vorkachev, S.G. (2012). Initiative and obedience: To axiological variability of concept in language. *Political Linguistics*, (1), 173–180. (In Russ.)
- Weiss, D. (2008). Živi sebe normal'nenko! Zur Lexicalisierung von russ. sebe als Partikel. *Schweizerische Beiträge zum XIV. Internationalen Slavistenkongress in Ohrid, September 2008* (pp. 327–344). Bern, Frankfurt am Main, 2008. <https://doi.org/10.5167/uzh-10495>
- Zhuravleva, N.G. (2009). *The phenomenon of the “fashionable” word*. Rostov-on-Don: RSUE Publ. (In Russ.)

Bio note:

Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University, 2 Moskovskaya St, Krasnodar, 350072, Russian Federation. *Research interests*: anthropological linguistics, linguistic semantics, discourse theory, pragmalinguistics, linguo-semiotics. The author of more than 600 scientific and methodological publications, including 30 monographs. ORCID: 0000-0002-6290-2582. E-mail: svork@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-49-63

EDN: ZELCNW

Научная статья

Функциональная парадигма в русистике: от функционирования единиц к регулятивной концепции языка

Ю.В. Дорощев¹, Е.А. Журавлева²

¹Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования,
Симферополь, Российская Федерация

²Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Астана, Республика Казахстан

 yuvld@mail.ru

Аннотация. Сегодня русский язык вышел за рамки России и формирует планетарный русскоязычный мир, поэтому русистика, предметом которой традиционно считается литературная форма языка, стремится выйти на новый уровень осмысления как языка, так и отдельных фактов. Актуальность исследования обусловлена тем, что на современном этапе в языкознании на первый план выдвигаются идеи синтеза, проявляются тенденции к разработке теории языка, позволяющей интегрировать новейшие достижения разных направлений лингвистики на единой основе. Сопоставлена регулятивная концепция языка в работах А.Н. Рудякова с работами других лингвистов с целью установить ключевые особенности и постулаты новой лингвистической парадигмы и дать определение языку как регулятивной системе на основании принципов лингвистического функционализма. Посредством использования дедуктивного и аналитико-теоретического методов, а также метода моделирования описывается современное состояние научной лингвистической парадигмы и общелингвистических проблем, связанных с исследуемыми понятиями, устанавливаются ключевые особенности современной научной лингвистической парадигмы, поскольку без определения теоретических ориентиров современная наука о языке утрачивает свою практическую ценность. Обосновывается идея о том, что новая парадигма – это не только обращение к новому материалу и новым методам исследования, но создание принципиально новой теории, которая будет учитывать роль языка в социуме с учетом его онтологической, функциональной сущности. На основе определения ключевых особенностей функционального подхода к языку и его единицам демонстрируется, что лингвистика не просто граничит с другими науками, но является в некотором роде их составной частью, основой человеческого универсума. В перспективе представленный материал позволяет увидеть, что смена научной парадигмы, несмотря на объективные сложности, сегодня является обязательным условием дальнейшего развития лингвистики. Также намечается круг задач теоретических и практических, которые стоят перед современной лингвистикой и могут быть решены в рамках новой парадигмы.

Ключевые слова: лингвистический функционализм, георусистика, регулятивная функция, регулятивная система

© Дорощев Ю.В., Журавлева Е.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 04.09.2022; принята к печати 18.11.2022.

Для цитирования: *Дорофеев Ю.В., Журавлева Е.А.* Функциональная парадигма в русистике: от функционирования единиц к регулятивной концепции языка // *Русистика*. 2023. Т. 21. № 1. С. 49–63. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-49-63>

Введение

Стремление к синтезу различных направлений в лингвистике стало основой для развития антропоцентрического подхода в языкознании. Вследствие этого «в последнее десятилетие явно участились попытки разобраться в том, что представляет собой облик современной лингвистики и, конечно, в каких исследованиях широко используется понятие парадигм» (Парадигмы научного знания..., 2008: 5), которое было введено Т. Куном (Кун, 1977) и стало одним из ключевых для понимания развития науки (Кубрякова, 1995; Демьянков, 2006). Решение вопроса о формировании новой парадигмы в лингвистике требует значительных гносеологических преобразований, поэтому в современном языкознании возрастает важность вопросов теоретического характера¹ (Дубровская, 2019; Хомутова, 2009). Н.Ф. Алефиренко в связи с этим пишет: «В новое тысячелетие наука о языке входит с достаточно впечатляющим количеством идей и их решений», в связи с чем «возникает потребность в осмыслении не только основополагающих постулатов отдельных школ, но и стратегических направлений развития современной лингвистики»². При этом отмечается эклектичность и противоречивость лингвистических концепций: «Мнения относительно природы и сущности языка, способов его существования и познания не просто многочисленны и прямо противоположны, но подчас просто туманны и внутренне противоречивы» (Лещак, 2003: 62).

В современной лингвистике прослеживается тенденция рассматривать новые подходы к анализу языковых феноменов как взаимодополняющие, что соответствует, по мнению ряда ученых, многофункциональности, свойственной языку³ (Болдырев, 2015; Белоусов и др., 2017; Steriopolo, Steriopolo, 2022; Tóth, 2021). Как отмечает Л.Г. Зубкова, «идеи синтеза весьма актуальны для современного этапа развития лингвистики. Общая теория языка нуждается в новом системном осмыслении огромного фактического материала»⁴. Вследствие этого наблюдается тенденция к разработке такой теории языка, которая позволяет «исследовать объект не с точки зрения его внутреннего строения, особенностей субстратной основы, а с точки зрения функционирования объекта, его связей с окружающей средой» (Марков, 1982: 3). Подчеркнем, что при этом «переход от одной доминирующей парадигмы не подразумевает ее буквальной замены или полного отрицания, а, скорее, выражается в изменении

¹ *Чурилина Л.Н.* Актуальные проблемы современной лингвистики : учебное пособие. 6-е изд., стереотип. М. : Флинта : Наука, 2011. 416 с.

² *Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2005. С. 17.

³ *Лукин О.В.* Новые направления современного языкознания (2-я половина XX века – XXI век) : учебное пособие. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. 80 с.

⁴ *Зубкова Л.Г.* Общая теория языка в развитии : учебное пособие. М. : РУДН, 2003. С. 24.

научных метафор, точек зрения на язык, новых приоритетах, методах и перспективах» (Макаров, 2003: 11). То есть формирование нового взгляда на предмет и задачи языкознания предполагает переход к более глубокому пониманию сущности языка как органического целого. Однако при этом важно осознавать, что попытки модернизировать предшествующие постулаты могут стать препятствием для осознания тех неизбежных перемен, которые сегодня необходимы, чтобы лингвистика сохранила в будущем статус одной из фундаментальных наук, чтобы она могла предложить носителям языка, ученым из других областей знаний адекватные сведения о языке и его устройстве, а также о его использовании как инструмента социального взаимодействия. И поскольку «возникновение новых парадигм связано с тем, что входило и входит в область предпосылочных знаний о рассматриваемых явлениях, а подобные знания, конечно же, исторически обусловлены и исторически зависимы» (Парадигмы научного знания..., 2008: 11), для новой парадигмы актуально создание принципиально новой теории, которая будет учитывать роль языка в социуме с учетом его онтологической, функциональной, сущности.

В социуме лингвистика в начале XXI века обычно воспринимается только в качестве некоего набора правил правописания (более или менее соблюдаемых), а также в виде разнообразных словарей или грамматик (Lyutikova, 2022). Эта ситуация, по мнению А.Н. Рудякова (Рудяков, 2012), связана с сосредоточенностью большинства исследований на внутрисистемной классификации знаков, что препятствует преобразованию научной лингвистической парадигмы, которая опирается на понимание и определение языка как важнейшего инструмента, обеспечивающего существование человека и социума. Рассмотрению существенных аспектов этого преобразования посвящен ряд последних работ известного отечественного лингвиста, в которых он ставит перед собой две задачи: дать определение языку как регулятивной системе на основании принципов лингвистического функционализма и показать, каким образом последовательный функциональный взгляд на единицы языка преобразует наши представления о нем как системе (Рудяков, 2016, 2020).

Потребность в анализе оснований современной теории обусловлена прежде всего тем, что «в массовом лингвистическом сознании функционализм неоправданно отождествляется с исследованиями *функционирования* элементов языковой системы» (Рудяков, 1998: 5). Такие представления о сущности функционального подхода негативно влияют не только на развитие лингвистики, но и на возможности использования массива лингвистических знаний, поскольку наблюдение над употреблением различных единиц как конечная задача «функционального» исследования не позволяет выстроить адекватную модель функциональной по своей онтологии системы.

Исходя из сказанного, мы ставим себе **целью исследования** проследить процесс становления регулятивной концепции языка в работах доктора филологических наук, профессора А.Н. Рудякова и на основе сопоставления его исследований с работами других лингвистов установить ключевые особенности и постулаты новой лингвистической парадигмы. Поэтому в рамках статьи определим, в чем суть проблем, стоящих перед современной лингвистикой в связи со сменой научной парадигмы, и какие задачи должны быть решены для завершения этого процесса.

Методы и материалы

Для анализа и принципов функциональной лингвистики и установления закономерностей развития современной теории языка использовались следующие методы исследования: аналитико-описательный (наблюдение, интерпретация и обобщение), применяемый для выявления соответствующих функциональных единиц и их форм репрезентации; дедуктивный, направленный на анализ общих закономерностей развития лингвистической теории; аналитико-теоретический метод, применяемый при анализе понятийного аппарата терминов, при помощи которых описывается современное состояние научной лингвистической парадигмы и общелингвистических проблем, связанных с исследуемыми понятиями; прагматический метод, применяемый при описании соотношения вариантов языка в конкретных условиях; метод моделирования, используемый при воспроизведении общего для языков процесса образования вариантов и для представления вариативности в рамках единого языкового мира.

Перечисленные методы позволяют отразить основные особенности функциональной парадигмы в языкознании:

- ориентацию на коммуникативные потребности носителя языка;
- учет индивидуальных речевых реализаций;
- системность;
- стремление дать инструментальное и практически ориентированное знание;
- функциональная обусловленность, то есть объяснение языковой формы ее функциями;
- телеологичность, объяснение использования языка, исходя из потребностей и мотивов носителя.

Методологической основой исследования послужил метод системного подхода, позволяющий охарактеризовать следующие ключевые принципы лингвистического функционализма в их взаимосвязи и с позиции формирования новой парадигмы в лингвистике.

В качестве материала для исследования выступают теоретические работы (Рудяков, 1998, 2012; Гак, 1985; Демьянков, 2006; Кубрякова, 1995; Лещак, 2003; Apresjan, 2020 и др.), посвященные анализу функционального метода, лингвистического функционализма, лингвистических парадигм, особенностей функционального подхода к эмпирическому материалу.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что в работах А.Н. Рудякова, посвященных становлению лингвистического функционализма и анализу современного состояния теоретической русистики, отражены ключевые положения новой научной парадигмы в лингвистике, которая может именоваться регулятивной. При этом за основу принимаются следующие постулаты, сформулированные в рамках лингвистического функционализма.

1. «Функция элемента определяется его ролью в системе» (Гак, 1985: 7). При этом на первый план выходит изучение функционирования объекта, которое понимается как способ его существования.

2. Функции объектов рассматриваются как основа классификации и типологии (Рудяков, 1998).

3. «При анализе языковых факторов целесообразно различать функции (первичные и вторичные), употребления и эффекты» (Гак, 1985: 8). Соответственно, предлагается разработать иерархически упорядоченную типологию функций (Рудяков, 1998).

4. «Функция проистекает из системного положения данного объекта» (Гак, 1985: 8). Для функционального подхода важно, что функция выступает как системообразующий фактор и обуславливает структуру и субстанцию реалии.

5. Функционализм не является особым направлением языкознания, который исследует отдельные аспекты функционирования и классификации языковых единиц. Это синтезирующая концепция, в рамках которой весь комплекс лингвистических вопросов последовательно выводится из понятия функции (Рудяков, 2020).

Результаты

Охарактеризован процесс становления регулятивной концепции языка в работах А.Н. Рудякова, проанализированы теоретические принципы, лежащие в основе его умозаключений, в сравнении с принципами, изложенными другими учеными, установлены общие принципы и постулаты новой лингвистической парадигмы, развитие которой представляется не только актуальным, но и крайне необходимым, поскольку без определения теоретических ориентиров современная наука о языке утрачивает свою практическую ценность.

Выявлено, что осмысление новой парадигмы представляет собой многоаспектную задачу, решение которой позволит преодолеть эклектичный характер развития современной лингвистики, в которой основное внимание по-прежнему уделяется внутриязыковым исследованиям. Опора на принципы функциональной парадигмы позволит представить языковой материал в такой форме, чтобы он мог быть востребован за пределами лингвистики. При этом утратит необходимость выделение разных дополнительных направлений исследований, которые приводят к «расслоению» науки и многочисленности определений одних и тех же объектов, что противоречит идеям синтеза, характерным для новой парадигмы.

Доказано, что сформулированные в ряде монографий А.Н. Рудякова ответы на ключевые теоретические вопросы лингвистики становятся практически единственным способом объединить усилия современных исследователей в области русистики. При этом возникают объективные сложности, поскольку ряд вопросов не может быть пока что решен окончательно, что отражается в остро полемическом характере изложения проблем и их возможных решений. В работах А.Н. Рудякова прослеживается развитие современной лингвистики и осознание происходящих в ней изменений: от частных проблем (описание семантики на функциональных основаниях) до практических следствий функционализма для русистики и языкознания вообще (создание концепции георусистики). Проанализированные исследования демонстрируют стремление автора к осмыслению тех фактов, которые в языкознании не принимаются во внимание, и представлений, которые либо уста-

рели, либо не развиваются. Благодаря такому подходу исследования А.Н. Рудякова отчасти выходят за рамки лингвистической проблематики, он стремится показать, какое положение занимают язык и наука, с ним связанная, в социуме.

Таким образом, его исследования носят метанаучный характер, что является закономерным для ученого, стоящего на функциональных позициях. Это позволяет показать, что лингвистика не просто граничит с другими науками, а является в некотором роде их составной частью, основой человеческого Универсума. Теоретические поиски А.Н. Рудякова позволяют охарактеризовать основания и контуры новой лингвистической парадигмы, которую сам исследователь именуется регулятивной.

Аналитико-теоретический метод позволил проследить процесс создания общей регулятивной концепции, объясняющей функционирование и взаимодействие языков на современном этапе, с учетом общей глобализации, необходимости регулирования языковых отношений между регионами и социальными группами, появления разнообразного маргинального языкового материала, исследование которого до настоящего времени носит фрагментарный характер. Представляется целесообразным привлечение описанной в работе лингвистической теории к прогнозированию развития языковых ситуаций в разных регионах мира и описанию и изучению целого ряда новых форм существования языков, являющихся результатом активного взаимодействия их носителей на разных уровнях и в разных сферах.

Обсуждение

А.Н. Рудяков опирается в своих исследованиях не только на исследования в области лингвистики, но и на обширный пласт работ по теории и истории науки, общей методологии и гносеологии, философии науки⁵ (Бибихин, 1995; Кун, 1977; Марков, 1982; Парадигмы научного знания..., 2008 и др.). Необходимо указать также, что в значительной мере интерес А.Н. Рудякова к соответствующей проблематике продиктован работами его родителей, выдающихся советских и украинских лингвистов профессора Н.А. Рудякова, создателя оригинальной концепции восприятия и интерпретации текста, и профессора Ж.П. Соколовской, создателя одной из первых концепций семантики языка, базирующихся на представлениях о языковой картине мира (Соколовская, 1990). Поэтому закономерным является движение мысли А.Н. Рудякова от семантики и текста, к социолингвистике, иерархичности языка и отношениям варианта и инварианта, которые позволяют, с одной стороны, показать изоморфность подсистем языка, их функциональную сущность, а с другой, продемонстрировать эти принципы на материале использования языков в различных условиях. Таким образом, описание языка как функциональной системы не является произвольным шагом исследователя, в основе предлагаемого подхода лежат строгие дедуктивные принципы.

Несмотря на общетеоретическую направленность работ А.Н. Рудякова, в первую очередь, конечно же, его исследования связаны с русистикой, которая

⁵ *Зубкова Л.Г.* Общая теория языка в развитии...

сегодня все еще воспринимается многими как наука о литературной форме языка, хотя не вызывает никаких сомнений тот факт, что русский язык сегодня вышел за рамки России и формирует планетарный русскоязычный мир, и поэтому русистика должна осознать изменения в объекте своего исследования, чтобы стать георусистикой – наукой, ориентированной на исследование взаимодействия Русофонии с иными языковыми мирами. И одну из главных своих задач А.Н. Рудяков, несомненно, видит в том, чтобы определить факторы, влияющие на функционирование русского языка как глобального, и сформулировать постулаты, которые характеризуют георусистику, концентрирующую в себе принципы, характерные для новой парадигмы в лингвистике, опирающейся на принципиальную регулятивность языка, его использование как инструмента социального взаимодействия,

В основе монографий «Лингвистический функционализм и функциональная семантика», «Язык, или Почему люди говорят», «Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология»⁶, «Георусистика: русский язык в глобальном мире», «Лингвистика и ее скелеты в шкафу» (Рудяков, 1998, 2012, 2020) лежит функциональная концепция языка, которая исходит из инвариантной сущности языковых единиц и приводит нас к пониманию инвариантности системы языка в целом и объективности существования разнообразных вариантов языков, отражающих их использование в соответствующих культурных, политических, социальных условиях. Эта идея на протяжении трех последних десятилетий получает все больше теоретических и практических подтверждений и последовательно отстаивается автором и его учениками в их исследовательской деятельности. Продемонстрируем суть инвариантности примером из области фонетики.

Для характеристики функционального подхода к языковым единицам необходимо четко различать субстанциональные и функциональные свойства (Рудяков, 1998). Так, к субстанциональным качествам звукотипов относятся акустические и артикуляционные признаки, позволяющие идентифицировать их как тождественные или различные. С этой позиции звукотип [з] противопоставлен звукотипу [с] по признаку звонкости/глухости; звукотипу [ш] по месту образования и т.д., в то же время звукотип [з] имеет сходство со звукотипом [с] по признаку твердости/мягкости, по месту и способу образования; звукотипом [ш] по признаку твердость/мягкость и способу образования и т.д. Данные отношения устанавливаются относительно легко, однако на первый план в процессе восприятия связной речи выступает необходимость интерпретировать случаи совпадения или тождества звукотипов, являющихся вариантами разных фонем, ведь позиции нейтрализации встречаются чаще, чем позиции различения. Поэтому важно, что все приведенные выше звукотипы тождественны по своей функции – они могут реализовать одну фонему в некоторой фонетической позиции. Возможность сосуществования вариантов (звукотипов) определяется системой языка, то есть разнообразием позиций, в которые попадает фонема. Введение понятия фонемы как единства «звукотипной природы и инвариантной функции» (Рудяков 1998: 53) объяс-

⁶ Рудяков А.Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2013. 312 с.

няет взаимопонимание между людьми. Если бы люди творили новые звуки каждый раз, когда требовалось произнести слово, а не использовали ограниченное их количество, то существование языка было бы невозможным. Следовательно, «именно функциональные качества звукотипа оказываются решающим фактором при окончательном понимании речи в процессе узнавания в звукотипе варианта фонемы» (Рудяков, 1998: 53).

В связи со сказанным возникает вопрос: насколько релевантен данный механизм для остальных подсистем языка? Ведь на ярусах двусторонних единиц (морфема, лексема и др.) для разграничения инвариантов учитывается не только форма, существенным становится и значение, которое реализуется микрополем средств его выражения. А.Н. Рудяков полагает, что в данном случае следует исходить из того, что устройство всех подсистем языка изоморфно, и, следовательно, подсистемы строительных единиц (морфем), номинативных единиц и предикативных единиц в интересующем нас аспекте также подобны фонетическому ярусу. Поэтому именно функциональные характеристики единиц становятся определяющим параметром их бытия, а их представление в виде отношений между инвариантом и позиционными чередованиями (вариантами) является гносеологической основой лингвистического функционализма.

Благодаря такому рассмотрению языка как функциональной системы А.Н. Рудяков закономерно приходит к выводу о том, что современное языкознание находится на пути становления новой парадигмы. И хотелось бы подчеркнуть, что эта мысль постулируется в работах ученого в то время, когда идеи антропоцентризма в языкознании еще не получили четкого оформления.

Следует подчеркнуть тот факт, что исследователь вовсе не стремится дать однозначные и абсолютно полные ответы, которые позволят раскрыть все «тайны» и «загадки», он указывает на относительность любого научного знания, ссылаясь на утверждение В.В. Бибикина о том, что наука представляет собой цепь все новых и новых вопросов (Бибикин, 1995). В противном случае наука превращается в мифологию, которая дает канонизированные ответы на любые вопросы. Но сама постановка вопросов представляет собой важнейший этап, поскольку именно с вопросов начинается преодоление противоречий и несоответствий (Рудяков, 2020).

Однако для постановки вопросов и уж тем более для поиска ответов на них необходимо иметь достаточно стройную и непротиворечивую концепцию, которая позволит исследователю выдвигать гипотезы и искать для них доказательства или опровергать их. Поэтому дедуктивная ориентация работ А.Н. Рудякова (Рудяков, 1998, 2016): от философской и методологической основы к конкретно-научной концепции и от нее – к фактическому материалу, является той основой, которая позволяет автору обоснованно говорить об изменениях в современной научной парадигме. Установка на формирование четких дефиниций ключевых понятий (языка как функциональной системы, функции реалии и др.) приводят к построению системы взаимосвязанных терминов, использование которых является последовательным. Язык, рассмотренный с последовательно функциональной позиции, выступает как инструмент регуляции, воздействия, и по своей онтологии, своему предназна-

чению и существованию представляет собой систему, которая не может быть описана, исходя из исключительно субстанциональных оснований (внутри-системного описания единиц, созданного на структурно-семантических основаниях). Функциональная сущность языка обуславливает его устройство (иерархию инвариантов и вариантов) и прежде всего регулятивную предназначенность его единиц, соответственно, необходимо различать формы существования языка на разных уровнях языковой абстракции (они включают в себя речь и текст).

Перечисленные выше ключевые положения применяются при решении широкого круга научных проблем (при этом, фактически, каждая из монографий А.Н. Рудякова сосредотачивает внимание читателя на какой-то конкретной области языкознания). Прежде всего, это разработка функциональной модели словаря естественного языка, которая основана на тезисе о том, что единицей номинации в языке является семантема (Рудяков, 1998). Особую ценность формализация результатов семантических исследований приобретает сегодня (Arpesjan, 2020; Богуславский, 2021), когда прикладная лингвистика ставит перед собой задачи совершенствования поисковых систем, составления электронных каталогов, создания искусственного интеллекта (формирование и отражение картины мира в языке).

В следующей монографии «Язык, или Почему люди говорят» (Рудяков, 2012) автор создает целостную концепцию языка, в рамках которой выделяются «функциональные части (подсистемы):

- строительная подсистема, позволяющая создавать воспроизводимые означающие и связывать их со смыслом..;
- подсистема номинации; основная единица – семантема, элементы – слова и словосочетания, предназначенные для именованья реалий универсума;
- подсистема коммуникации; основная единица – предложение;
- подсистема регуляции: это сфера текста, дискурса» (Рудяков, 2012: 146).

Естественно, в монографии остается место для дискуссий о разграничении единиц и разграничении подсистем, однако важно, что выделяются они в соответствии со своими функциями.

В монографии «Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология»⁷ внимание уделяется проблемам восприятия, понимания и интерпретации текста. При этом постулируется идея, восходящая к функциональному определению языка: системообразующей функцией текста является его назначение, функция регуляции, воздействия на сознание реципиента, преднамеренное или непреднамеренное, осознаваемое или подсознательное. Текст выступает как мощное средство истолкования окружающего мира и ориентации в нем. Поэтому, исходя из функции текста, исследователь приходит к выводу о том, что само устройство текста аналогично прочим созданным человеком орудиям, вследствие чего структура текста рассматривается также под функциональным углом зрения: он включает в себя подсистему, обеспечивающую воздействие («рукоять», то есть часть, которая выполняет необходимую, но вспомогательную функцию), и подсистему, непосредственно воздействующую на ценностную часть индивидуальной картины мира читающего («острие»).

⁷ Рудяков А.Н. Топоры и тексты...

Не является случайным и обращение А.Н. Рудякова к проблеме функционирования и развития русского языка в современном мире. Возникновение концепции георусистики является прямым следствием лингвистического функционализма и обусловлено требованием времени и логикой развития науки о языке. Поэтому в монографии «Георусистика: русский язык в глобальном мире» (Рудяков, 2016) автор в очередной раз обращает внимание языковедов на необходимость перехода от субстанциональной, структуралистской, по своим ключевым постулатам, парадигмы к парадигме функциональной и регулятивной и сосредоточивает свои рассуждения на моделировании русистики, объектом которой является планетарный русскоязычный мир (Русофония). Собственно, таким образом А.Н. Рудяков предлагает нам функциональную интерпретацию не только известных фактов, но и намечает пути развития русистики и лингвистики в недалеком будущем, которое на самом деле уже наступило.

Следует особо отметить, что в последние годы представители крымской школы функциональной лингвистики, основателем которой является А.Н. Рудяков, уделяют значительное внимание проблеме вариативности, в центре которой соотношение вариант/инвариант, а не вариант/норма, что позволило исследователям продемонстрировать эвристический потенциал концепции георусистики (Георусистика..., 2011). Поскольку в рамках последовательно функционального подхода вариант рассматривается как реализация, воплощение инварианта в конкретной «позиции», естественным следствием этого тезиса является понимание различных вариантов языка (литературного, диалектного, регионального, национального и др.) как функционально тождественных форм существования языка-инварианта который реализуется в конкретных условиях.

Наверное, наиболее сложно определить предмет исследований А.Н. Рудякова в его последней по времени издания монографии «Лингвистика и ее «скелеты в шкафу» (Рудяков, 2020). Цель автора – поиск противоречий в современной теории, формулирование ключевых положений новой парадигмы, постановка вопросов, выстраивание системы доказательств. Но в первую очередь – это поиск способов выражения новых знаний, терминов, дефиниций, определение их места в системе научных знаний. И эта задача, пожалуй, является самой сложной, поскольку дать наименование чему-то для нас означает фактически определить место объекта в системе. С одной стороны, это – первый этап нашего понимания сущности объекта, а с другой, это концептуальный шаг, определяющий способ видения объекта, возможно, на несколько десятков лет. История развития различных сфер деятельности, как и история науки, убеждает нас в том, что, как отмечает А.Н. Рудяков в одной из своих книг, нередко самые очевидные факты на поверку оказываются не соответствующими функциональной сущности объекта или явления. Этот тезис иллюстрируется ярким примером современной техники прыжка в высоту: «кто бы мог подумать, что прыгать спиной вперед более эффективно, чем так, как кажется очевидным» (Рудяков, 2016: 14). Поэтому в книге не идет речь о том, что те или иные идеи были или не были восприняты научным сообществом, а ставится вопрос об адекватности лингвистического знания, его соответствии сегодняшним реалиям и запросам.

Таким образом, работы А.Н. Рудякова демонстрируют не только ключевые проблемы современной науки о языке, но и предлагают общий путь их решения, основой чего должен стать осознанный переход в новую научную парадигму, границы которой исследователь последовательно показывает на обширном теоретическом и эмпирическом материале. Анализ гносеологических и методологических оснований лингвистики позволили А.Н. Рудякову создать стройную теоретическую базу, на основе которой он стремится прежде всего к осмыслению того, что уже достигнуто в лингвистике, но также и намечает то, что еще предстоит сделать. И еще раз подчеркнем, что благодаря этому можно, без преувеличения, сказать, что именно в работах А.Н. Рудякова закладываются концептуальные основания новой лингвистической парадигмы.

Заключение

В современном языкознании констатируется необходимость синтетического подхода к языку и его единицам, раскрывающего механизм устройства и развития языка как функциональной системы. Однако для этого следует увидеть ограничения, которые накладываются на современную лингвистику предыдущая научная парадигма.

Смена научной парадигмы, которая наблюдается в современном языкознании, – это длительный и трудный процесс, но сегодня он является обязательным условием дальнейшего развития лингвистики. И лингвистика сегодня в какой-то степени находится именно в такой ситуации: в поиске новых оснований, которые позволят совершить прорыв, обеспечивающий дальнейшее развитие науки.

Безусловно, глубокое рассмотрение всех вопросов, связанных с переходом к новой парадигме, или даже самых главных из них в комплексе и в отдельности требует больших усилий – не одного исследователя и не в одном труде. Но тем важнее обозначить основные ориентиры на этом пути, очертить круг задач и перспектив, которые стоят перед современной лингвистикой в этом отношении. В рамках проанализированной концепции эти перспективы обозначены в достаточно острой форме, но при этом обосновывается возможность решения ряда ключевых проблем лингвистики на основании понимания языка как инструмента социального взаимодействия и регуляции, как инвариантной системы, реализующейся в разных социальных, региональных и культурных позициях в соответствии с целями человека, использующего данный язык, как функциональной системы, единицы которой предназначены для реализации онтологически исходной функции языка, как, наконец, важнейшего аспекта человеческого бытия и условия сохранения социального единства. И следует отметить, что представители других областей знания отмечают потенциал такого подхода к языку.

Смена научной парадигмы подразумевает выстраивание единой синтезирующей концепции в языкознании, поскольку именно непротиворечивая и верифицируемая теория позволит лингвистам приостановить членение лингвистики на все более мелкие направления исследований, руководствующиеся

частными постулатами, и объединить свои усилия в решении практических задач, одной из которых, как ни странно, сегодня является преподавание русского языка в школах на основе современной лингвистической теории.

Список литературы

- Белоусов К.И., Баранов Д.А., Боронникова Н.В., Ерофеева Е.В., Зелянская Н.Л.* Междисциплинарность и полипарадигмальность в отечественной лингвистике // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 11. С. 986–998. <https://doi.org/10.7868/S0869587317110032>
- Бибихин В.В.* Мир. Томск : Водолей, 1995. 144 с.
- Богуславский И.М.* Семантический анализ с опорой на умозаключения в функциональной модели языка // Вопросы языкознания. 2021. № 1. С. 29–56. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.1.29-56>
- Болдырев Н.Н.* Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. Вып. 1. С. 5–12.
- Гак В.Г.* К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М. : Наука, 1985. С. 5–16.
- Георусистика : вызовы XXI века : сб. науч. ст. / под ред. А.Н. Рудякова. Симферополь : Антиква, 2011. 224 с.
- Демьянков В.З.* Термин *парадигма* в обыденном языке и в лингвистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. научных трудов. М. : ИНИОН РАН, 2006. С. 15–40.
- Дубровская Т.В.* Научные парадигмы в современной отечественной и зарубежной лингвистике : сущность, динамика, философские основания // Научный диалог. 2019. № 9. С. 73–87. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-9-73-87>
- Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М. : Издательский центр РГГУ, 1995. С. 144–238.
- Кун Т.* Структура научных революций. М. : Прогресс, 1977. 300 с.
- Лещак О.В.* Очерки по функциональному прагматизму : методология – онтология – эпистемология. Тернополь-Кельце : Підручники і посібники, 2003. 255 с.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 278 с.
- Марков Ю.Г.* Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск : Наука, 1982. 264 с.
- Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. науч. трудов / под ред. Е.С. Кубряковой, Л.Г. Лузиной. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. 184 с.
- Рудяков А.Н.* Георусистика : русский язык в глобальном мире. М. : ЛЕКСПУС, 2016. 320 с.
- Рудяков А.Н.* Лингвистика и ее «скелеты в шкафу». М. : Азбуковник, 2020. 416 с.
- Рудяков А.Н.* Лингвистический функционализм и функциональная семантика. Симферополь : Таврия-плюс, 1998. 224 с.
- Рудяков А.Н.* Язык, или Почему люди говорят : опыт функционального определения естественного языка : монография. 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2012. 158 с.
- Соколовская Ж.П.* Проблемы системного описания лексической семантики. Киев : Наукова думка, 1990. 182 с.
- Хомутова Т.Н.* Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (172). С. 142–151.
- Apresjan V.Yu.* Resolving scope ambiguity : lexicon, pragmatics, information structure // Voprosy Jazykoznanija. 2020. No. 2. Pp. 7–30. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0008774-0>
- Ljutikova E.A.* The structural representation of ergativity in Northeast Caucasian // Voprosy Jazykoznanija. 2022. No. 3. Pp. 75–108. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.3.75-108>

- Steriopolo O., Steriopolo E.* The division of GENDER // *Voprosy Jazykoznanija*. 2022. No. 1. Pp. 59–84. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.1.59-84>
- Tóth V.* Linguistic prestige and toponym use at the crossroads of languages and cultures // *Вопросы ономастики*. 2021. Т. 18. № 3. С. 66–84. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.3.033

Сведения об авторах:

Дорофеев Юрий Владимирович, доктор филологических наук, доцент, проректор по научной работе, профессор кафедры филологии, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, Российская Федерация, 295000, Симферополь, ул. Ленина, д. 15. *Сфера научных интересов*: теория языка, семантика, вариантология языка, понимание и восприятие текста. Автор более 100 научных работ. ORCID: 0000-0002-3925-090X. E-mail: yuvld@mail.ru

Журавлева Евгения Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, д. 2. *Сфера научных интересов*: теория языка, межкультурная (межэтническая) коммуникация, языковые контакты, вариантология языка, социолингвистика. Автор более 290 научных работ. ORCID: 0000-0001-9566-8481, Scopus ID: 57200245717, Researcher ID: AAT-9756-2021. E-mail: zhuravleva_yea@enu.kz

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-49-63
EDN: ZELCNW

Research article

Functional paradigm in Russian studies: from the functioning of units to the regulatory concept of language

Yury V. Dorofeev¹ , Evgenia A. Zhuravleva²

¹*Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education,
Simferopol, Russian Federation*

²*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan*
 yuvld@mail.ru

Abstract. Today the Russian language has gone beyond Russia and forms the planetary Russian-speaking world, so Russian language studies, whose subject matter is traditionally considered the literary form of the language, seeks to reach a new level of comprehension of both the language and individual facts. The relevance of the study is due to the fact that at the present stage ideas of synthesis come to the fore in linguistics, there are tendencies to develop a theory of language integrating the latest achievements of different areas of linguistics on a single basis. In accordance with this, the aim of the research is to compare the regulative concept of language in the works of A.N. Rudyakov with the works of other linguists in order to establish the key features and principles of a new linguistic paradigm and define language as a regulatory system based on linguistic functionalism. Deductive, analytical-theoretical and modeling methods describe the current state of the scientific linguistic paradigm and general linguistic problems associated with the concepts under study. The key features of the modern scientific linguistic paradigm are established, since without defining theoretical guidelines, modern language science loses its practical value. As a result, the authors substan-

tiated that the new paradigm is not only an appeal to new material and new research methods, but the creation of a fundamentally new theory that will take into account the role of language in society, its ontological, functional essence. Based on the definition of the key features of the functional approach to the language and its units, the authors demonstrate that linguistics not only borders on other sciences, but is in some way an integral part of them, the basis of the human Universe. In the future, the presented material allows us to see that the change of the scientific paradigm, despite the objective difficulties, today is a prerequisite for the further development of linguistics. It also outlines a range of theoretical and practical tasks that modern linguistics faces and which can be solved within the framework of a new paradigm.

Keywords: linguistic functionalism, geo Russian language studies, regulatory function, regulatory system

Article history: received 04.09.2022; accepted 18.11.2022.

For citation: Dorofeev, Yu.V., & Zhuravleva, E.A. (2023). Functional paradigm in Russian studies: From the functioning of units to the regulatory concept of language. *Russian Language Studies*, 21(1), 49–63. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-49-63>

References

- Apresjan, V.Yu. (2020). Resolving scope ambiguity: Lexicon, pragmatics, information structure. *Voprosy Jazykoznanija*, (2), 7–30. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0008774-0>
- Belousov, K.I., Baranov, D.A., Boronnikova, N.V., Erofeeva, E.V., & Zelyanskaya, N.L. (2017). Interdisciplinarity and polyparadigmality in domestic linguistics corpus research of projects funded in the field of linguistics. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 87(6), 491–501. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/S0869587317110032>
- Bibixin, V.V. (1995). *World*. Tomsk: Vodolei Publ. (In Russ.)
- Boguslavsky, I.M. (2021). Semantic analysis based on inferences in functional language models. *Voprosy Jazykoznanija*, (1), 29–56. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.1.29-56>
- Boldyrev, N.N. (2015). Antropocentric nature of language in its functions, units and categories. *Issues of Cognitive Linguistics*, (1), 5–12. (In Russ.)
- Demyankov, V.Z. (2006). The term paradigm in everyday language and in linguistics. *Paradigms of Scientific Knowledge in Modern Linguistics: Collection of Scientific Papers* (pp. 15–40). Moscow: INION RAN Publ. (In Russ.)
- Dubrovskaya, T.V. (2019). Paradigms in modern Russian and foreign linguistics: Nature, dynamics, and philosophical grounds. *Nauchnyi Dialog*, (9), 73–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-9-73-87>
- Gak, V.G. (1985). On the typology of functional approaches to language learning. *Problems of Functional Grammar* (pp. 5–16). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Khomutova, T.N. (2009). Scientific paradigms in linguistics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (35), 142–151. (In Russ.)
- Kubryakova, E.S. (1995). The evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century (the experience of paradigmatic analysis). *Language and Science of the Late XX century* (pp. 144–238). Moscow: RSUH Publ. (In Russ.)
- Kubryakova, E.S., & Luzina, L.G. (Eds.). (2008). *Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics: Collection of scientific works*. Moscow: INION RAS Publ. (In Russ.)
- Kun, T. (1977). *The structure of scientific revolutions*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Leshhak, O.V. (2003). *Essays on functional pragmatism: Methodology – ontology – epistemology*. Ternopil-Kielce: Pidruchniki i Posibniki Publ. (In Russ.)
- Ljutikova, E.A. (2022). The structural representation of ergativity in Northeast Caucasian. *Voprosy Jazykoznanija*, (3), 75–108. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.3.75-108>

- Makarov, M.L. (2003). *Fundamentals of the theory of discourse*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)
- Markov, Yu.G. (1982). *Functional approach in modern scientific cognition*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russ.)
- Rudyakov, A.N. (1998). *Linguistic functionalism and functional semantics*. Simferopol: Tavriya-plyus Publ. (In Russ.)
- Rudyakov, A.N. (2012). *Language, or Why people speak: The experience of functional definition of natural language*. Moscow: Flinta Publ., Nauka Publ. (In Russ.)
- Rudyakov, A.N. (2016). *Georusistics: The Russian language in the global world*. Moscow: Leksrus Publ. (In Russ.)
- Rudyakov, A.N. (2020). *Linguistics and its “skeletons in the locker”*. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russ.)
- Rudyakov, A.N. (Ed.). (2011). *Georusistics: Challenges of the XXI century: Collection of Scientific Articles*. Simferopol: Antikva Publ. (In Russ.)
- Sokolovskaya, Zh.P. (1990). *Problems of system description of lexical semantics*. Kiev: Naukova Dumka Publ. (In Russ.)
- Steriopolo, O., & Steriopolo, E. (2022). The division of GENDER. *Voprosy Jazykoznanija*, (1), 59–84. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.1.59-84>
- Tóth, V. (2021). Linguistic prestige and toponym use at the crossroads of languages and cultures. *Voprosy Onomastiki*, 18(3), 66–84. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.3.033

Bio notes:

Yury V. Dorofeev, Doctor of Philology, Docent, Vice-Rector for Research, , Professor of the Department of Philology, Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, 15 Lenina St, Simferopol, 295000, Russian Federation. *Research interests*: theory of language, semantics, language variantology, understanding and perception of text. The author of more than 100 scientific papers. ORCID: 0000-0002-3925-090X. E-mail: yuvld@mail.ru

Evgeniya A. Zhuravleva, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev St, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan. *Research interests*: theory of language, intercultural (inter-ethnic) communication, language contacts, language variantology, sociolinguistics. The author of more than 290 scientific papers. ORCID: 0000-0001-9566-8481, Scopus ID: 57200245717, Researcher ID: AAT-9756-2021. E-mail: zhuravleva_yea@enu.kz

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-64-78

EDN: ZLYYYW

Research article

Aspect and tense forms of the Russian verb in describing the kinesic behaviour of the characters in A.P. Chekhov's stories

Xinyan Liu^{1,3}, Min Xu^{2,3}, Elena V. Talybina³

¹*Vision Overseas Co., Ltd, Jinan, People's Republic of China*

²*Shandong Yuanxu Law Firm, Jinan, People's Republic of China*

³*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation*

 talybina-ev@rudn.ru

Abstract. Non-verbal semiotics is one of the leading areas of modern communication research. The study is devoted to the topical interdisciplinary issue – the relationship between non-verbal semiotics and Russian grammar. The aim of the research is to characterize the representation of the temporal forms of the Russian verb in describing the kinesic behaviour of literary characters. The elements of nonverbal semiotics were analysed in the stories by A.P. Chekhov “Death of an Official”, “Chameleon”, “Thick and Thin”, “Horse Name”, “Surgery”. The following methods were used as the main ones: descriptive, semantic explication, differential, analytical. The methodological foundations of kinesics as an integrative science were considered, the correlation between the verbal realization of kinema and the temporal forms of the Russian verb was revealed. It has been proved that the most recurrent manifestations of non-verbal semiotics in Chekhov's stories are communicative emblems (in particular, etiquette and ritual), symptomatic emblems and dynamic descriptors, nominated with the help of aspect and tense forms of the Russian verb. Emblems-illustrators are quantitatively less represented in the analyzed stories. They are prospective for further research on the example of Russian literary classics.

Keywords: nonverbal semiotics, kinesics, emblems, communicative emblems, illustrators, regulators

Article history: received 12.10.2022; accepted 30.12.2022.

For citation: Liu, X., Xu, M., & Talybina, E.V. (2023). Aspect and tense forms of the Russian verb in describing the kinesic behaviour of the characters in A.P. Chekhov's stories. *Russian Language Studies*, 21(1), 64–78. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-64-78>

Introduction

Communication takes place in a complex semiotic space, where each sign – verbal and non-verbal – must be interpreted in a certain way. R. Jakobson's formula “addresser – text – addressee”, in fact, is a representation of discourse, that is “speech immersed in life” (Arutyunova, 2002). Speaking about the address-

© Liu X., Xu M., Talybina E.V., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ser, we should not ignore all his or her intentions, which model the text message in a certain way. The addressee, in turn, is seen as a perceptual consciousness that decodes the meanings embedded in the text, basing on its own presuppositions, the commonality of the communicants' cognitive base and the context where the interaction takes place.

However, communication is not limited to the verbal component. Its integral elements include nonverbal components, in particular gestures and facial expressions. This level of communication is studied by nonverbal semiotics. It is indicative that the number of works devoted to this aspect of communication has increased significantly in both Russian and foreign linguistics (Keck et al., 2022; Sweeney, 2022; Sharkov et al., 2022; Abakumova et al., 2022; Valentová, 2020). The authoritative Scopus database contains 892 papers devoted to the study of nonverbal semiotics. This indicates the emergence of a new interdisciplinary conceptual field, which has been actively developed since 1966¹.

The taxonomic distribution of non-verbal semiotics layers suggests that its importance in the communicative act is difficult to overestimate. Thus, there are kinesics (the science of gestures and facial expressions), haptics or tacesics (the science of tactility, language of touch), oculistics (the science of visual behaviour of people and eye language), sensorics (the science of sensual perception of another person), proxemics (the science of using space during communication), chronemics (the science of using time during communication).

This study focuses on kinesics as the science about a set of gestures, facial expressions, and body movements. It has now developed its own classification of somatic expressions that play a special role in both direct and mediated communication. Among the most striking “diagnostic spots” of nonverbal semiotics scientists usually distinguish communicative emblems (also including etiquette elements), emblems-illustrators and emblems-regulators. This classification proposed by G. Kreidlin, remains the most demanded in Russian linguistics (Kreidlin, 2002). This direction is actively developed by V.V. Barteneva, A.S. Zagrebelnaya, N.V. Belousova, E.M. Yakimova, L.V. Babina, V.B. Merkurjewa (Barteneva, 2017; Zagrebelnaya, 2021; Belousova, 2006; Yakimova, 2017; Babina, Proskurnich, 2019; Merkurjewa, Antipowa, 2019) and other researchers.

The relevance of the stated approach is due to the increasing need for explanatory knowledge in order to accumulate areas from different scientific fields. The present study is the first attempt to prove the relationship between non-verbal semiotics and Russian grammar on the material of fiction texts. Despite the fact that the elements of non-verbal semiotics in the fiction are a priori verbalized, i.e. expressed by the temporal forms of the Russian verb, they become markers of behavioral scenarios describing the characters, revealing their motives and becoming part of their psychological portrait. The works of authors such as A.P. Chekhov can provide rich illustrative material for analysing non-verbal components and elements of Russian grammar, which verbalize these components in the fiction text.

¹ Scopus. Retrieved October 15, 2022, from: <https://www.scopus.com/results/results.uri?sort=plf-f&src=s&st1=kinesics&nlo=&nlr=&nls=&sid=c4741227248cc0d8799f3308d934fb52&sot=b&sdt=b&sl=13&s=KEY%28kinesics%29&cl=t&offset=881&origin=resultslist&ss=plf-f&ws=r-f&ps=r-f&cs=r-f&cc=10&txGid=c1a075869b62d311af58db4c3c31395a>

Methods and materials

The elements of nonverbal semiotics were selected from the early Chekhov's prose (*The Death of an Official, Chameleon, Thick and Thin, Horse's Name, Surgery*²). More than 30 nonverbal semiotic complexes, attributing proper direct speech and functioning in aspect and tense forms of the Russian verb, were analyzed.

The method of semantic explication, as well as descriptive, differential, and analytic-descriptive methods were used as the main ones.

Results

The methodological foundations of kinesics as an integrative science were considered.

Taxonomic differentiation of the main semantic classes of kinemas has been compiled.

The early stories by A.P. Chekhov (*The Death of an Official, Chameleon, Thick and Thin, Horse's Name, Surgery*) have been analyzed from the point of view of verbal representation of kinemas.

The correlation between the verbal realization of the kinema and the tense forms of the Russian verb has been considered.

The conducted research leads to the conclusion that the most recurrent manifestations of non-verbal semiotics in the stories by A.P. Chekhov are communicative emblems (in particular, etiquette and ritual), symptomatic emblems and dynamic descriptors, expressed by the aspect and tense forms of the Russian verb. Emblems-illustrators are quantitatively less represented in the stories.

Discussion

Methodological foundations for kinemas differentiating

Kinetic sign forms include gestures, facial expressions, body movements and nonverbal complexes – manners. This classification was first introduced by the American scientist Ray Birdwhistell in his monograph “Introduction to kinesics: An annotation system for analysis of body motion and gesture” (Birdwhistell, 1952).

One of the founders of the theory of nonverbal communication in Russian linguistics is G.E. Kreidlin (Kreidlin, 2002). In his opinion, people interact not only through words, but also through body movements, where each somatic attribute (shape and size of the body, position in space, etc.) is able to translate a certain meaning. Even “not performing a gesture” in a situation that conventionally requires it becomes meaningful in communication. Natural language and sign language, not isomorphic systems by their nature, are in a certain correlation. They can operate in parallel because the underlying processes of verbal and non-verbal communication are similar. Thus, in certain communicative situations, the meaning of a statement can be conveyed kinematically (for example, the movement of a finger to the lips means “Quiet!”, “Be silent!”).

² Chekhov, A.P. (1983). *Complete works and letters. Vol. 3. Essays*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

The verbal reflection of kinema (a complex non-verbal semiotic set) is commonly referred to as “nomination”, which is usually a meaningful word or combination of words. The present study focuses on aspect and tense nominations of non-verbal behaviour of the characters.

We should note that the verbal and nonverbal systems have a number of fundamental differences, which do not allow us to attribute them to phenomena of the same order. “Non-verbal communication involves a significant number of signs that either nominate directly their denotation – the object and its attributes – shape, size, etc. (at the same time, the body parts themselves are used for direct reference to the object or substitute it), or they denote entire situations or fragments of situations, acting in communication as analogues of speech utterances” (Kreidlin, 2002: 46).

G.E. Kreidlin divides kinemas into gestures-emblems, gestures-illustrators and gestures-regulators (Kreidlin, 2002: 50).

Emblems are kinemas with an independent lexical meaning. They convey certain meanings regardless of the context. Communicative emblems carry general information: they are subdivided into general, deictic and etiquette. These are dialogic gestures, which can be both illocutionarily independent (for example, extending a hand to the interlocutor as a sign of greeting, we commit an illocutionary act), and illocutionarily forced (dependent): for example, in response to our words, according to the law of speech cooperation, a person nods, expressing consent. The largest group of gestures are communicatively neutral kinemas: tilt of the head, a finger to the lips, winking, a shake of the head, a hand clap on the forehead, etc.

Communicative emblems, as a rule, are attached to certain speech situations. Some units serve as stimulus reactions. For example, gestures “to threaten with a fist” or “to wink” require a response from the recipient. Gestures indicating the interlocutor or the addressee himself are called deictic.

Symptomatic emblems express the emotional state of a person. The denotation of this class of gestures is an emotion, not its physiological manifestation itself. For example, covering the mouth with the hand we mark astonishment, biting the lips – anxiety or emotional excitement. By their nature, symptomatic gestures are not dialogic, since they can function in contextual isolation, when a person is alone and experience his emotions independently. Nevertheless, even in a dialogue such gestures are aimed at demonstrating the communicant's emotional state, so such gestures frequently move from one category to another. At the same time, we do not rank as sign gestures natural physiological reactions, such as a rush of blood to the cheeks when a feeling of shame arises. This emotion can be expressed by an appropriate gesture, for example, to cover the face with hands.

Gestures-illustrators highlight a certain fragment of communication. They complement the semantics, syntactics and pragmatics of the communicative act, improving the external part (form) of the statement. They enter into a close relationship with the rhythm of speech, its semantic accents, prosody, and the organization of the speech flow. Illustrators include various kinds of imitative gestures.

Gestures-regulators control the communicative process. They start, continue or finish the speech act. Illustrators are a gestural representation of the verbal,

but regulators perform the function of maintaining the dialogue from its beginning to the finish. Regulators are not communicative, but carry certain information and are an interactive component of communication. Individual head movements, postures of the interlocutor are called points. Body movements, changes of position in space are called gestures-positions. Finally, the largest group of gestures are called representations.

A separate class of gestures in kinesics are mimic (raise the eyebrows, curl the lip, furrow the forehead, etc.). They do not only manifest certain emotions, but also perform specific functions in a communicative event. The face is the “place” of feelings expression, the translator of a person's inner state. The basic function of facial gestures is emotive. When conveying certain information to the addressee, the communicative function is realized. When facial expressions react to stimuli the gesture has a contact-establishing function, i.e. it serves as a communicative regulator. Finally, a mimic gesture is extremely informative, as it informs the communicant about the emotional state of the interlocutor.

This means that kinesics, the study of the language of the body and its parts, examines all kinds of meaningful movements. However, it is sometimes identified with body technique; in this case the conceptual field of science also includes nonverbal communication. E.N. Zaretskaya calls kinesics one of the areas of linguo-semiotics, accompanying speech and compensating it (Zaretskaya, 2002).

Verbalization of the kinesic behavior of the characters

One of the directions of kinesics is the functioning of nonverbal means in the fiction text. In contrast to the spontaneity of real discursive communication, in fiction nonverbal communication becomes a deliberate stylistic device.

In the fiction narrative, elements of the nonverbal-semiotic code are quite recurrent: they perform a compensatory function in conveying the meanings of communication. Since proper verbal means are polysemantic, kinemas are an auxiliary means to achieve unambiguous communication (Pavlova, Cheremisina, 2013).

Since changes of body position in space, gestures, facial expressions refer to active manifestations of human behaviour and physiology, they are usually represented with the help of the morphological class of verbs in the system of aspect and tense realizations.

The aspect and tense system of the verb in the grammatical structure of the Russian language expresses aspectuality and temporality; in this case, each verb form is understood as a form of this or that aspect.

The category of aspect consists in the temporal distribution of the main feature of the verb. “The perfective aspect implies that an action has an internal limit, finality or phase. The imperfective kind implements the idea of incompleteness or repetition of action” (Knyazev, 2017). A verb may have correlative aspect pairs; it may represent one-aspect perfective verbs (in this case, the development of action is limited), one-aspect imperfective verbs (the action is not limited in its development), two-aspect verbs (contextually determined verbs) (Knyazev, 2017).

Some researchers, in particular E.V. Petrukhina, note that in functional respect the category of aspect can be clarified through “the category of aspectuality as a universal semantic category of the verb. It characterizes the course and distri-

bution of action in time, as well as the functional and semantic field of different linguistic means, united by the categorical meaning” (Petrukhina, 2009: 44).

Thus, the aspect and tense system of the Russian verb includes the aspectuality as a marker characterizing not only the process of the action, but also its internal limit. This is an important marker for representing an action in a fiction text: it is the aspect-tense realization of action that informs any subject of aesthetic reality of certain personal characteristics that become significant for interpreting their image.

It is noteworthy that in A.P. Chekhov's early stories kinesic representations often become stimuli for the event as a narrative element. For example, Chervyakov's uncontrolled physiological reaction (sneezing) in *The Death of an Official* creates a conflict situation and leads to the known result in the story.

The repertoire of the manual and facial gestures of Chekhov's characters is extremely varied. The most recurrent elements of nonverbal semiotics for Chekhov's discourse are communicative emblems. Thus, in *The Lady with the Dog*³ we read: “He kindly beckoned the spitz to him and, as he approached, wagged his finger at him.” In this case, the communication is mediated: the gesture directed at the animal is addressed to the person. The perfective verbs “beckoned”, “threatened”, indicating that the action is not only completed, but also has a certain result, are the kinesic representations. In *The House with the Mezzanine*⁴ we read: “I bowed.” The body-movement, which replaces speech, is an etiquette emblem according to G. Kreidlin's classification. The perfective verb, verbalizing the movement of the body, carries the semantics of one-act action: it should not be repeated and supposes a certain response.

Often the verbal representation of the gesture has a commentary, which explains the content of the non-verbal sign. In the story *Agafya*⁵ the following contextual use is given: “Savka waved his hand – meaning don't shout – and disappeared in the darkness.”

Symptomatic emblems are also quite common in Chekhov's stories. It is noteworthy that they are used in a non-communicative aspect. As we mentioned above, symptomatic emblems manifest the inner state of a person by exteriorizing the emotions he experiences. Let us return to the story *The Death of an Official*: “ ‘Oh, dear... I have already forgotten, and you're still talking about the same thing!’ – said the General and wiggled his lower lip impatiently.” The mimic gesture, intensified by the adverb “impatiently” and the perfective verb, draws the reader's attention to the state of the character – his discontent.

Other emotional reactions, expressed by kinemas and verbalized with the help of the imperfective verbs, imply an extension of the action in time: “ ‘...I will not pass his exam today,’ said the receiver, nervously rubbing his hands and sweating...”

Gestures-illustrators in Chekhov's stories are less frequent: “...and as if to prove his words, he squinted his eyes, and, raising his finger, uttered: ‘Anthropos!’ ” (*The Man*

³ Chekhov, A.P. (1983). *Complete works and letters. Vol. 3. Essays* (p. 118). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

⁴ Ibid., p. 216.

⁵ Ibid., p. 152.

in a Case⁶). As a rule, they are expressed with the imperfective verbs, which, in turn, emphasizes their descriptive connotations. Gestures-regulators are the least frequent kinemas in Chekhov's stories. They are expressed with perfective verbs. “ ‘Can I give him a bone?’ – and when she nodded her head affirmatively, he asked affably, ‘Have you come to Yalta long ago?’ ” (*The Lady with the Dog*).

In the story *Chameleon*, a provincial town sees an incident: the goldsmith Khrukin is bitten on the finger by a puppy, whose origin remains unknown to the end: it has two identification marks, a sharp muzzle and a yellow spot on the back. The fate of the animal must be sealed by the warden Ochumelov. Remarkably, to the deafening screeching of the dog (a paraverbal sign that does not belong to the kimesics, but is nevertheless significant), the street is filled with people, presented as a collective observer and commentator. The overseer is required to make a decision in a situation that eventually changes several times. Kinesic elements in this case perform several functions: communicative (emblematic) and dynamic. At the same time, the kinesic element is not semiotically complete, not so much expressing the intention of the actor as reproducing the real movements of his body in space. It remains debatable whether it is legitimate to refer semiotically incomplete non-verbal elements, such as physiological reactions or somatic manifestations that do not appeal to direct communication, to kinemas. It seems that such elements should be referred to as kinemas with clarification. As we have established earlier, kinemas are sign formations that in one way or another support communication. If the text intends to describe the corporeal manifestation differently, appropriate reservations must be made. Thus, for example, kinemas as emblems can be communicative and noncommunicative; moreover, kinemas are probably not always emblematic. The verbal representation of the position of the body in space may be an element of narrative rather than communication.

Thus, in *Chameleon*⁷ we read: “He ran after her, and, pitching forward with his torso, fell to the ground and grabbed the dog on his hind paws”. A change in the body position is a kinematic element if it manifests certain states of the addressee aimed at a response. In this case, we see a dynamic element of the narrative; nevertheless, the communicative effect in terms of the fiction text is achieved through the interaction between the author and the reader. If there is no communication between the actors of the aesthetic reality, the reader nevertheless decodes the verbal representations, expressed by the imperfective verbs, of the characters' kinesic behaviour as signifiers. Representing certain author's comments, they perform representational and informative functions, therefore, they are not absolutely meaningless. We qualify this type of non-verbal behavior as contextual kinesic. The body, which is put forward, expresses Khrukin's desire to catch the animal: the impression is also reinforced by the grabbing gesture, designed to actualize his emotional state: impatience, annoyance, anger. Consequently, the parameters of the symptomatic emblem are manifested in this dynamic element. Thus, we consider this kind of kinesic elements as descriptors, that is, signs aimed at the reader. Their asemantic nature in this case appeals to the internal communication between

⁶ Chekhov, A.P. (1983). *Complete works and letters. Vol. 3. Essays* (p. 230). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

⁷ *Ibid.*, p. 79.

the actors of the situation; in terms of external communication (author – reader), the semantics of such elements is preserved.

The following dynamic kinema (descriptor) also belongs to descriptors: “Ochumelov makes a half-turn to the left and steps towards the crowd.” It is noteworthy that the kinesic element is represented with an imperfective verb (compound verb predicate), showing not only the immediacy of the action, its processuality, but also the change in the movement direction, which occurs on the fly, without additional reflection. This detail testifies to a certain relaxation, idleness of Ochumelov, being an important component of his portrait.

The next kinesic element can be classified more easily. It is a pictorial emblem, designed to show the communicants a certain state of affairs: “Near the warehouse gate, he sees, stands the man described above in an unbuttoned vest and, raising his right hand, shows the crowd a bloody finger.” The function of the kinema in this case is demonstrative: Khrukin not only shows his finger, but also expects sympathy. The description of the situation contains a symptomatic emblem:

“– I am passing by, your nobility, I am not disturbing anyone...” Khrukin begins, coughing into his fist. The “coughing into his fist” kinema emblem, represented by the imperfective participle, is not only symptomatic (it points to the awkwardness and a certain confusion of Khrukin in front of Ochumelov), but also communicative, since it is aimed directly at the policeman.

Ochumelov's response is expressed in the following construction: “ ‘Hm! Well...’ says Ochumelov sternly, coughing and moving his eyebrows.” If we perceive the cough as a physiological reaction, that is, not a kinesic element proper, then the wiggling of the eyebrows is already a mimic sign, manifesting his determination to understand the situation. As later events show, the situation changes several times: the dog's fate directly depends on its belonging to a high-ranking person. This identifier also becomes key for Ochumelov, whose behavior changes depending on the informative stimuli he receives.

“ – Has their brother arrived? Vladimir Ivanovich? – Ochumelov asks, and his whole face is suffused with a smile of tenderness.” The smile of tenderness is a mimic gesture of the symptomatic type, represented by the compound verb predicate. Since the temporal modus of the narrative is the present tense, it is indicative that the imperfective verb is used.

As we see, the gesture representations in *Chameleon* serve several important purposes: they act as narrative elements, participate in the verbalization of the symptoms, and in some cases act as illustrators of what is happening. Thus, kinesic elements become an important feature of Chekhov's stories. Since the writer does not observe the life of the “inner man” (E. Etkind), preferring to objectify the state of his characters through specific external manifestations, gestures (manual, somatic, mimic) occupy a significant place.

The kinesic elements in the story *Thick and Thin*⁸ are indicative.

When the friends meet, we observe the following scene: “The friends kissed each other three times and stared at each other with eyes full of tears.” The communicative and symptomatic emblems in the context indicate that the emotional

⁸ Chekhov, A.P. (1983). *Complete works and letters. Vol. 3. Essays* (p. 71). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

modus of the event has not yet been inverted. The state of the internal communicators (note – the subjects of the narrative) is an emotional lift because of the meeting. The completeness of the threefold act of greeting is expressed by the perfective verb form: the kinema “kissed”, which indicates a kiss and mutual touching, here is not only a communicative sign, but also a regulator: it begins communication. The ocular details are noteworthy: the eyes of those who met are full of tears. However, as we wrote above, the event occurs only when the modus changes. While the Thin tells his friend about the events of his life without knowing his rank, the Thick remains “communicatively non-transparent” to him. Thus, Nathanael, son of Porphyry, does not immediately decide whether to take off his hat as a sign of respect:

“Nathanael thought for a while and took off his hat.” Taking off his hat is a kind of etiquette formula, a communicative emblem with etiquette meaning. It is expressed by the perfective verb and demonstrates (although belated) a respectful attitude to the interlocutor. Nevertheless, the teenager is socially disoriented: he does not know how to react to his father's old friend. As we see later, Porphyry is an exceptionally subservient person; he is characteristic of a deference that can override a sincere friendly attitude. The patterns of such behaviour could have been internalized by the teenager in the process of transmitting behavioral scripts. This kinesic element illustrates our observation.

“Nathanael thought for a while and hid behind his father's back” is a kinematic descriptor with the features of a symptomatic emblem.

Misha, on the other hand, treats his friend with sincere feeling up to a certain point: “ – Well, how are you doing, friend? – asked the Thick, looking at his friend rapturously, ‘Where did you serve? Have you served?’.” The “rapturous look” becomes a kinesic element. Chekhov is characterized by the use of perfective and imperfective participles – being a special verb form that semantically clarifies the main action, participles are part of a representative array of non-verbal elements. The question remains open as to whether or not oculistics should be considered part of kinesics. We tend to agree with researchers who propose the broad approach to this science (Kreidlin, 2002). Within its framework, oculistics, as well as haptics and sensorics, are qualified as parts of kinesics.

The next episode is almost entirely kinesic:

“The Thin suddenly turned pale, petrified, but soon his face twisted in all directions with the broadest smile; sparks seemed to fall from his face and eyes. He himself shrank, hunched over, narrowed... His suitcases and knots and cartons shrank and crumpled... His wife's long chin grew even longer; Nathanael drew himself up and buttoned all the buttons of his uniform...” The adverb “suddenly”, marking the sudden change, reinforces the perfective verb, accentuates the irreversibility of the events. Here we see the symptomatic emblems (he turned pale, petrified, huddled, hunched over, narrowed, his wife's chin became even longer (= her face elongated); communicative emblems (his face twisted in all directions with the broadest smile, sparks fell from his face and eyes); etiquette emblems (Nathanael straightened up and fastened all the buttons of his uniform).

Moreover, the above kinemas also have a stimulating function: they entail a specific reaction.

“ ‘Well, enough!’ – The Thick grumbled, ‘What is that tone for? You and I are childhood friends-and what's the point of all this deference!’ ” The kinesic emblem “wincing”, represented by the perfective verb, is also a symptomatic emblem. Symptomatic emblems are also represented in the following context:

“ – Pardon me... Come on’ chuckled the Thin, shrinking even more.” Once again, the participle is actualized, in this case, it is imperfective. The imperfective aspect indicates the procedural and gradual nature of the somatic transformation. If the initial reactions were instantaneous and irreversible, the subsequent ones require a certain time and physical (inter alia) comprehension.

The kinesic modus of the image is also presented in the final fragment of the story: “The Thick wanted to object to something, but the Thin's face had so much reverence, sweetness and respectful acidity written on it that the secret advisor threw up. He turned away from the Thin and gave him his hand in farewell. The Thin shook three fingers, bowed with his whole torso, and chuckled like a Chinese, ‘hee hee hee’. His wife smiled. Nathanael shuffled his foot and dropped his cap. All three of them were pleasantly stunned.”

Combination of kinemas reconstructs a complex situation of interaction between the actors. Mimic gestures act as symptomatic emblems. The Thick's gestures – “turned away”, “gave the hand goodbye” – play the role of regulators, directly hinting to the internal communicant about the expediency of finishing communication. The semiotic field of nonverbal communication in this case is super-saturated.

In the story *Horse's Name*⁹ the kinesic component is rather limited. “Ivan Evseich raised his eyes to the ceiling and moved his lips.” We see a semiotic complex of recollection, realized in corresponding physiological reactions. These kinemas, are not communicative, but can be legitimately classified as symptomatic.

“ ‘No way’, replied Ivan Evseich, raising his eyes upward, continued thinking out loud.” Here the oculistic element is represented by a perfective participle.

“ – No, not Merinov, Your Excellency’, replied Ivan Yevseich and sighed guiltily.” Probably, the sigh attributed to the adverb guiltily should be regarded as a communicative emblem, rather than a physiological reaction: it is aimed at the corresponding reaction of the addressee (forgiving).

“The clerk stood at the edge of the road, looking intently at his feet, thinking about something. Judging by the wrinkles that furrowed his forehead, and by the expression of his eyes, his thoughts were tense and painful...” – the context is filled with symptomatic emblems, representing a tense thought process.

“Ivan Evseich looked at the doctor dumbly, somehow smiled wildly, and without saying a single word in response, splashing his hands, ran towards the manor house with such rapidity, as if a mad dog was chasing him.” The cues “smiled wildly” and “splashed his hands” are also symptomatic.

As we can see, Chekhov's artistic world pays great attention to both communicative and emotional aspects of interaction. Thus, in the story *Surgery* we selected contexts with a kinesic component. Let us try to comment on the contextual meanings.

⁹ Chekhov, A.P. (1983). *Complete works and letters. Vol. 3. Essays* (p. 100). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

“There is an expression of duty and pleasantness on the face.” It is one of the few verbless kinesic realizations with the omitted linking verb; it is remarkable that, according to G. Zolotova's theory of semantic syntax, there are no verbless syntactic constructions in Russian; being omitted, the linking verb is always implied and easily reconstructed (Zolotova, 2009). Nevertheless, the verbal semantics is preserved in the verbal noun that has undergone metonymic transformation (“expression”). The absence of the active verb creates the effect of “masking”: the doctor's face is perceived as a frozen conventional mask, hiding his true emotions, feelings and thoughts.

“For a second the deacon searched with his eyes for an icon and, not finding one, crosses himself on a bottle of carbolic solution, then takes a prosphora out of his red handkerchief and bowingly places it in front of the paramedic.” “Crossed himself on a bottle of carbolic solution” is not a communicative or etiquette emblem. Probably, it should be referred to ritual emblems; the comic effect of the scene is achieved by the substitution of sacred symbols: the sacred is replaced by the ordinary, which allows us to conclude that the deacon is as “masked” as the paramedic. The paramedic is not interested in his job which is indicated in the following context:

“– Ah... mine to you!” – the paramedic yawns. ‘– What brings you here?’ ” The symptomatic emblem “yawn” expresses boredom and indifference. The descriptive nature is emphasized by the imperfective form of the verb.

As we can see, the kinesic behavior of Chekhov's characters is diverse: the main semiotic classes of gestures are already represented in the early prose of the writer, using the whole palette of meanings of the tense forms of the Russian verb.

Conclusion

The study of nonverbal semiotics is a promising direction of modern humanitarianism. Considering that in real discursive practice we enter into communication not only verbally, the signs accompanying communication become semantically loaded. They can intensify the meanings embedded in the verbal message, illustrate them, compensate or completely replace them. Being semiotic systems of different levels, natural and non-verbal languages are mutually correlated.

A separate field of kinesics is the study of a fictional text from the point of view of verbal representation of kinesic components. As our analysis has shown, such representation is often achieved with the help of the perfective and imperfective verb forms, which is reasonable, because kinemas are dynamic phenomena, requiring isomorphic correlates of their semantics. In our opinion, the emblems-illustrators are quantitatively less represented in the analyzed stories of the writer, which is a prospect for further research on the example of the works of other authors.

References

- Abakumova, I., Mironenkova, N., & Pronenko, E. (2022). Non-verbal communication in meanings transmission. *Lecture Notes in Networks and Systems*, (247), 553–562. https://doi.org/10.1007/978-3-030-80946-1_52
- Arutyunova, N.D. (2002). Discourse. Speech. In V.N. Yartseva (Ed.), *Linguistic Encyclopedic Dictionary* (pp. 136–137). Moscow: NSEC GRE Publ.

- Babina, L.V., & Proskurnich, O.D. (2019). Conceptualization of upper area expression in Russian. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, (1), 53–62. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-1-53-62>
- Barteneva, V.V. (2017). The kinesic component of an emotional dialogue (the case study of William Makepeace Thackeray's novel "Vanity Fair"). *Litera*, (1), 1–10.
- Belousova, N.V. (2006). Kinesics as a special way to implement the category of emotiveness in intercultural communication (based on the works of V.M. Shukshin). *Vestnik TIUiE*, (2). Retrieved October 21, 2022, from <https://cyberleninka.ru/article/n/kinesika-kak-osobyi-sposob-realizatsii-kategorii-emotivnosti-v-mezhkulturnoy-kommunikatsii-na-materiale-proizvedeniy-v-m-shukshina>
- Birdwhistell, R.L. (1952). *Introduction to kinesics: An annotation system for analysis of body motion and gesture*. Louisville.
- Keck, J., Zabicki, A., Bachmann, J., Munzert, J., & Krüger, B. (2022). Decoding spatiotemporal features of emotional body language in social interactions. *Scientific Reports*, 12(1), 15088. <http://doi.org/10.1038/s41598-022-19267-5>
- Knyazev, Yu.P. (Ed.). (2017). *Russian verb: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the publication of the book by A.V. Bondarko, L.L. Bulanina*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.
- Kreidlin, G.E. (2002). *Non-verbal semiotics: Body language and natural language*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ.
- Merkurjewa, V.B., & Antipova, V.A. (2019). The components of nonverbal communication in the artistic discourse of the Russian German writers. *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*, (1), 125–141.
- Pavlova, V.V., & Cheremisina, T.A. (2013). Kinesic elements in the art text (on the material of N. V. Gogol's works). *Social-Economic Phenomena and Processes*, (5), 246–249.
- Petrukhina, E.V. (2009). *Russian verb: The category and the type of time (in the context of modern linguistic research)*. Moscow: MAKS Press.
- Sharkov, F.I., Silkin, V.V., & Kireeva, O.F. (2022). Non-verbal signs of personality: Communicative meanings of facial expressions. *RUDN Journal of Sociology*, 22(2), 387–403. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-2-387-403>
- Sweeney, C.Y. (2022). Body language. *Journal of the American Academy of Physician Assistants*, 35(3), 66.
- Valentová, K. (2020). The relevance of the gesture in L'Assommoir by Zola. *Cedille*, (17), 411–437.
- Yakimova, E.M. (2017). The strategy of ignoring in a dialogue in the literary text (by the material of A.I. Kuprin's works). *Philology. Theory & Practice*, (6–3), 181–184.
- Zagrebelnaya, A.S. (2021). Spatial behavior in romantic communication: comparative analysis in the Russian, English, and Spanish linguocultures. *Litera*, (4), 214–223. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.4.35279>
- Zaretskaya, E.N. (2002). *Rhetoric: Theory and practice of verbal communication*. Moscow: Delo Publ.
- Zolotova, G.A. (2009). *Essay on the functional syntax of the Russian language*. Moscow: URSS Publ.

Bio notes:

Xinyan Liu, teacher of Russian as a foreign language, Vision Overseas Co., Ltd, 5 Jingsi Road, Shizhong District, Jinan, People's Republic of China; postgraduate student, Department of Russian Language and Teaching Methods, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. *Research interests*: Russian language, theory of aspect, linguodidactics. ORCID: 0000-0002-6449-8376. E-mail: 1042208106@rudn.ru

Min Xu, translator, Shandong Yuanxu Law Firm, 88 Industrial North Road, Licheng District, Jinan, People's Republic of China; postgraduate student, Department of Russian Language and Teaching Methods, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-

Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. *Research interests*: cultural linguistics, non-verbal means of communication. ORCID: 0000-0003-3734-8900. E-mail: 1042208086@rudn.ru

Elena V. Talybina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Russian Language and Teaching Methods, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. *Research interests*: Russian language, cultural linguistics, non-verbal means of communication, linguodidactics. ORCID: 0000-0002-7958-7566, Researcher ID: D-7509-2019. E-mail: talybina-ev@rudn.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-64-78

EDN: ZLYYYW

Научная статья

Презентация видо-временных форм русского глагола при описании кинесического поведения героев рассказов А.П. Чехова

С. Лю^{1,3} , М. Сюй^{2,3} , Е.В. Талыбина³

¹Компания *Vision Overseas*, Цзинань, Китайская Народная Республика

²Шаньдунская юридическая фирма «Юаньсюй»,
Цзинань, Китайская Народная Республика

³Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 talybina-ev@rudn.ru

Аннотация. Невербальная семиотика является одним из ведущих направлений изучения современной коммуникации. Исследование посвящено актуальной междисциплинарной проблеме – взаимосвязи невербальной семиотики и русской грамматики. Цель исследования – охарактеризовать репрезентацию видо-временных форм русского глагола при описании кинесического поведения литературных героев. Элементы невербальной семиотики проанализированы на материале рассказов А.П. Чехова «Смерть чиновника», «Хамелеон», «Толстый и тонкий», «Лошадина фамилия», «Хирургия». В качестве основных применялись дескриптивный, семантической экспликации, дифференциальный, аналитико-описательный методы. Рассмотрены методологические основания кинесики как науки интегративного типа, выявлена корреляция между вербальной реализацией кинемы и видо-временными формами русского глагола. Доказано, что наиболее рекуррентными проявлениями невербальной семиотики в рассказах Чехова являются коммуникативные эмблемы (в частности, этикетные и ритуальные), симптоматические эмблемы и динамические дескрипторы, для номинации которых используются видо-временные формы русского глагола. Эмблемы-иллюстраторы количественно менее представлены в проанализированных рассказах писателя, что является перспективой дальнейшего исследования на примере произведений классиков русской литературы.

Ключевые слова: невербальная семиотика, кинесика, эмблемы, коммуникативные эмблемы, иллюстраторы, регуляторы

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2022; принята к печати 30.12.2022.

Для цитирования: Liu X., Xu M., Talybina E.V. Aspect and tense forms of the Russian verb in describing the kinesic behaviour of the characters in A.P. Chekhov's stories // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 64–78. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-64-78>

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. М. : АНО БРЭ, 2002. С. 136–137.
- Бабина Л.В., Проскурнич О.Д. Концептуализации мимических движений верхней зоны лица в русском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 53–62. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-1-53-62>
- Бартенева В.В. Кинетический компонент в эмоциональном диалоге (на примере романа без героя У.М. Теккерея «Ярмарка тщеславия») // *Litera*. 2017. № 1. С. 1–10.
- Белюсова Н.В. Кинесика как особый способ реализации категории эмотивности в межкультурной коммуникации (на материале произведений В.М. Шукшина) // Вестник ТИУиЭ. 2006. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kinesika-kak-osobyuy-sposob-realizatsii-kategorii-emotivnosti-v-mezhkulturnoy-kommunikatsii-na-materiale-proizvedeniy-v-m-shukshina> (дата обращения : 29.09.2022).
- Загребельная А.С. Пространственное поведение в ситуациях романтического общения : сравнительный анализ в русской, английской и испанской лингвокультурах // *Litera*. 2021. № 4. С. 214–223. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.4.35279>
- Зарецкая Е.Н. Риторика : теория и практика речевой коммуникации. М. : Дело, 2002. 480 с.
- Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : URSS, 2009. 96 с.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика : язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
- Меркурьева В.Б., Антипова В.А. Компоненты невербальной коммуникации в художественном дискурсе российских немецких писателей // *Crede Experto* : транспорт, общество, образование, язык. 2019. № 1. С. 125–141.
- Павлова В.В., Черемисина Т.А. Кинесические элементы в художественном тексте (на материале произведений Н.В. Гоголя) // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 5 (51). С. 246–249. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kinesicheskie-elementy-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-proizvedeniy-n-v-gogolya> (дата обращения : 16.10.2022).
- Петрухина Е.В. Русский глагол : категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М. : МАКС Пресс, 2009.
- Русский глагол : материалы международной научной конференции к 50-летию выхода книги А.В. Бондарко, Л.Л. Буланина / под ред. Ю.П. Князева. СПб. : Нестор-История, 2017. 188 с.
- Якимова Е.М. Стратегия игнорирования в художественном диалоге (на материале произведений А.И. Куприна) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–3 (72). С. 181–184.
- Abakumova I., Mironenkova N., Pronenko E. Non-verbal communication in meanings transmission // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022. No. 247. Pp. 553–562. https://doi.org/10.1007/978-3-030-80946-1_52
- Birdwhistell R.L. Introduction to kinesics : an annotation system for analysis of body motion and gesture. Louisville, 1952.
- Keck J., Zabicki A., Bachmann J., Munzert J., Krüger B. Decoding spatiotemporal features of emotional body language in social interactions // *Scientific Reports*. 2022. Vol. 12. No. 1. Article number 15088. <http://doi.org/10.1038/s41598-022-19267-5>
- Sharkov F.I., Silkin V.V., Kireeva O.F. Non-verbal signs of personality : communicative meanings of facial expressions // *RUDN Journal of Sociology*. 2022. Vol. 22. No. 2. Pp. 387–403. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-2-387-403>
- Sweeney C.Y. Body language // *Journal of the American Academy of Physician Assistants*. 2022. Vol. 35. No. 3. P. 66.
- Valentová K. The relevance of the gesture in L'Assommoir by Zola // *Cedille*. 2020. No. 17. Pp. 411–437.

Сведения об авторах:

Лю Синьянь, преподаватель русского языка как иностранного, компания Vision Overseas, Китайская Народная Республика, Цзинань, р-н Шичжун, ул. Цзинси, д. 5; аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов*: русский язык, теория вида, лингводидактика. ORCID: 0000-0002-6449-8376. E-mail: 1042208106@rudn.ru

Сюй Минь, переводчик, Шаньдунская юридическая фирма «Юаньсюй», Китайская Народная Республика, Цзинань, р-н Личэн, Индустриальная северная дорога, д. 88; аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, невербальные средства общения. ORCID: 0000-0003-3734-8900. E-mail: 1042208086@rudn.ru

Тальбина Елена Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов. *Сфера научных интересов*: русский язык, лингвокультурология, невербальные средства общения, лингводидактика. ORCID: 0000-0002-7958-7566, Researcher ID: D-7509-2019. E-mail: talybina-ev@rudn.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96

EDN: ZNQUSE

Научная статья

Парадигматика сложнокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентных отношений

В.И. Теркулов *Донецкий национальный университет, Донецк, Российская Федерация* terkulov@rambler.ru

Аннотация. Описываются методики поиска и прогнозирования на основе парадигматических отношений, в которые вступает аббревиатура и ее дешифровальные стимулы, коррелятов сложнокращенного слова, входящих в его гнездо эквивалентности. Актуальность исследования определяется тем, что оно устанавливает принципы формирования словарных статей для создаваемого экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого национального университета «Толкового словаря сложнокращенных слов русского языка», дает общее представление о возможностях множественной мотивации и дешифровальной интерпретации значения сложнокращенного слова на актуальном срезе языка. Цель исследования – продемонстрировать на основе описания парадигматических отношений сложнокращенного слова и его дешифровальных стимулов с другими словами и словосочетаниями обобщенную картину используемых при составлении словаря методик поиска и прогнозирования содержания гнезд эквивалентности сложнокращенных слов. Рассматриваются и используются методики чистого поиска по существующим словарям сокращений и текстам, в которых аббревиатура и ее эквиваленты представлены как абсолютные синонимы, а также методики экстраполяционного прогнозирования по дешифровальным матрицам гнезд эквивалентности слов, связанных с описываемыми аббревиатурами и их дешифровальными стимулами парадигматическими отношениями. Последнее обусловило также формирование типологии парадигматических объединений сложнокращенных слов, включающей аббревиатурное гнездо, аббревиатурно-ономасиологическое поле, аббревиатурную группу и аббревиатурную парадигму. Новизна исследования в том, что в нем впервые описывается набор методик поиска и прогнозирования эквивалентов сложнокращенного слова, формирующих его гнездо эквивалентности, а также представляется методика верификации полученных результатов. Полученные результаты обеспечивают возможность полноценного всестороннего словарного описания сложнокращенных апеллятивов. В дальнейшем предполагается разработка методик поиска эквивалентов для других формально-ономасиологических типов аббревиатур – инициальных аббревиатур и сложнокращенных онимов.

Ключевые слова: поиск, аббревиатура, аббревиатурное гнездо, аббревиатурно-ономасиологическое поле, аббревиатурная группа, аббревиатурная парадигма, русский язык

История статьи: поступила в редакцию 16.10.2022; принята к печати 11.12.2022.

© Теркулов В.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 79–96. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>

Введение

Рассматриваются особенности использования парадигматических отношений, в которые вступает сложносокращенное слово и его дешифровальные стимулы с другими словами и словосочетаниями, для формирования списка синтаксических эквивалентов, входящих в гнездо эквивалентности этого слова.

Объектом исследования выступают противопоставленные инициальным аббревиатурам и сложносокращенным онима́м сложносокращенные апеллятивы, то есть нарицательные частично сокращенные слова, например *корпункт* (*корреспондентский пункт*), *методкабинет* (*методический кабинет*) и под., и слоговые аббревиатуры, например *автобат* (*автомобильный батальон*), *завуч* (*заведующий учебной частью*) и под. Сложносокращенные апеллятивы рассматриваются нами на синхронном срезе языка, на котором они очень часто получают несколько эквивалентностных трактовок, что связано с наличием в подавляющем большинстве случаев у входящих в них абброконструктов (сокращенных коррелятов каких-либо номинативных единиц) нескольких **дешифровальных стимулов**, то есть слов или словосочетаний, используемых для их стереотипной дешифровки. Например, для абброконструкта *банд*-нами обнаружено 12 токенных (речевых) дешифровальных стимулов, объединяющихся в 6 лемм (словарных представлений): *бандитский*, *банда*, *бандит*, *бандгруппа*, *бандгруппировка*, *бандформирование*. Благодаря этому аббревиатура, например, *бандглаварь* в эквивалентных текстах, то есть в текстах, в которых слово и эквивалентное словосочетание употребляются как мотивационно взаимосвязанные синонимы, получает восемь токенных дешифровок: *главарь банды*, *главарь бандитов*, *главарь бандгруппы*, *бандитский главарь*, *главарь бандформирования*, *главарь бандитской группировки*, *главарь бандгруппировки*, *главарь бандитской группы*.

Явление множественной эквивалентности сложносокращенного апеллятива вне парадигмы Донецкой дериватологической школы практически никогда не становилось объектом самостоятельного рассмотрения. Исключение, пожалуй, составляют только работы, посвященные изучению дезаббревиации, в результате которой создаются «игровые раскодированные формы» аббревиатур (Зеленин, 2005: 81), например *ОБХСС* (*Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности*) > *обеспечение безопасности хищения социалистической собственности*, *КГБ* (*Комитет государственной безопасности*) > *кодла грубых бандитов*, *кодла государственных бандитов*, *комитет глубинного бурения* и т. п. (Зеленин, 2005: 86).

Наши исследования показали, что для языка характерной и закономерной является неигровая множественная дешифровка аббревиатуры, обеспечивающая ее речевую (интерпретационную) полисемию, которая имеет в своей основе множественную разнонаправленную речевую интерпретацию таких слов. Например, слово *автоаксессуары* дешифруется: 1) как *автомобильные*

аксессуары с нейтральным значением «аксессуары каким-то образом связанные с автомобилем»; 2) как *аксессуары для автомобиля* с дестинативным значением «аксессуары, предназначенные для автомобиля» (обычно в рекламных текстах); 3) как *аксессуары автомобиля* с посессивным значением «аксессуары, находящиеся в автомобиле» (обычно в описаниях автомобилей) и т. д. Приведение всех частотных эквивалентов сложносокращенного слова в словаре необходимо как минимум для того, чтобы пользователи словаря получили сведения об интерпретационном потенциале аббревиатуры и ее синтаксических эквивалентов.

В связи с составлением экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого национального университета (далее – Лаборатория) Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка (далее – Словарь), в котором мы пытаемся представить все регулярные эквивалентностные трактовки описываемых сложносокращенных слов, возникла проблема поиска их частотных синтаксических эквивалентов. Начальный поиск, основанный в первую очередь на работе с уже существующими словарями, в которых приводятся аббревиатуры и их эквиваленты, а также поиск эквивалентов в текстах дают только приблизительный набор синтаксических коррелятов слова. В связи с этим возникла необходимость в прогнозировании эквивалентов с дальнейшей их верификацией в эквивалентных текстах. Эта проблема никогда ранее не возникала перед составителями словарей сокращений, в которых обычно представлялся только один, наиболее регулярный – презентативный эквивалент.

Одной из форм прогнозирования, разработанных Лабораторией, стало экстраполяционное прогнозирование по моделям гнезд эквивалентности слов, связанных с описываемыми аббревиатурами и их дешифровальными стимулами парадигматическими отношениями, что обусловило формирование типологии парадигматических объединений сложносокращенных слов, включающей аббревиатурное гнездо, аббревиатурно-ономасиологическое поле, аббревиатурную группу и аббревиатурную парадигму. Данные объединения также ранее не рассматривались учеными. Констатация их существования, разработанные принципы выделения и описания представлены в ряде работ представителей Лаборатории. Аббревиатурные группы рассматривались, например, в исследованиях Е.А. Акулич, посвященных аббревиатурной группе «VELO» (Акулич, 2017), Е.Ю. Аламайрех, посвященных аббревиатурной группе «АВТО» (Аламайрех, 2020), Е.Н. Михайловой, рассматривавшей группу «БЕНЗО» (Михайлова, 2017) и мн. др. Обобщающее описание аббревиатурных групп было сделано В.А. Рязановой (Рязанова, 2020). Аббревиатурные гнезда стали объектом рассмотрения в работах Е.С. Крестьяниновой, посвященных аббревиатурному гнезду «ЗАВОД» (Крестьянинова, 2018; Теркулов, Крестьянинова, 2018). Аббревиатурно-ономасиологическое поле описывалось в работах Д.А. Брацун (Брацун, 2018), рассмотревшей поле «пространственные объекты», и А.А. Лялюк (Лялюк, 2017, 2020), исследовавшей поле «строения».

Методики использования некоторых матриц парадигматических отношений для прогнозирования эквивалентностных отношений в гнездах эквивалентности ранее уже описывались сотрудниками Лаборатории (см., на-

пример: Теркулов, 2018; Михайлова, 2018; Рязанова, 2018). В предлагаемой работе дается обобщенное представление этих методик.

Цель исследования – на основе описания парадигматических отношений сложносокращенного слова и его дешифровальных стимулов с другими словами и словосочетаниями дать обобщенную картину используемых при составлении Словаря методик парадигматического прогнозирования содержания гнезд эквивалентности сложносокращенных слов.

Методы и материалы

Материалом для исследования послужили входящие в картотеку создаваемого Лабораторией «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка» более 50 000 гнезд эквивалентности сложносокращенных слов, содержащие более 100 000 номинативных единиц.

Начальный сбор материала осуществлялся по различным источникам. В качестве первичного источника использовались современные словари сокращений¹, а также тексты, отобранные при помощи Национального корпуса русского языка и поисковых машин Google и Yandex, включающие аббревиатуры и их эквиваленты.

На основе собранного материала проводилось прогнозирование эквивалентов с использованием методик расширенного парадигматического прогнозирования и поиска: методики лексико-деривационного прогнозирования, методики аббревиатурного гнезда, методики аббревиатурно-ономастического поля, методики аббревиатурной группы и методики аббревиатурной парадигмы. Главным методом, определившим создание и использование данных методик, является сопоставительный метод, основанный на сравнении дешифровальных матриц связанных парадигматическими отношениями гнезд эквивалентности.

Верификация прогнозирования осуществлялась путем поиска для выведенных единиц при помощи Национального корпуса русского языка и поисковых машин Google и Yandex эквивалентных текстов, то есть текстов, в которых сложносокращенный апеллатив и спрогнозированный эквивалент употреблялись бы как абсолютные синонимы. Например, прогнозирование эквивалента *рыбоперерабатывающий завод* для сложносокращенного апеллатива *рыбзавод* на основе методики аббревиатурного гнезда по матрицам слов, имеющих тождественный базис (ср.: *молокозавод* – *молокоперерабатывающий завод*, *нефтезавод* – *нефтеперерабатывающий завод* и т. д.), было признано удачным после нахождения для указанных слова и словосочетания более 10 000 эквивалентных текстов в поисковой машине Google,

¹ Новичков Н.Н. Словарь современных русских сокращений и аббревиатур. Париж – М., 1995; Новый словарь сокращений русского языка / под общ. ред. Е.Г. Коваленко. М. : ЭТС, 1995; Скляревская Г.Н. Словарь сокращений современного русского языка. М. : Эксмо, 2004. 448 с.; Словарь сокращений и аббревиатур. 2000–2019. URL : <https://sokrasheniya.academic.ru/>; Словарь сокращений русского языка. 2000–2019. URL : <http://www.sokr.ru/>; Словарь сокращений русского языка. М. : Русский язык, 1984; Фадеев С.В. Словарь сокращений современного русского языка. СПб. : Политехника, 1997; Фаградянц И.В., Коваленко Е.Г., Фаградянц И.И. Новый словарь сокращений. М. : Изд-во ЭТС ; Доцент, 2008; Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка. М. : Русский язык, 1984.

например: *Новый рыбзавод «Командор» открыл на Камчатке Владимир Путин в режиме видеоконференции – Новый рыбоперерабатывающий завод «Командор» – дочернее предприятие рыболовецкого колхоза им. В.И. Ленина*².

Результаты

Отмечаемое в языке явление множественной эквивалентности сложносокращенных апеллятивов должно быть отражено в лексикографических источниках, в частности – в создаваемом сейчас Лабораторией «Толковом словаре сложносокращенных слов русского языка».

Составление этого словаря проявило не рассматривавшуюся ранее проблему формирования «с нуля» методик сбора частотных эквивалентов слов, решение которой осуществилось в какой-то мере в результате создания Лабораторией оперативных методик поиска и прогнозирования мотивационно связанных с аббревиатурой коррелятов.

Разработаны два типа методик: чистые методики сбора и методики прогнозирования эквивалентностных отношений.

К чистым методикам поиска относится словарная методика, используемая при первичном поиске эквивалентов в словарях сокращений, и текстовая методика, используемая при эмпирическом поиске коррелятов в эквивалентных текстах.

К методикам прогнозирования относятся лексико-деривационная методика, при помощи которой прогнозируется использование в качестве дешифровальных стимулов деривационно связанных единиц, методика аббревиатурного гнезда, предполагающая возможность экстраполяции моделей образования эквивалентов на гнезда эквивалентности слов, имеющих тождественный базис, методика аббревиатурно-ономасиологического поля, основанная на предположении о совпадении дешифровальных матриц слов, содержащих в базисе тождественную архисему, методика аббревиатурной группы, предполагающая, с одной стороны, использование выявленных дешифровальных стимулов группы для поиска эквивалентов новоописываемых слов, входящих в группу, а с другой, рассмотрение возможности применения в качестве стимулов лексем, входящих в группу, и методика аббревиатурной парадигмы, реализующая структурную экстраполяцию списка дешифровальных стимулов групп с абброконструктами, входящими в одно тематическое поле. Проверка прогнозирования осуществляется при помощи методики верификации, согласно которой эквивалентом слова признается активно употребляющееся и отмечаемое в эквивалентных текстах словосочетание, содержащее в своем составе компоненты, которые воспринимаются носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры.

Обсуждение

1. Выводы, полученные в результате исследования, касаются в первую очередь *сложносокращенных апеллятивов*, то есть *нарицательных* лексем, связанных эквивалентностными отношениями со словосочетаниями и вклю-

² Новый рыбзавод «Командор» открыл на Камчатке Владимир Путин в режиме видеоконференции // KamchatkaMedia.ru. 2022, 7 сентября. URL : <https://kamchatkamedia.ru/news/1354135/> (дата обращения: 09.10.2022).

чающих в свой состав эквиваленты не менее двух лексем этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом, например *грампластинка* (эквивалент – *граммофонная пластинка*; абброконструкт *грам-*) *экокатастрофа* (эквивалент – *экологическая катастрофа*; абброконструкт *эко-*) и т. д. Сложносокращенные апеллятивы как единицы возникающие в результате *замещения* морфематизированным абброконструктом слова производящего словосочетания и трактуемые в синхронии путем покомпонентной *дешифровки* в тексте в словосочетание при помощи дешифровальных стимулов абброконструкта, противопоставляются *инициальным аббревиатурам*, возникающим в результате реального *сокращения* слов исходного словосочетания до их первых звуков или букв и имеющим однозначную конвенциональную дешифровку, например *САМ* – *Сократительная активность мышц*, *ДРБ* – *Департамент региональной безопасности*, и *сложносокращенным онимам*, автономно *конструируемым* при помощи абброконструктов и в силу этого могущим компонентно и структурно отличаться от полных официальных наименований, например *Роскомнедр* – не **Российский комитет недр*, а *Комитет Российской Федерации по геологии и использованию недр*, *Минцифры* – не **Министерство цифры*, а *Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации*. Подробнее о различии сложносокращенных апеллятивов, сложносокращенных онимов и инициальных аббревиатур (см.: Теркулов, 2020; Штельман, 2022).

2. Основной единицей рассмотрения в Словаре является *гнездо эквивалентности* сложносокращенного апеллятива, включающее аббревиатуру и ее текстовые эквиваленты. Под текстовыми эквивалентами мы понимаем словосочетания, которые:

а) содержат в своем составе компоненты, воспринимаемые носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры, то есть как единицы, полностью или частично совпадающие с ними формально и имеющие с ними тождественное значение;

б) активно употребляются в языке (мы установили нижний предел включенности в тексты, выдаваемые поисковыми машинами Google и Yandex, – 500 употреблений, поскольку именно в этом случае слово и словосочетание, по нашим наблюдениям, широко отмечается в текстах разных стилистических и тематических типов, что свидетельствует в большинстве случаев о его вхождении в общенациональный лексический фонд);

в) употребляются как абсолютные синонимы сложносокращенного слова в эквивалентных текстах.

Проверка соответствия словосочетания трем указанным параметрам лежит в основе *методики верификации эквивалентности*. Например, эквивалентами аббревиатуры *велопход* являются словосочетания *велосипедный поход*, *поход на велосипеде* и *поход на велосипедах*, поскольку, во-первых, входящие в них слова являются эквивалентами конструкторов слова *велопход* (*поход* = *поход*, *VELO* = *велосипедный*, *на велосипеде* и *на велосипедах*), во-вторых, данные словосочетания активно употребляются в текстах разного стилистического и тематического типа (по данным поисковой ма-

шины Google для *велосипедного похода* отмечается 9000 включений только в номинативе, для *похода на велосипеде* – 61 000 включений, для *похода на велосипедах* – 21 000 включений) и, в-третьих, отмечаются в эквивалентных текстах как абсолютные синонимы аббревиатуры:

Велопоход – велосипедный поход (1980 включений в номинативе): *Чем групповой велопоход отличается от индивидуального? – Вы решили организовать групповой велосипедный поход или вы нашли группу, которая готова принять вас как участника*³;

Велопоход – поход на велосипеде (3470 включений в номинативе): *Многие думают, что велопоход – это тяжело и сложно – Только настоящий мужчина сможет поехать в поход на велосипеде*⁴;

Велопоход – поход на велосипедах (1960 включений в номинативе): *Велопоход по озерам Челябинской области – великолепный активный отдых в красивейших местах – Был очень крутой пятидневный поход на велосипедах по челябинским озерам*⁵.

В то же время в число эквивалентов нами не включено, например, прогнозируемое словосочетание *поход велосипедистов*, которое вступает в эквивалентную корреляцию со словом на формальном и семантическом уровне (*велопоход – поход велосипедистов*), но, во-первых, крайне редко отмечается в текстах, выдаваемых поисковой машиной Google (обнаруживается только 9 включений в номинативе), а во-вторых, не обнаруживается в эквивалентных текстах.

3. Поиск эквивалентов слова – это одновременно поиск *дешифровальных стимулов* абброконструкта, который формирует набор дешифровальных стимулов, используемый при прогнозировании в рамках аббревиатурной группы (об этом далее). Под *дешифровальным стимулом* понимается «способ развертывания сокращенного конструкта аббревиатуры» (Бровец, 2019: 491), «имплицитные знания носителя языка, которые стимулируют возможность дешифрования сложного слова тем или иным способом» (Рязанова, 2019: 85–86). Использование для обозначения обнаруживаемых в аббревиатурах дешифровальных стимулов привычного термина «словоформа» затруднительно, поскольку часто эти единицы могут не совпадать с ней по объему. Например, для абброконструкта *мат-* отмечаются не только стимулы-словоформы *математический* (*матанализ – математический анализ*) и *математики* (*матметод – метод математики*), но и стимулы-словосочетания, например *с математическим уклоном* (*матлицей – лицей с математическим уклоном*), *математических данных* (*матобработка – обработка математических данных*) и т. д.

³ Велосипедный поход в группе // AntiJeans. 2021, 11 февраля. URL : https://antijeans.com/travel-lifehacks/velosipedniy_pohod_v_gruppe/ (дата обращения: 09.10.2022).

⁴ Только настоящий мужчина сможет поехать в поход на велосипеде // Пульс. 2021, 31 августа. URL : <https://pulse.mail.ru/article/tolko-nastoyaschij-muzhchina-smozhet-pochat-v-pohod-na-velosipede-dayu-5-sovetov-tem-kto-otvazhitsya-eto-sdelat-8386221415444328429-642709590998209767/> (дата обращения: 09.10.2022).

⁵ Велопоход по озерам Челябинской области // Спутник. URL : <https://ksp96.ru/store/turisticheskie-pohody/velopohod-po-ozeram-chelyabinska/> (дата обращения: 09.10.2022).

Мы используем для обозначения речевой реализации дешифровально-го стимула термин «**токен**». Например, для аббреконтрукта *проф-* нами обнаружены токены *в профессии (профадаптация – адаптация в профессии); к профессии (профподготовка – подготовка к профессии), по профессии (профконсультант – консультант по профессии); по профессиям (профконсультант – консультант по профессиям)*. Единицу, объединяющую при описании такие токены, мы называем «**леммой**» – заголовочным словом. Для токенов *в профессии, к профессии, по профессии, по профессиям* лемма представляется словарной формой **профэссия, -и**, ж. «род трудовой деятельности, занятий, требующий определенной подготовки и являющийся обычно источником существования», поскольку все указанные токены являются формами слова *профессия*.

А.И. Бровец выделяет три ономаσιологических типа дешифровальных стимулов:

а) презентативные (презентативы) – простые атрибутивы (прилагательные и причастия), которые представляют собой «грамматически подчиненный ономаσιологическому базису ономаσιологический признак¹, выраженный адъективно и имеющий обобщенное значение, что обеспечивает нулевую степень интерпретации аббревиатуры» (Бровец, 2017: 100), например *стат-управление – статистическое управление*;

б) релятивные (релятивы) – простые существительные, обычно являющиеся производящими для презентативов и осуществляющие «актантно-числовую интерпретацию референта» (Бровец, 2019: 494), например *стат-управление – управление статистики*;

в) модификативные (модификативы) – словосочетания и сложные слова всех типов, распространенные «ономаσιологическими признаками, отсутствующими в структуре сложнокращенного слова» (Бровец, 2019: 494–495), например *статбюллетень – бюллетень статистического управления, бюллетень статуправления*, у которого в структуре аббревиатуры не обнаруживается эквивалента элемента *управление*.

4. Для облегчения прогнозирования эквивалентов и дешифровальных стимулов создаются структурно-ономаσιологические схемы обнаруженных эквивалентов, включающие:

а) формальную схему, в которой указываются формально-грамматические статусы компонентов эквивалентного словосочетания: у – главное слово эквивалентного словосочетания, х – существительное-релятив (с указанием числа и номера падежа в верхнем регистре), х(ад) – прилагательное-презентатив, а – часть сложного слова – модификатива, не отраженная в структуре аббревиатуры, z – слово – компонент словосочетания модификатива, не отраженное в структуре аббревиатуры, а также приводятся в скобках, там, где это необходимо, предлоги; например, для пары *теплоизоляция – тепловая изоляция* создана схема **х(ад)-у**, для *теплостойкость/стойкость к теплу* – схема **у-(к)х^{е03}**, для *теплозащита/защита от теплового воздействия* – схема **у-(от)х^{е02}(ад)-z^{е02}**;

б) для модификативов – имплицитные компоненты; например, для пары *торфопредприятие – торфодобывающее предприятие* формальная схема приобретает вид **х-а(-добывающее)-у**;

в) ономасиологическую схему, включающую ономасиологические характеристики базиса (тематическая группа) и признака (глубиннопадежное значение); например, для пары *фабком – комитет фабрики* (схема $y-x^{eod2}$) создается схема «организация – посессив».

5. Для каждого гнезда эквивалентности формируется дешифровальная матрица, представляющая собой перечисление структурно-ономасиологических схем входящих в него эквивалентов. Например, для гнезда эквивалентности слова *страховыплата* дешифровальная матрица имеет следующий вид: $x-y$ (квалификатив-действие: *страховая выплата*) – $y-x(ad)^{eod2}-z^{eod2}$ (возмещения) (действие-квалификатив-фактитив: *выплата страхового возмещения*) – $y-x^{eod2}$ (действие-квалификатив-фактитив: *выплата страховки*), $y-x(ad)^{eod2}-z^{eod2}$ (суммы) (действие-квалификатив-фактитив: *выплата страховой суммы*), $y-x(ad)^{mn2}-z^{mn2}$ (сумм) (действие-квалификатив-фактитив: *выплата страховых сумм*); (действие-квалификатив-фактитив: *выплата страховок*), $y-x^{eod2}$ (действие-квалификатив-фактитив: *выплата страхования*); $y-x(ad)^{mn2}-z^{mn2}$ (денег) (действие-квалификатив-фактитив: *выплата страховых денег*). Сопоставление дешифровальных матриц во всех процессах прогнозирования формирует предельные дешифровальные матрицы, которые выступают в качестве эталона для прогнозирования сходных гнезд эквивалентности.

6. Первым уровнем поиска эквивалентов и дешифровальных стимулов является подстановка атрибутивных презентативных словосочетаний, в подавляющем большинстве случаев однозначно являющихся эквивалентами аббревиатуры. Например, для аббревиатур с препозитивным абброконструктом *авто-* презентативными эквивалентами являются словосочетания с прилагательными *автоматический* и *автомобильный*, для аббревиатур с абброконструктом *гастро-* – *гастрономический* и т. д.

7. На втором уровне сбор гнезда эквивалентности осуществляется по существующим словарям сокращений (*словарная методика*) и по текстам, включающим аббревиатуры и их эквиваленты (*текстовая методика*), с применением методики верификации эквивалентности.

Словарная методика. Если в словаре для слова отмечается эквивалент, не совпадающий с презентативным эквивалентом, он вводится после верификации в гнездо эквивалентности. Например, для абброконструкта *лесо-* базовым дешифровальным стимулом является прилагательное *лесной* (см.: *лесобиржа – лесная биржа, лесоделянка – лесная делянка* и т. д.). Однако для слова *лесоавтомобильный завод* в словаре SOKR.RU дается эквивалент *лесопильный завод* (модификационный стимул). Верификация показала достаточно высокую дешифровальную активность данного стимула: в номинативе он отмечается в 5000 эквивалентных текстах, например: *Дмитриевский лесозавод «Большевик» – бывший рабочий поселок в Малмыжском районе – С 1923 года назывался лесопильным заводом № 6, в 1926 – лесопильным заводом № 6 «Большевик»*⁶. Это позволило внести данный эквивалент в гнездо эквивалентности аббревиатуры *лесоавтомобильный завод*.

⁶ Дмитриевский лесозавод // Вики-Поляны. 2021, 24 июля. URL : https://kraeved.vp43.ru/wiki/Дмитриевский_лесоавтомобильный_завод (дата обращения: 09.10.2022).

Текстовая методика. Эта методика предполагает поиск новых эквивалентов в эквивалентных текстах, отбираемых при помощи Национального корпуса русского языка и поисковых машин Google и Yandex по поисковому запросу – рассматриваемой аббревиатуре. Например, если в тексте, в котором употребляется сложносокращенное слово *теледиктор*, введенное в поисковый запрос, обнаруживается отвечающее трем параметрам верификации словосочетание *диктор телевидения*, мы вносим его в число эквивалентов данного слова. См., например: *Провожали теледиктора артисты эстрады и театра – Как профессионал, как диктор телевидения он был Человек с большой буквы*⁷.

8. На третьей стадии осуществляется расширенное парадигматическое прогнозирование, использующее методики лексико-деривационного прогнозирования, аббревиатурного гнезда, аббревиатурно-ономасиологического поля, аббревиатурной группы и аббревиатурной парадигмы.

9. **Лексико-деривационное прогнозирование** настроено на установление списка дешифровальных стимулов. Оно предполагает априорный поиск единиц, связанных деривационными отношениями с уже обнаруженными дешифровальными стимулами.

а) В качестве дешифровальных стимулов могут выступать существительные-релятивы, являющиеся производящими для презентативов. Например, для презентатива *торговый* производящим является слово *торговля*, которое в своих токенах может выступать в качестве релятива, чаще всего параллельно с презентативом, например: *торгцентр – центр торговли (торговый центр)*, *торготдел – отдел торговли (торговый отдел)* и т. д.

б) В качестве параллельных дешифровальных стимулов могут использоваться однокорневые синонимы. Например, для аббревиатурного конструкта *ветротакowymi* являются презентативы *ветровой* и *ветряной*: *ветроротатор – ветровой ротатор* и *ветряной ротатор*, *ветротурбина – ветровая турбина* и *ветряная турбина* и т. д.

в) Разновидностью синонимичного презентатива является причастный презентатив, который появляется обычно у дешифровальных стимулов, прямо или опосредованно связанных с глаголами. Например, *агло* – *агломерационный* связан опосредованно с глаголом *агломерировать*, поэтому у него потенциально могут быть дешифровальные стимулы *агломерирующий*, *агломерировавший*, *агломерированный*, *агломерируемый*. При работе над словарем обнаружены только слова, интерпретируемые через дешифровальный стимул *агломерированный*: *аглогранит – агломерированный гранит*.

г) Часто аббревиатурному эквивалентны **симультанты**, то есть, в сущности, презентативы-паронимы. Например, аббревиатурному *электро* эквивалентны симультанты *электрический* и *электронный*, *вибро* – *вибрационный* и *вибрирующий*, *броня* – *броневой* и *броневойбойный* и т. д. (см. о симультантах: Бровец, 2016).

д) Иногда в качестве релятива выступает простое существительное, отличающееся от того, которое предполагается презентативным дешифро-

⁷ «Голос детства, абсолютная легенда, лицо татарского телевидения» // Реальное время. 2020, 5 октября. URL : <https://realnoevremya.ru/news/189750-v-kazani-prostilis-s-ilfatom-abdrahmanovum> (дата обращения: 09.10.2022).

вальным стимулом, но деривационно связанное с ним. Например, конструкт *авто* может иметь в качестве релятива не только слово *автомобиль*, которое очевидно связано с презентативным дешифровальным стимулом *автомобильный*, но и слово *автомобилист*: *автожурнал – журнал об автомобилях и журнал для автомобилистов*.

10. **Методика аббревиатурного гнезда.** Под **аббревиатурным гнездом** понимается «совокупность гнезд эквивалентности с тождественным базисом (например, *авиазавод, бронезавод, химзавод, мясозавод* и др.)» (Крестьянинова, 2018: 237). Прогнозирование на основе аббревиатурного гнезда предполагает, что для слов, входящих в него, при условии тождества их ономаσιологического признака возможны составление общей предельной матрицы и поиск эквивалентов в новых гнездах эквивалентности по шаблону данной матрицы. Например, в случае, если абброконструкт указывает на трансгрессив (объект, подлежащей преобразованию), для всех слов, имеющих ономаσιологическую структуру «завод – трансгрессив», формируется следующая матрица: 1) *y-x(адъект)*; 2) *y-x-a(адъект) – 2a) x-перерабатывающий*; 2б) *x-обрабатывающий*; 3) *y-(но)x^{e2}-z³(сущ) – 3a) по переработке x²*; 3б) *по обработке x²*. Для входящего в данное гнездо слова *нефтезавод* на основе приведенной матрицы были обнаружены эквиваленты (расположены по мере убывания частотности): *нефтеперерабатывающий завод (2a), завод по переработке нефти (3a), нефтяной завод (1)*. *Нефтеобрабатывающий завод* и *завод по обработке нефти* встречаются крайне редко, то есть являются окказионализмами. Для слова *молокозавод* отмечаются эквиваленты *молочный завод (1); молокоперерабатывающий завод (2a); завод по переработке молока (3a), завод по обработке молока (3a)*. *Молокообрабатывающий завод* отмечается крайне редко, то есть является окказионализмом (табл. 1).

Таблица 1

Прогнозирование по матрице аббревиатурного гнезда

Слово	y-x(адъект)	y-x-a(адъект) x-перерабатывающий	y-x-a(адъект) x-обрабатывающий	y-(но)x ² -z ³ (сущ) по переработке x ²	y-(но)x ² -z ³ (сущ) по обработке x ²
Нефтезавод	Нефтяной завод	Нефтеперерабатывающий завод	–	Завод по переработке нефти	–
Молокозавод	Молочный завод	Молокоперерабатывающий завод	–	Завод по переработке молока	Завод по обработке молока

Table 1

Prediction according to the matrix of the abbreviation field

Word	y-x(adjust)	y-x-a(adjust) x-processing	y-x-a(adjust) x-machining	y-(on)-x ² -z ³ (noun) по переработке x ²	y-(on)-x ² -z ³ (noun) (for) machining x ²
Petroleum refinery	Oil factory	Oil processing factory	–	Factory on oil processing	–
Dairy	Milk factory	Milk processing factory	–	Factory on milk processing	Factory for cultivating milk

11. **Методика аббревиатурно-ономасиологического поля.** Под **аббревиатурно-ономасиологическим полем** понимается «совокупность сложносокращенных наименований одного понятийного поля, содержащих инвариантное значение в структуре как ономасиологического базиса, так и ономасиологического признака» (Лялюк, 2020: 15). Например, в аббревиатурно-ономасиологическое поле «строение» входят гнезда эквивалентности всех аббревиатур, которые содержат архисему «строение»: *админздание, госквартира, заградсооружение, кукурузохранилище, нефтесклад, роддом* и т. п. При прогнозировании данного типа происходит поиск по шаблону предельной дешифровальной матрицы не только для слов, имеющих тождественный базис, но и для слов, имеющих базисы одного поля. Например, предельная матрица может быть создана для гнезд эквивалентности с базисом «линейный пространственный объект»: *дорога, магистраль, путь* и т. п.: $x-y$ (квалификатив), $y(\text{для})x^2$ (дестинатив-инструменталис), $y(\text{для})x^2$ (дестинатив-лицо), $y(\text{для})x-a^2$ (-транспорта, дестинатив-инструменталис), $y(\text{для})x-z^2$ (транспорта, дестинатив-инструменталис) (представлена для примера только часть матрицы). Для слов *автодорога* и *велоаллея* данная матрица заполняется следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Прогнозирование по матрице аббревиатурно-ономасиологического поля

Слово	$x-y$ (квалификатив)	$y(\text{для})x^2$ (дестинатив-инструменталис)	$y(\text{для})x^2$ (дестинатив-лицо)	$(\text{для})x-a^2$ (-транспорта, дестинатив-инструменталис)	$y(\text{для})x-z^2$ (-транспорта, дестинатив-инструменталис)
Автодорога	Автомобильная дорога	Дорога для автомобилей	Дорога для автомобилистов	Дорога для автотранспорта	Дорога для автомобильного транспорта
Велоаллея	Велосипедная аллея	Дорога для велосипедов	Дорога для велосипедистов	–	–

Table 2

Prediction according to the matrix of the abbreviation-onomastic field

Word	$x-y$ (qualifier)	$y(\text{for})x^2$ (destinative-instrumentalis)	$y(\text{for})x^2$ (destinative-person)	$(\text{for})x-a^2$ (transport, destinative-instrumentalis)	$y(\text{for})x-z^2$ (transport, destinative-instrumentalis)
Highway	Motor road	Road for cars	Road for motorists	Road for motor vehicles	Road for automobile transport
Bikelay	Cycling alley	Road for bicycles	Road for cyclists	–	–

12. **Методика аббревиатурной группы.** Под **аббревиатурной группой** понимается «совокупность сложносокращенных слов, имеющих тождественный начальный конструкт» (Рязанова, 2020: 114). Например, слова *штрафбат, штрафплощадка, штрафрота, штрафподразделение, штрафстоянка* формируют аббревиатурную группу «штраф». Прогнозирование по аббревиатурной группе использует как минимум две методики.

а) **Методика дешифровальных стимулов.** В результате реализации перечисленных выше методик формируется леммно-токенный список дешифровальных стимулов аббревиатурной группы, который сам по себе может быть использован в качестве матрицы возможной эквивалентности при поиске эквивалентов новоописываемых слов, входящих в группу. Например, для аббревиатурной группы «этно» нами был составлен следующий леммно-токенный список: 1. *Этнический, -ая, -ое: этническая, этнический, этническое.* 2. *Этнос, -а, м.: этноса, этносов.* 3. *Этнографический, -ая, -ое: этнографическая.* 4. *Этногруппа, -ы, ж.; этническая группа: этногруппы, этнической группы, этнических групп.* 5. *Этнообщность, -и, ж.; этническая общность: этнических общностей, этнической общности.* 6. *Этнополитический, -ая, -ое: этнополитический, этнополитическая.* 7. *Этнорелигиозный, -ая, -ое: этнорелигиозная, этнорелигиозный.* 8. *Этнорегиональный, -ая, -ое: этнорегиональный.* 9. *Этнокультурный, -ая, -ое: этнокультурный.*

Использование данных дешифровальных стимулов при составлении гнезда эквивалентности слова *этноконфликт* прогнозирует эквиваленты *этнический конфликт, конфликт этносов, конфликт этнических групп, конфликт этнических общностей, этнополитический конфликт, этнорегиональный конфликт, этнорелигиозный конфликт, этнокультурный конфликт*. Трехкомпонентная верификация указанных эквивалентов подтвердила наличие в языке высокочастотных эквивалентов *этнический конфликт, конфликт этнических общностей, этнополитический конфликт, этнорегиональный конфликт, этнорелигиозный конфликт, этнокультурный конфликт*, которые вводятся в гнездо эквивалентности, и малую частотность эквивалентов *конфликт этносов* и *конфликт этнических групп*, которые оставляются за его пределами.

б) **Методика смежности.** Исследование показало, что в качестве эквивалента аббревиатурной группы может выступать также сложносокращенное слово, входящее в аббревиатурную группу, и его эквиваленты. В основе методики смежности лежит проверка возможности включения компонентов аббревиатурной группы в список ее дешифровальных стимулов. Например, таким образом были включены в список стимулов группы «теле» сложносокращенное слово *телесериал* и его эквивалент *телевизионный сериал*, обнаруженные, например, в гнездах эквивалентности слов *телегерой (герой телесериала, герой телевизионного сериала), телезвезда (звезда телесериала, звезда телевизионного сериала, звезда телесериалов)* и т.д.

13. **Методика аббревиатурной парадигмы.** Под *аббревиатурной парадигмой* понимается совокупность аббревиатурных групп с аббревиатурами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле, например групп «авто», «VELO», «мото», в которых аббревиатурный указывает на средство передвижения. Основой для экстраполяционного прогнозирования является предположение о том, что если во входящей в аббревиатурную парадигму группе А есть некий дешифровальный стимул Х, можно предположить, что построенный по такой же модели стимул может быть обнаружен и в других входящих в данную парадигму группах. Например, в группе «авто» отмечается леммный стимул *автоспорт* в токенах *в автомобильном спорте (автосоревнования – соревнования в автомобильном спорте); в авто-*

спорте (автосостязания – состязания в автоспорте); по автомобильному спорту (автосоревнования – соревнования по автомобильному спорту); по автоспорту (автосостязания – состязания по автоспорту). Можно предположить существование леммных дешифровальных стимулов велоспорт и мотоспорт в группах «VELO» и «МОТО». Верификация показала, что данные дешифровальные стимулы реально используются в указанных группах, но с несколько отличающимся набором токенов. Для велоспорта отмечаются частотные токены велосипедного спорта (VELOакадемия – академия велосипедного спорта); велоспорта (VELOсекция – секция велоспорта); соревнования в велосипедном спорте (VELOсоревнования – соревнования в велосипедном спорте); в велоспорте (VELOсоревнования – соревнования в велоспорте); для велоспорта (VELOкуртка – куртка для велоспорта); по велосипедному спорту (VELOсостязания – состязания по велосипедному спорту); по велоспорту (VELOсоревнования – соревнования по велоспорту), а для мотоспорта – в мотоспорте (МОТОсостязания – состязания в мотоспорте); мотоспорта (МОТОлюбитель – любитель мотоспорта); по мотоспорту (МОТОтренер – тренер по мотоспорту); по мотоциклетному спорту (МОТОтренер – тренер по мотоциклетному спорту).

Заключение

Применение приведенных методик позволило оптимизировать представление аббревиатур и их гнезд эквивалентности в Словаре.

Во-первых, они позволили увеличить объем словника Словаря. Например, аббревиатурная группа «авто» в наиболее полном из существующих сейчас словарей сокращений – онлайн-словаре Sokr.ru – представлена 111 словами, в Словаре же Лаборатории описывается 516 частотных слов, каждое из которых включается как минимум в 1000 текстов, обнаруживаемых при помощи Национального корпуса русского языка и поисковых машин Google и Yandex

Во-вторых, данные методики позволили представить в описываемых гнездах эквивалентности все наиболее частотные эквиваленты сложно-сокращенных слов, что принципиально отличает создаваемый нами Словарь от существующих словарей сокращений. Например, в словаре Д.И. Алексеева⁸ для слова *автобат* дается только эквивалент *автомобильный батальон*, а в Словаре Лаборатории представлено три эквивалента данного слова: *автомобильный батальон*, *автотранспортный батальон*, *авторемонтный батальон*; в словаре И.В. Фаградянца⁹ для слова *автообслуживание* приводится только дешифровка *автомобильное обслуживание*, а в Словаре Лаборатории – 9 эквивалентов: *обслуживание автомобилей*, *обслуживание автомобиля*, *обслуживание авто*, *обслуживание автотранспорта*, *обслуживание автотранспортных средств*, *обслуживание автомашины*, *автомобильное обслуживание*, *обслуживание автомашины*, *обслуживание автотранспортного средства*.

⁸ Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка...

⁹ Фаградянц И.В., Коваленко Е.Г., Фаградянц И.И. Новый словарь сокращений...

Перспективой исследования является создание на основе вышеупомянутых методик моделей поиска эквивалентов для инициальных аббревиатур и сложносокращенных онимов.

Список литературы

- Акулич Е.А. Аббревиатурная группа «VELO» : общая характеристика // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. 2017. № 6. С. 117–124.
- Аламайрех Е.Ю. Дешифровальная модель и модель формальной разновидности эквивалентности аббревиатуры в аббревиатурной группе «авто» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 2. С. 91–102. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-2-91-102>
- Браун Д.А. Аббревиатурный ономаσιологический класс : модели формального описания // Новые горизонты русистики. 2018. № 6. С. 4–9.
- Бровец А.И. Дешифровальный стимул сложносокращенного слова : к проблеме определения и описания // Русистика. 2019. Т. 17. № 4. С. 487–501. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-4-487-501>
- Бровец А.И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. 2017. № 6. С. 98–107.
- Бровец А.И. О симультанных аббревиатурных конструктах (на материале аббревиатурной группы «электро») // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум : сб. науч. ст. : в 2 т. Симферополь : АРИАЛ, 2016. Т. 1. С. 41–51.
- Зеленин А.В. Деаббревиация в русском языке // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 78–97.
- Крестьянинова Е.С. Текстовая эквивалентность аббревиатур, входящих в аббревиатурное гнездо «завод» : ономаσιологический класс «завод, связанный с животными» // Русский язык в поликультурном мире : II Международный симпозиум : сб. науч. ст. : в 2 т. Симферополь : АРИАЛ, 2018. Т. 2. С. 237–242.
- Лялюк А.А. Аббревиатурно-ономаσιологическое поле «строения» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 2020. 32 с.
- Лялюк А.А. Ономаσιологические и полевые подходы к изучению аббревиатурных слов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2 (26). С. 146–150.
- Михайлова Е.Н. Модель прогнозирования релятивных дешифровальных стимулов // Новые горизонты русистики. 2018. Вып. 6. С. 74–80.
- Михайлова Е.Н. Ономаσιологические модели соответствия в аббревиатурной группе «бензо» // Новые горизонты русистики. 2017. Вып. 2. С. 42–45.
- Рязанова В.А. Дешифровальный стимул как источник интерпретации сложного слова // Социокультурная среда вуза и языковое развитие личности иностранного студента : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. М. : РГУ имени А.Н. Косыгина, 2019. С. 84–88.
- Рязанова В.А. Методика прогнозирования отношений эквивалентности в гибридных группах // Новые горизонты русистики. 2018. № 6. С. 44–49.
- Рязанова В.А. Типология аббревиатурных групп : принципы и реализация // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2020. № 1. С. 114–122.
- Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращенных слов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков : материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.). Донецк : ДонНТУ, 2018. С. 69–79.
- Теркулов В.И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур // Русистика. 2020. Т. 18. № 1. С. 97–112. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112>

Теркулов В.И., Крестьянинова Е.С. Иерархия дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности : к постановке проблемы // Новые горизонты русистики. 2018. № 4. С. 27–33.

Штельман Т.А. Сложносокращенные онимы как формально-ономасиологический тип аббревиатур // Новые горизонты русистики. 2022. № 18. С. 58–63.

Сведения об авторе:

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, филологический факультет, Донецкий национальный университет, Российская Федерация, 83050, Донецк, ул. Щорса, д. 17. *Сфера научных интересов:* аббревиация, словообразование, региональные лингвистические исследования. Автор 284 публикаций. ORCID: 0000-0002-0418-4260. E-mail: terkulov@rambler.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96

EDN: ZNQUSE

Research article

The paradigmatics of a compound abbreviation as a means of predicting equivalence relations

Vyacheslav I. Terkulov

Donetsk National University, Donetsk, Russian Federation

✉ terkulov@rambler.ru

Abstract. The author describes the methods of finding and predicting compound word correlates in its equivalence nest on the basis of paradigmatic relations between the abbreviation and its decoding stimuli. The relevance of the study is determined by the fact that it established the principles of dictionary entries formation for the *Exploratory Dictionary of Russian Word Abbreviations* compiled by Exploratory Laboratory of Abbreviation Trends Research at the Russian Language Department of Donetsk National University. The paper gives general idea of the multiple motivation possibilities of abbreviated words in the modern language. The aim of the study is to generally represent the dictionary methods of finding and predicting the content of compound abbreviation equivalence nests. The author considered pure search models in existing dictionaries of abbreviations and texts, where abbreviations and their equivalents are presented as absolute synonyms, as well as extrapolation prediction methods by decoding matrices models of word equivalence nests, connected with the described abbreviations and their decoding stimuli through their paradigmatic relations. The latter led to forming compound abbreviations paradigmatic associations typology, including an abbreviation nest, an abbreviation-onomasiologic field, an abbreviation group and an abbreviation paradigm. The novelty of the study has been determined by the fact that for the first it provides a set of methods for finding and predicting the equivalence nest of abbreviated words; the methodology of the obtained results verification is also described. The results have provided the possibility of a full-fledged comprehensive dictionary description of compound abbreviated appellatives. In the future, the author is planning to develop methods of searching for equivalents of other formal onomasiologic abbreviation types – initial abbreviations and onym compound abbreviations.

Keywords: prediction, search, abbreviated word, abbreviation nest, abbreviation onomasiological field, abbreviation group, abbreviation paradigm, Russian language

Article history: received 16.10.2022; accepted 11.12.2022.

For citation: Terkulov, V.I. (2023). The paradigmatics of a compound abbreviation as a means of predicting equivalence relations. *Russian Language Studies*, 21(1), 79–96. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>

References

- Akulich, E.A. (2017). Abbreviated group *velo-*: General characteristics. *Moscow University Philology Bulletin*, (6), 117–124. (In Russ.)
- Alamayrekh, Ye.Yu. (2020). Model of the decryption and model of the abbreviation formal diversity in the abbreviation group “auto-”. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, (2), 91–102. (In Russ.) <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-2-91-102>
- Bratcun, D.A. (2018). Abbreviated onomasiological class: Formal description models. *Novye Gorizonty Rusistiki*, (6), 4–9. (In Russ.)
- Brovets, A.I. (2016). On simultaneous abbroconstructes (on the material of the electro abbreviation group). *Russian Language in the Multicultural World: Proceedings of X International Scientific and Practical Conference*, (1), 41–52. Simferopol: ARIAL Publ. (In Russ.)
- Brovets, A.I. (2017). The modification interpretive deciphering stimulus of an abbreviated word. *Moscow University Philology Bulletin*, (6), 98–107. (In Russ.)
- Brovets, A.I. (2019). The deciphering stimulus of a compound word: The problem of definition and description. *Russian Language Studies*, 17(4), 487–501. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-4-487-501>
- Krestyaninova, E.S. (2018). Textual equivalence of abbreviations included in the abbreviation nest “factory”: Onomasiological class “factory associated with animals”. *Russian Language in the Multicultural World: Proceedings of II International Symposium*, (2), 237–242. Simferopol: ARIAL Publ. (In Russ.)
- Lyalyuk, A.A. (2017). Onomasiological and field approaches to the study of abbreviory words. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, (2), 146–149. (In Russ.)
- Lyalyuk, A.A. (2020). *Abbreviation-onomasiological field of “buildings”*. [Author’s abstr. cand. ped. diss.]. Donetsk. (In Russ.)
- Mikhailova, E.N. (2017). Onomasiological models of accordance in abbreviated group “бензо-”. *Novye Gorizonty Rusistiki*, (2), 42–45. (In Russ.)
- Mikhailova, E.N. (2018). Model forecasting relative decryptal stimulus. *Novye Gorizonty Rusistiki*, (6), 74–80. (In Russ.)
- Riazanova, V.A. (2020). Typology of abbreviated groups: Principles and implementation. *Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*, (1), 114–122. (In Russ.)
- Ryazanova, V.A. (2018). Methods for predicting equivalence relations in hybrid groups. *Novye Gorizonty Rusistiki*, (6), 44–49. (In Russ.)
- Ryazanova, V.A. (2019). Decryption stimulus as a source of interpretation of a complex word. *Socio-Cultural Environment of the University and the Language Development of the Personality of a Foreign Student: Proceedings of the Scientific and Practical Conference* (pp. 84–88). Moscow: RGU imeni A.N. Kosygina Publ. (In Russ.)
- Shtelman, T.A. (2022). The compound-abbreviated name as a formal onomasiological type of abbreviations. *Novye Gorizonty Rusistiki*, (18), 58–63. (In Russ.)
- Terkulov, V.I. (2018). Method for forecasting of equivalency relations for compound shortenings. *Linguistic Research and Their Using in the Practice of Teaching Russian and Foreign Languages: Reports of the I International Scientific and Methodological Conference* (pp. 69–79). Donetsk: DonNTU Publ. (In Russ.)
- Terkulov, V.I. (2020). Abbreviated appellatives as independent modifications of abbreviations. *Russian Language Studies*, 18(1), 97–112. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112>

- Terkulov, V.I., & Krestyaninova, E.S. (2018). Hierarchy of deciphering stimuli in the nest of equivalence: To the Formulation of the Problem. *Novye Gorizonty Rusistiki*, (4), 27–33. (In Russ.)
- Zelenin, A.V. (2005). Disabbreviation in Russian. *Voprosy Yazykoznaniiya*, (1), 78–97. (In Russ.)

Bio note:

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language, Philological Faculty, Donetsk National University, 17 Shchorsa St, Donetsk, 83050, Russian Federation. *Research interests*: abbreviation, word formation, regional linguistic research. The author of 284 scientific publications. ORCID: 0000-0002-0418-4260. E-mail: terkulov@rambler.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
CULTURAL LINGUISTICS:
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-97-110

EDN: ZVIVCL

Научная статья

Аксиология власти в русской лингвокультуре

В.И. Карасик , Э.А. Китанина

*Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина,
Москва, Российская Федерация*

 vikarasik@pushkin.institut

Аннотация. Актуальность лингвокультурного моделирования власти обусловлена высокой значимостью этого феномена в институциональной и личностной коммуникации и многомерностью его оценочных характеристик. Цель исследования – определить и описать лингвистически релевантные нормы поведения, закодированные в концепте «власть». В качестве материала для анализа использовались данные словарей и справочников, примеры из Национального корпуса русского языка, текстовые фрагменты поэтических и прозаических произведений на русском языке. Применялись методы семантического, контекстуального, интерпретативного и ассоциативного анализов. Установлено, что в понятийном плане власть представляет собой принуждение и включает: 1) условие (силу, авторитет, традицию или закон); 2) борьбу за получение и удержание власти; 3) проявление власти (лица или организации, наделенные властью, сферы ее применения и степень принуждения); 4) ее оценку (справедливая/несправедливая, жестокая/милосердная, эффективная/неэффективная). В образном плане выделяются ситуативные характеристики проявления власти, вербализуемые в текстовых фрагментах и реакциях информантов. Концептуализация власти является дискурсивно специфичной. Выявлено, что наиболее ярко ситуативные характеристики реализации власти отмечены в публицистике применительно к ее представителям. В художественном тексте (преимущественно в поэзии) власть показана как непреодолимая сила. В оценочном плане можно выделить нормы поведения, ассоциируемые с пониманием власти – принятие ее как важнейшего условия общественного порядка и осуждение чрезмерного стремления к власти и злоупотребления ею. Эти нормы, выраженные в пословицах, анекдотах и афоризмах, в значительной мере совпадают, различаясь в том, что пословицы рекомендуют держаться от власти подальше, анекдоты остро критикуют коррупцию во власти, в афоризмах дана целостная картина должного поведения носителей власти и подчиненных. Перспективы исследования состоят в определении лингвистически релевантных личностных типовых оценок власти.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, концепт, ценности, дискурс

© Карасик В.И., Китанина Э.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 05.09.2022; принята к печати 18.11.2022.

Для цитирования: *Карасик В.И., Китанина Э.А.* Аксиология власти в русской лингвокультуре // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 97–110. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-97-110>

Введение

Власть как регулятор социальных отношений относится к числу важнейших институциональных параметров общества. Этот концепт имеет множество измерений – социальное, политическое, историческое, юридическое, психологическое, религиозное и коммуникативное. Изучение концептуализации власти позволяет увидеть особенности языковой картины мира и в этом плане является одним из важнейших индикаторов в лингвокультурном моделировании языка (Верещагин, Костомаров, 2005; Воробьев, 1997; Дементьев, 2016; Куссе, 2022; Степанов, 1997). Важность феномена власти отражается в частотности обращения исследователей к его изучению: различные аспекты власти стали темой 4522 диссертационных работ, по данным электронного каталога Российской государственной библиотеки. Проблема «Язык и власть» детально разработана в социальной психологии, социолингвистике и прагмалингвистике отечественными (Серио, 1993; Ильин, Мельвиль, 1997; Лассвелл, 2006) и зарубежными учеными (Fairclough, 1996; Morand, 2000; Rojo, 2016), рассматривавшими особенности взаимодействия и функционирования данных понятий (Holtgraves, Lasky, 1999), выявившими связь концептов «вежливость/невежливость» с концептом «власть» (Harris, 2003; Victoria, 2009; Oliver, 2022) и определенные языковые тактики и стратегии, использующиеся в качестве регулятора отношений в обществе (Antaki, Stokoe, 2017; Witek, 2022). Этот концепт привлекал внимание лингвистов в отдельных дискурсивных исследованиях (Черватюк, 2006; Ерофеева, 2009; Пименова, 2012), в изучении способов репрезентации языкового сознания и языковой картины мира (Шабанова, 2011; Астафурова, Олянич, 2015; Васильев, 2015; Гогенко, 2015; Демидова, 2021), а также в рамках рассмотрения его представленности в различных функциональных жанрах и стилях (Балашова, 2010; Кипенко, 2010). Проанализированы семиотические характеристики власти, описана метафорика этого концепта, выявлено его символическое содержание, определена его дискурсивная специфика. Вместе с тем в лингвоаксиологическом аспекте этот феномен еще недостаточно изучен (Михайлов, 2010; Шабанова, 2011; Касаткина, 2012; Кипенко, 2012), что представляет особый интерес в синхроническом и диахроническом аспектах развития и функционирования понятия. Предполагается, что осмысление власти в русской лингвокультуре имеет понятийное, образное и ценностное выражение, различные аспекты власти специфически представлены в разных типах дискурса, ценностное содержание этого концепта по-разному осмысливается различными типами личностей.

Цель исследования – охарактеризовать ценностные признаки концепта «власть» в русском языковом сознании.

Методы и материалы

Используются методы интерпретативного анализа словарных дефиниций и универсальных высказываний, контекстуального анализа текстовых фрагментов, контент-анализа стимулов и реакций, зафиксированных в ассоциативных словарях. В качестве материала исследования были взяты дефиниции из толковых словарей и справочников¹, текстовые примеры, размещенные в Национальном корпусе русского языка², в ассоциативных словарях русского языка³ пословицы и поговорки, выписанные из паремиологических справочников⁴ и сборника афоризмов⁵, размещенные в интернете анекдоты⁶.

Описание лингвокультурных концептов представляет собой выявление их понятийного признакового состава, определение их перцептивно воспринимаемых характеристик, выраженных вербально, и установление ценностных ориентиров, представленных в текстах, основной функцией которых является назидание (пословицы, поговорки, притчи и анекдоты) (Воркачев, 2014; Карасик, 2002; Красавский, 2008; Слышкин, 2004; Стернин, 2008).

Результаты

В результате концептологического описания власти в русской лингвокультуре установлены основные понятийные, образно-перцептивные и ценностные признаки этого ментального образования, показана их взаимосвязь, охарактеризована их дискурсивная специфика и выявлены особенности аксиологического осмысления власти в сознании типизируемых носителей русского языка.

В понятийном плане власть представляет собой принуждение и включает: 1) условие (силу, авторитет, традицию или закон); 2) борьбу за получение и удержание власти; 3) проявление власти (лица или организации, наделенные властью, сферы ее применения и степень принуждения); 4) ее оценку (справедливая/несправедливая, жестокая/милосердная, эффективная/неэффективная).

¹ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с. (Кузнецов); *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М. : Терра, 1994. (Даль); Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М. : Астрель ; АСТ, 2003. (Дмитриев); *Халипов В.Ф.* Власть : Кратологический словарь. М. : Республика, 1997. 431 с.

² Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru>

³ *Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Ок. 7000 стимулов. М. : Астрель ; АСТ, 2002. 784 с. (РАС); *Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартынов А.О.* Русский ассоциативный словарь : ассоциативные реакции школьников I–XI классов : в 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2011. 500 с. (РАСШ).

⁴ Проанализированы данные словарей пословиц: *Даль В.И.* Пословицы русского народа : сборник : в 2 т. М. : Терра, 1996. Т. 1. 432 с.; *Даль В.И.* Пословицы русского народа : сборник : в 2 т. М. : Терра, 1996. Т. 2. 422 с.; *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Русский язык, 1993. 537 с.; *Русские пословицы и поговорки* / сост. А.И. Соболев. М. : Советская Россия, 1983. 304 с.

⁵ Афоризмы. Золотой фонд мудрости / сост. О.Т. Ермишин. М. : Просвещение, 2006. 1695 с.

⁶ Анекдоты. URL : <https://anekdoty.ru>

В образном плане выделяются ситуативные характеристики проявления власти, вербализуемые в текстовых фрагментах и реакциях информантов. Концептуализация власти является дискурсивно специфичной. Наиболее ярко ситуативные характеристики реализации власти отмечены в публицистике применительно к ее представителям. В художественном тексте (преимущественно в поэзии) власть показана как непреодолимая сила.

В оценочном плане можно выделить нормы поведения, ассоциируемые с пониманием власти – принятие ее как важнейшего условия общественного порядка и осуждение чрезмерного стремления к власти и злоупотребления ею. Эти нормы, выраженные в пословицах, анекдотах и афоризмах, в значительной мере совпадают, различаясь в том, что пословицы рекомендуют держаться от власти подальше, анекдоты остро критикуют коррупцию во власти, в афоризмах дана целостная картина должного поведения носителей власти и подчиненных.

Обсуждение

Понятийные признаки концепта «власть»

В толковых словарях русского языка и энциклопедических изданиях слово «власть» определяется следующим образом:

«1. Право и возможность распоряжаться, повелевать, подчинять своей воле. 2. Могущество, господство, сила. 3. Должностные лица, начальство, администрация. 4. только ед. Политическое господство; право управления государством или регионом; органы, наделенные таким правом. 5. Орган государственного управления, правительство» (Кузнецов); «право, сила и воля над чем, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление; | начальство, начальник или начальники» (Даль); «1. Если вы имеете власть над кем-либо или чем-либо, вы имеете право и возможность управлять чем-либо, требовать от других людей исполнения того, что вы хотите, повиновения. 2. Власть – это право политического и экономического управления государством, регионом, городом и т. д., а также те организации и люди, которые обладают таким правом. 3. Властью называют правительство страны, ее руководителей; часто используется в контексте критики» (Дмитриев); «1) способность, право и возможность распоряжаться кем-либо, чем-либо, оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность, нравы и традиции людей с помощью различного рода средств – закона, права, авторитета, воли, суда, принуждения; 2) политическое господство над людьми, их общностями, организациями, над странами и их группировками; 3) система государственных органов; 4) лица, органы, облеченные соответствующими государственными, административными полномочиями, или обладающие разного рода влиянием, полномочиями по обычаю, или присвоившие их себе» (Халипов).

Суммируя приведенные определения, выделяем следующие признаки: 1) возможность осуществления власти (способность, право, сила); 2) осуществление власти (распоряжение, подчинение своей воле, принуждение); 3) субъекты власти (лица, государственные органы, руководители, начальники, командиры, в переносном смысле – страсти); 4) объекты власти (лица, общности, организации, страны); 5) оценочное отношение к власти (стремление к вла-

сти со стороны субъектов, подчинение власти со стороны объектов, противодействие власти со стороны объектов). Центральным признаком является осуществление власти, то есть навязывание другим своей воли. Ближайшие к центральному признаку – способы такого навязывания: использование силы, традиций, авторитета, полномочий. Осуществлению власти предшествует борьба за нее либо ее передача по праву рождения. Внутренняя форма слова «власть» – это состояние обладания, «владеть».

В психологическом плане отмечено, что «на протяжении тысячелетий атрибутика власти вызывала вожделенную страсть у самых разных людей, психической доминантой которых была жажда лидерства. Известный югославский философ и политик М. Джилас, сам побывавший на высших ступенях партийно-государственной власти, назвал ее „наслаждением из наслаждений“, отмечено, что Ф. Ницше определил счастье как „чувство растущей власти“» (Семенов, 2006: 3). В политологическом аспекте выделяются два вектора в понимании власти: власть над кем-либо и власть для чего-либо (Болл, 1993). Прослеживается определенное сходство с пониманием свободы: свобода от чего-либо и для чего-либо. Первый вектор в понимании власти (как и свободы) есть базовое условие для реализации определенных потребностей личности и/или группы, второй вектор является производным от первого и превращает возможность в действие. Заслуживает внимания структурное представление феномена власти, в котором выделяются три аспекта: директивный (отношения господства и подчинения), функциональный (процессы управления) и коммуникативный (воспроизведение форм общения с подвластными структурами) (Ильин, Мельвиль, 1996).

Образно-перцептивные признаки концепта «власть»

Обратимся к образно-перцептивным характеристикам рассматриваемого концепта. Эти признаки устанавливаются на основе текстовой реализации номинанта этого ментального образования (его контекстуального окружения) и анализа ассоциативных словарей и опроса информантов, которым предложен вопрос: «Когда я думаю о власти, я представляю себе...». Текстовая реализация концепта «власть» в Национальном корпусе русского языка представлена 10 996 документами. Отметим, что образно-перцептивные характеристики концептов принципиально различаются применительно к разным типам ментальных образований. Так, предметные концепты описываются по внешне воспринимаемым признакам (корабль движется по водной поверхности, книга стоит на полке, дверь со скрипом открывается), живые существа проявляют себя в типичном поведении (собаки лают и виляют хвостом, осы жалят), эмоциональные концепты осмысливаются по способам выражения тех или иных эмоций (от стыда краснеют, от страха застывают на месте), более сложные смысловые образования требуют характеристики ситуации, которую они обобщают (тайну пытаются скрыть и разгадать, правда понимается как соответствие сказанного реальности, а торговля как продажа и покупка тех или иных товаров в магазине или на базаре). Власть в этом плане представляет собой сложный ситуативный концепт, включающий типизируемых участников, которые не равны друг другу по положению. Кроме того, концепты имеют дискурсивную специфику: некоторые из них преимуще-

ственно относятся к обиходной сфере общения (внешность человека, одежда, обычное поведение), другие характеризуют педагогическую или научную сферу (объяснение, доказательство, проверка предположения), третьи принадлежат юридической сфере (закон и его нарушения), четвертые охватывают политическую сферу (общественный строй, его институты и принятые формы и ритуалы поведения). В художественном дискурсе могут осмысливаться все типы концептов. Концепт «власть» преимущественно используется в медийно-публицистическом и политическом общении, хотя следует отметить, что определенные концепты используются в разных типах дискурса.

В политическом дискурсе, по данным «Национального корпуса русского языка», акцентируются системообразующие признаки власти – принуждение и выделение группы субъектов – носителей власти:

...признак государства – принудительная власть (В.И. Ленин).

...признак государства – наличность особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается власть (В.И. Ленин).

Известный философ подчеркивает важную характеристику субъектов политической власти:

Власть никогда не принадлежала и не может принадлежать большинству (Н. Бердяев).

Идея принуждения предполагает силу – психическую и физическую – в качестве условия для удержания власти:

...есть люди с очень сильным биополем, имеющие власть над другими (И. Кио).

Известный советский иллюзионист приводит биологическое объяснение феномена власти.

Существенным признаком этого концепта является борьба:

Как член политической партии, я сражаюсь за власть (А. Андреев).

Романтиков быстро отстреляли бы, а власть захватила бы наиболее циничная и прагматичная группа (LiveJournal).

Борьба за власть завершается ее захватом. С позиций проигравших в этой борьбе, победители осуждаются. Власть может быть потеряна:

Беспалов не только дестабилизировал партию, но и дискредитировал власть (А. Садчиков).

Важной характеристикой власти должно быть ее принятие со стороны объектов управления:

Для начала власть в глазах управляемых должна быть легитимной, т. е. иметь некоторую высшую санкцию (божественное право королей, демократический выбор суверенного народа, царь-первосвященник по чину Мельхиседекову etc.) (М. Соколов).

Подчеркивается законность власти.

Публицисты критикуют власть за то, что ее представители бывают подвержены коррупции:

Потому что волнует нашу власть по большому счету не то, кто сколько наворовал, а совсем другое. Кто посмел ее, власть, обойти? Делиться нужно (И. Гальперин).

А потому все хотят свою власть конвертировать в какую-то собственность, что без олигархов просто невозможно (Е. Костюк).

В этих примерах акцентируется признак собственности как мотивирующее основание для получения власти.

Эти же признаки повторяются в метонимическом переносе – представители власти как ее воплощение:

Совершенно очевидно, что главным тормозом для развития мелкого и среднего бизнеса сегодня является региональная власть (Д. Викторов).

В художественном тексте уточняются названные характеристики власти:

В числе прочего я говорил, – рассказывал арестант, – что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти (М. Булгаков).

Если позволите заметить, деспот-учитель власть свою охранял свирепо, очень любил уничтожать людей, показывать свою силу (Д. Гранин).

Как и всякий человек, получивший над чем-нибудь власть, я первым делом стал проверять степень ее полноты и наслаждался, убеждаясь в ее истинности (Ф. Искандер).

В приведенных примерах подчеркивается принудительность власти, ее деструктивный характер для ее носителей и удовольствие, которое она им приносит сама по себе.

Обратим внимание на осуществление власти:

Власть нуждается в декорациях. Она же родит прислужничество (В. Ходасевич).

Известный поэт отмечает необходимость ритуалов, делающих власть фактом культуры, и то воздействие на некоторых подчиненных, которое власть оказывает.

В русской поэтической традиции отчетливо выражено критическое отношение к власти:

Везде неправедная Власть / В сгущенной мгле предрассуждений / Воссела – Рабства грозный Гений / И Славы роковая страсть (А.С. Пушкин).

Но в нас горит еще желанье, / Под гнетом власти роковой / Нетерпеливою душой / Отчизны внемлем призыванье (А.С. Пушкин).

Эта идея уточняется в определении власти как рабства и невыносимой тяжести. Пушкинское отношение к власти доминирует в русской поэзии XX века:

Прославим власти сумрачное бремя, / Ее невыносимый гнет (О. Мандельштам).

Я не хочу ни власти над людьми, / Ни почестей, ни войн победоносных. / Пусть я застыну, как смола на соснах, / Но я не царь, я из другой семьи (А. Тарковский).

Показательны строки известного стихотворения, ставшего песней:

Дай Бог не вляпаться во власть / и не геройствовать подложно, / и быть богатым – но не красть, / конечно, если так возможно (Евг. Евтушенко).

В этой молитвенной просьбе власть прямо ассоциируется с грязью.

В поэтическом тексте показана наркотическая суть власти:

Мне кажется, / что власть и почести – / вода соленая / морская: / чем дольше пить, / тем больше хочется, / а жажда / все не отпускает (Н. Асеев).

Вместе с тем в поэзии власть осмысливается расширительно – как непреодолимое воздействие чего-либо на душу:

Так – гармонических орудий / Власть беспредельна над душой, / И любят все живые люди / Язык их темный, но родной (Ф. Тютчев).

И ныне есть еще пророки, / Хотя упали алтари, / Их очи ясны и глубоки / Грядущим пламенем зари. / Но им так чужд призыв победный, / Их давит власть бездонных слов, / Они запуганы и бледны / В громадах каменных домов (Н. Гумилев).

В конце концов, не для того ли / Мы знаем творческую власть, / Чтобы хлебнуть добра и боли – / Отгоревать и не проклясть! (С. Гандлевский).

Власть творческого горения, с одной стороны, подчиняет себе человека, но, с другой стороны, дает ему возможность максимального самораскрытия. Такое понимание власти относится не только к творчеству, но к любому сильному воздействию природной стихии на мир и, метафорически, воздействию чувств на поведение людей.

Отметим, что в русских поэтических текстах слово «власть» часто рифмуется со словом «страсть», такая анаграмматическая связь этих наименований концептов в определенной мере сближает их:

Я знал одной лишь думы власть, одну – но пламенную страсть (М.Ю. Лермонтов).

Обратившись к ассоциативным словарям русского языка, получаем информацию о том, что в сознании наших современников доминируют образные признаки власти в виде высших должностных лиц государства и их атрибутов, исторических деятелей, местных представителей власти, при этом можно заметить, что этот концепт стойко ассоциируется с богатством и применением силы (это соответствует понятийным признакам) и достаточно часто имеет негативные коннотации (РАС; РАСШ).

Для уточнения этих данных было проведено анкетирование информантов (российские студенты и преподаватели Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина), которым был задан вопрос: «Какой образ возникает у Вас, когда Вы думаете о власти?». Получены следующие ответы: *начальник проводит совещание с сотрудниками; врач не разрешает пациенту выходить из больницы; учитель делает замечание ученику; родители ругают ребенка; офицер дает команду солдатам; автоинспектор останавливает водителя; политик выступает на большом собрании; идет заседание Государственной Думы; царь сидит на троне; полицейский требует документы у прохожего; судья оглашает приговор; таможенник требует открыть чемодан; укротитель заставляет циркового льва прыгать в горящее кольцо; продавцы не пускают покупателей без маски в магазин.* Кроме того, были получены следующие ответы: *хлыст; кнут; здание городской администрации; здание суда; тюрьма.*

Во всех этих ситуациях вышестоящие (старшие или представители власти) имеют право и полномочия требовать от нижестоящих исполнения определенных действий или запрещают им вести себя определенным образом. Предметные и топологические образы власти прямо ассоциируются с применением силы и местом, в котором принимаются решения или осуществляется наказание.

Оценочные признаки концепта «власть»

Оценочное осмысление власти отражено в содержании пословиц и поговорок. Можно увидеть следующие назидания на эту тему в русской паремииологии.

Следует знать:

– что установленной власти нужно подчиняться:

Всякая власть от Бога. Под богом ходишь – божью волю носишь. На волю божью просьбы не подашь;

– лучше держаться от власти подальше:

Близ царя – близ смерти;

– не нужно идти наперекор власти:

С сильным не борись, с богатым не судись. Чья власть, того и закон;

– простым людям власть не достается:

Когда власть делили, нас позвать забыли. У кого деньги, у того и власть;

– носители власти жестоки:

Укроти, господи, командирское сердце! Власть дается не любить, а давить. Кто власть имеет, бедных не жалеет. Любая власть богатым прибавить, у нищих отнять;

– особенно жестоки представители власти, занимающие ее нижние ступени:

Жалует царь, да не жалует псарь. На воеводу просить – наперед самому в тюрьму идти. Наказал бог народ – наслал воевод. На Руси всякой власти до страсти;

– осуществление власти – трудная задача:

Легче за стадом ходить, чем стадо водить.

Можно видеть, что носителями этих норм являются простые бедные бесправные люди. Детальный анализ русских пословиц и поговорок на тему власти приводится в статье О.М. Аничковой (Аничкова, 2018), хотя, на наш взгляд, проанализированный материал выходит за рамки властных отношений и касается социальной системы крестьянской России в целом. Автор выделяет три аспекта власти: политическое устройство общества, морально-психологические установки населения и непреодолимая сила, внешняя и внутренняя стихия (власть природы, чувств и т. д.). Такой подход можно охарактеризовать как предельно широкое понимание власти (в поле зрения цитируемого автора оказались такие речения, как «Гусь свинье не товарищ», «Была бы шея, а хомут найдется» и т. д.). Нельзя не согласиться с автором в том, что «паремии, в которых фигурируют чиновники низших рангов – а с ними более всего приходилось сталкиваться крестьянам и городским низам – самые сочные, ядовитые, изобилующие злыми и яркими метафорами, дышащие презрением и ненавистью» (Там же: 103). В лингвистической литературе неоднократно подчеркивалась оценочная диалектичность паремий⁷ (Ковшова, 2021; Савицкий, 2006).

Современный городской фольклор представлен прежде всего анекдотами.

В этих текстах представители власти подвергаются едкой критике. Отмечена связь власти и денег:

⁷ Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремииология : учебное пособие : 3-е изд., стер. М. : Флинта, 2018. 344 с.

Хорошего человека не в силах испортить ни власть, ни деньги. Потому что если вы по-настоящему хороший человек, у вас никогда не будет ни того, ни другого!

Анонимные критики ставят под сомнение суть демократии:

Кто сказал, что демократия – это власть народа? Демократия – это власть демократов!

Акцентируется тема коррупции чиновников:

Кандидата спрашивают журналисты:

– С какой целью вы баллотируетесь?

– Вы посмотрите, что творится во власти: чиновники погрязли в разврате, воровстве, коррупции!

– И вы что, собираетесь со всем этим бороться?

– Ну что вы, – отвечает кандидат. – Я хочу во всем этом участвовать!

Актуальной является критика неравного распределения богатства:

Когда власть химичит, олигархам достаются углеводороды, а народ обходится кислородом.

Обратим внимание на высмеивание позиции средств массовой информации, оправдывающих или игнорирующих социальное неравенство:

Чему научил опыт «Титаника» власть, так это чем громче крики с нижних палуб, тем громче наверху оркестр.

Теперь те, кто говорит, что власть работает плохо – попадают под статью о неуважении к власти, а кто говорит, что власть работает хорошо – под распространение фейковых новостей.

Вместе с тем высмеивается и позиция критиков:

Установлено, что бабушки, простоявшие в очереди больше получаса, забывают, зачем пришли и начинают ругать власть.

К сожалению, тексты анекдотов и шуток, размещенные в интернете, в том числе и о власти, часто являются грубыми и скабрёзными.

Говоря об оценочном осмыслении власти в русской лингвокультуре, необходимо охарактеризовать отношение интеллигенции к этому феномену. Это отношение в любую эпоху является подчеркнуто критическим, поскольку деятельность власти часто не соответствует высшим моральным нормам. Соответственно, власть с недоверием относится к интеллигенции, хотя обычно критика власти со стороны интеллигенции бывает завуалированной и ироничной. Если пословицы выражают преимущественно крестьянское отношение к миру, анекдоты – отношение городских жителей с разным уровнем образования к актуальным темам, то специфическим жанром, которым пользуются образованные носители языка, являются афоризмы. Афористика интернациональна, мудрые высказывания, созданные на другом языке, становятся достоянием любой принимающей культуры, точнее – достоянием образованного слоя представителей этой культуры. Приведем примеры из энциклопедии афоризмов.

В афоризмах отмечено губительное влияние власти на ее носителей:

Человек, властвуя над другими, утрачивает собственную свободу (Ф. Бэкон).

Для людей с неограниченной властью, вне демократического контроля, обычны, привычны чувства непогрешимости, личного превосходства, все-

дозволенности, переоценки собственных способностей и возможностей (Д. Волкогон).

Власть притягательна, от нее трудно отказаться:

Вождение власти – самая вопиющая из всех страстей (Тацит).

Власть – это такой стол, из-за которого никто добровольно не встанет (Ф. Искандер).

О связи власти и денег было сказано еще в античном мире:

Покупающие власть за деньги привыкают извлекать из нее прибыль (Аристотель).

Обратим внимание на классификацию правителей в изречении великого китайского мудреца:

Там, где великие мудрецы имеют власть, подданные не замечают их существования. Там, где властвуют невеликие мудрецы, народ бывает привязан к ним и хвалит их. Там, где властвуют еще меньшие мудрецы, народ боится их, а там, где еще меньшие, народ их презирает (Лао-Цзы).

Хорошо известно классическое высказывание:

Власть над собой – самая высшая власть, порабощенное, своими страстями – самое страшное рабство (Сенека).

Афористы критически характеризуют не только правителей, но и подданных:

Люди не хотят, чтобы у власти стоял одаренный человек. Они не терпят одаренных. Они терпят только бездарность... (Л. Фейхтвангер).

С иных позиций отношение к власти оценивает известный драматург:

Вообще говоря, власть не портит людей, зато дураки, когда они у власти, портят власть (Б. Шоу).

Таким образом, специфика афористического осмысления власти состоит в выделении разных позиций фигурантов властных отношений (тех, кто властвует, и тех, над кем осуществляется власть) и оценке этих позиций.

Заключение

Перспективы исследования мы видим в изучении лингвоперсонологического осмысления власти, то есть в выявлении лингвистически релевантных типов личностей, стремящихся к власти, противодействующих и подчиняющихся ей, критически оценивающих ее. Таким образом, аксиологические характеристики власти в русской лингвокультуре могут быть представлены в виде модели, включающей три концентрических круга: центральный, в котором отражены понятийные, образные и ценностные признаки власти, первый внешний, в котором показаны дискурсивные особенности осмысления власти, второй внешний, в котором находят отражение личностно релевантные представления о власти.

Список литературы

- Аничкова О.М. Власть и властвующие в русских пословицах и поговорках // Новые российские гуманитарные исследования. 2018. № 13. С. 103.
- Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосомиотика властного ритуала // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. 2015. № 2 (26). С. 41–49. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.5>

- Балашова Л.В.* Концептуализация власти в социоморфной литературной и сленговой метафоре (сопоставительный аспект) // *Политическая лингвистика*. 2010. № 2 (32). С. 9–14.
- Болл Т.* Власть // *Полис*. 1993. № 5. С. 36–42.
- Васильев А.Д.* Вербализация концепта *власть* в языковом сознании красноярцев // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева*. 2015. № 2 (32). С. 207–213.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М. : Индрик, 2005. 1038 с.
- Воркачев С.Г.* Воплощение смысла : *conceptualia selecta* : монография. Волгоград : Парадигма, 2014. 331 с.
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы) : монография. М. : РУДН, 1997. 331 с.
- Гогенко В.В.* Концепт «власть» как фрагмент древнеанглийской языковой картины мира // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 4. Ч. 2. С. 70–74.
- Дементьев В.В.* Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи : монография. Саратов : СГУ, 2016. 396 с.
- Демидова Е.Е.* Генезис символического макроконцепта ВЛАСТЬ // *Вестник Пятигорского государственного университета*. 2021. № 2. С. 92–96. https://doi.org/10.53531/25420747_2021_2_92
- Ерофеева И.В.* Концепт *власть* в медиадискурсе : дихотомия репрезентации // *Вестник Читинского государственного университета*. 2009. № 1 (52). С. 167–171.
- Ильин М.В., Мельвиль А.Ю.* Власть // *Полис*. 1997. № 6. С. 146–163.
- Карасик В.И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
- Касаткина Е.А.* Концепт «власть» в русской лингвокультуре : когнитивный и фразеологический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2012. 222 с.
- Кипенко М.В.* Аксиологический аспект концепта *власть* в современном русском языковом сознании : на материале газетных текстов первого десятилетия XXI века : дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2012. 171 с.
- Кипенко М.В.* Лексическая объективация концепта «власть» в языке газеты «Комсомольская правда» // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 4 (84). С. 238–245.
- Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры : монография. М. : ЛЕНАНД, 2021. 400 с.
- Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография. М. : Гнозис, 2008. 374 с.
- Куссе Х.* Культуроведческая лингвистика. М. : Гнозис, 2022. 536 с.
- Лассвелл Г.* Язык власти // *Политическая лингвистика*. 2006. № 1. С. 264–280.
- Михайлов А.П.* Моделирование концепта «власть» в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 233 с.
- Пименова М.В.* Власть и политика : метафоры в дискурсе СМИ // *Лингвориторическая парадигма : теоретические и прикладные аспекты*. 2012. № 17. С. 147–153.
- Савицкий В.М.* Основы общей теории идиоматики. М. : Гнозис, 2006. 206 с.
- Семенов В.М.* Власть в этноисторическом пространстве России. М. : Институт философии РАН, 2006. 120 с.
- Серио П.* О языке власти : критический анализ // *Философия языка : в границах и вне границ / под ред. Д.И. Руденко*. Харьков : Око, 1993. Т. 1. С. 83–100.
- Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты : монография. Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Стернин И.А.* Описание концепта в лингвоконцептологии // *Лингвоконцептология / науч. ред. И.А. Стернин*. Воронеж : Истоки, 2008. Вып. 1. С. 8–20.
- Черватюк И.С.* Дискурсивные маркеры власти // *Человек в коммуникации : концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр.* Волгоград : Перемена, 2006. С. 58–66.

- Шабанова А.А. Репрезентация концепта «власть» в современной русской языковой картине мира // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Филология. Искусствоведение. 2011. № 17 (232). С. 181–185.
- Шабанова А.А. Репрезентация концепта «власть»/«power» в американской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2011. 159 с.
- Antaki C., Stokoe E. When police treat straightforward answers as non-cooperative // Journal of Pragmatics. 2017. Vol. 117. Pp. 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.05.012>
- Fairclough N. Language and power. New York : Longman, 1996. 259 p.
- Harris S. Politeness and power : Making and responding to ‘requests’ in institutional settings // Text. 2003. Vol. 23. Pp. 27–52.
- Holtgraves T., Lasky B. Linguistic power and persuasion // Journal of Language and Social Psychology. 1999. Vol. 18. No. 2. Pp. 196–205.
- Morand D.A. Language and power : An empirical analysis of linguistic strategies used in superior-subordinate communication // Journal of Organizational Behavior. 2000. No. 21. Pp. 235–248.
- Oliver S.J. A corpus-based approach to (im)politeness metalanguage : A case study on Shakespeare’s plays // Journal of Pragmatics. 2022. Vol. 199. Pp. 6–20. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2022.07.001>
- Rojo L.M. Language and power // The Oxford Handbook of Language and Society / ed. by O. Garcia, N. Flores, M. Spotti. Oxford : Oxford University Press, 2016. Pp. 77–102.
- Victoria M. Power and politeness : A study of social interaction in business meetings with multicultural participation // ESP across Cultures. 2009. No. 6. Pp. 129–140.
- Witek M. Irony as a speech action // Journal of Pragmatics. 2022. Vol. 190. Pp. 76–90. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2022.01.010>

Сведения об авторах:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, теория дискурса, теория языковой личности, прагмалингвистика, лингвосомиотика. ORCID: 0000-0001-8306-5317, Scopus ID: 57193175093, Researcher ID: C-3975-2016, e-LIBRARY SPIN-код: 6068-6478. E-mail: vikarasik@pushkin.institute

Китанина Элла Анатольевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, теория дискурса, медиалингвистика, семантика, прагмалингвистика. ORCID: 0000-0002-1936-9495, Researcher ID: H-7197-2017, e-LIBRARY SPIN-код: 5324-7367. E-mail: eakitanina@pushkin.institute

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-97-110

EDN: ZVIVCL

Research article

Axiology of power in the Russian language and culture

Vladimir I. Karasik , Ella A. Kitanina

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

 vikarasik@pushkin.institut

Abstract. The relevance of linguocultural modeling of power is due to the high importance of this phenomenon in institutional and personal communication and the multidimensionality of its evaluative characteristics. The aim of the study is to identify and describe

linguistically relevant norms of behavior encoded in the concept of “power”. The data from dictionaries and reference books, examples from the National Corpus of the Russian Language, poetic and prose texts in Russian were used as material for the analysis. Methods of semantic, contextual, interpretative and associative analysis were applied. It has been established that power in the conceptual plane represents coercion and includes: (1) the condition (force, authority, tradition or law); (2) struggle for getting and keeping power; (3) manifestation of power (persons or organizations vested with power, the sphere of power application and the degree of coercion); (4) power assessment (fair/unfair, cruel/merciful, effective/ineffective). In figurative terms, the situational characteristics of power manifestation, verbalized in texts and reactions of the informants, were highlighted. The conceptualization of power is discursively specific. The authors revealed that the most vivid situational characteristics of power implementation in relation to its representatives are noted in journalistic texts. In fiction texts (mainly in poetry), power is shown as an irresistible force. In evaluative terms, it is possible to identify norms of behavior associated with the understanding of power – its acceptance as the most important condition of social order and condemnation of excessive striving for power and its abuse. These norms expressed in proverbs, jokes and aphorisms largely coincide, differing in that proverbs recommend to stay away from power, jokes sharply criticize corruption in power, aphorisms give a holistic picture of the proper behavior of the power holders and their subordinates. Prospects for the study consist in defining linguistically relevant personal typological evaluations of power.

Keywords: axiological linguistics, concept, values, discourse

Article history: received 05.09.2022; accepted 18.11.2022.

For citation: Karasik, V.I., & Kitanina, E.A. (2023). Axiology of power in the Russian language and culture. *Russian Language Studies*, 21(1), 97–110. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-97-110>

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО
METHODS OF TEACHING RUSSIAN
AS A NATIVE, NON-NATIVE, FOREIGN LANGUAGE

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-111-125

EDN: APASQT

Научная статья

**Методика обучения русскому языку
иностраннных магистрантов негуманитарного профиля
в современных образовательных условиях**

И.А. Пугачёв¹, Л.П. Яркина¹✉, Т.Т.Х. Динь²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Ханойский государственный университет, Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам

✉ yarkina-lp@rudn.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена отсутствием методической концепции и программы обучения иностранцев, поступающих в российскую магистратуру после окончания бакалавриата на родине. Как правило, для этих учащихся характерна слабая подготовка по русскому языку, что оказывает прямое негативное воздействие на процесс формирования у них профессионально-коммуникативных навыков и умений, необходимых для овладения в вузе предметной компетенцией. Цель исследования – предложить методику профессионально-языкового образования иностраннных магистрантов негуманитарных специальностей в условиях лингвообразовательной ситуации, которая характеризуется сокращением учебного времени, слабой общей языковой подготовкой учащихся и/или отсутствием представления о языке специальности. Применялись методы включенного и опосредованного наблюдения за учебной и коммуникативной деятельностью магистрантов в процессе изучения учебного материала по предлагаемой методике, сопровождавшиеся анализом, фиксацией, описанием и обобщением сопутствующих изменений, а также анализом коммуникативных потребностей и ошибок учащихся. Исследование проведено на материале практики обучения научной речи иностранцев-нефилологов 1-го курса бакалавриата и магистратуры Инженерной академии, Института экологии, факультета физико-математических и естественных наук РУДН, входных, промежуточных и итоговых контрольных работ и тестов. Разработана методика, на основе которой создана программа обучения, включающая систему текстовых и лексико-грамматических заданий как для аудиторной, так и для самостоятельной работы, адаптированная для рассматриваемого контингента учащихся с использованием приемов и методов технологии развития критического мышления. Данная технология позволяет формировать и совершенствовать не только лингвистические, но и когнитивные и метакогнитивные умения магистрантов, расширяя возможности самообразования, способности к самостоятельному решению многих задач без участия преподава-

© Пугачёв И.А., Яркина Л.П., Динь Т.Т.Х., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

теля. Представляется перспективным использование полученных результатов для создания полноценного пособия по научной речи не только для магистрантов, но и для аспирантов, которые прошли курс предшествующего этапа профессиональной подготовки на родине.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, научный стиль речи, технология, развитие, критическое мышление, самообразование

История статьи: поступила в редакцию 05.08.2022; принята к печати 18.11.2022.

Для цитирования: Пугачёв И.А., Яркина Л.П., Динь Т.Т.Х. Методика обучения русскому языку иностранных магистрантов негуманитарного профиля в современных образовательных условиях // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 111–125. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-111-125>

Введение

Российская наука, российская система высшего профессионального образования признаны во многих странах мира и всегда будут привлекательны для иностранных учащихся. Об этом говорит и увеличивающийся с каждым годом набор иностранных граждан в магистратуру из стран ближнего и дальнего зарубежья¹. Владение устной и письменной коммуникацией на русском языке является одной из важнейших универсальных компетенций выпускника магистратуры по всем направлениям подготовки, о чем свидетельствуют Федеральные государственные образовательные стандарты², другие нормативные документы, регламентирующие образовательную деятельность на государственном уровне³. Однако уровень языковой компетенции, необходимой для обучения в магистратуре, может быть гарантированно достигнут «лишь при условии последовательного прохождения иностранным гражданином предшествующих ступеней обучения, а именно довузовской подготовки и программы бакалавриата» (Калинникова, 2019: 442). Опытные преподаватели РКИ и методисты ведущих вузов страны признают, что довузовский годовой

¹ Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов». Отчет о результатах самообследования Российского университета дружбы народов. М., 2022. С. 37–39. URL : <https://www.rudn.ru/u/www/files/documents/Otchet-osamoobsledovani-RUDN-2021.pdf> (дата обращения : 29.07.2022).

² Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый и второй уровни. Профессиональные модули / Н.П. Андрушина, Т.Е. Владимирова, Л.П. Клобукова, Л.В. Красильникова, А.С. Иванова, М.М. Нахабина, Н.И. Соболева, В.В. Стародуб, В.А. Степаненко, В.Е. Антонова, Е.В. Палицкая, Н.Б. Шевелева, И.С. Чугунова, И.Н. Афанасьева, Е.Н. Барышникова, И.К. Гапочка, Н.П. Кириленко, Е.В. Мартыненко, Л.А. Нестерская, В.Б. Кириленко, И.И. Яценко, Л.Н. Норейко, И.О. Прохорова. М. – СПб. : Златоуст, 2000. 56 с.; Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень владения русским языком в учебно-профессиональной сфере. Для учащихся естественно-научных, медико-биологических и инженерно-технических профилей / И.К. Гапочка, В.Б. Куриленко, Л.А. Титова. М. : РУДН, 2003. 68 с.

³ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 1 апреля 2014 г. № 255 г. Москва «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним». URL : <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-01042014-n-255/?ysclid=14o4i9anc5454752101> (дата обращения : 21.06.2022).

курс русского языка не может в полной мере обеспечить подготовку к учебе в магистратуре: формирование соответствующих языковых и речевых компетенций сопряжено с временным фактором. Обучение языку не сводится к простой передаче определенного объема знаний, а требует выработки навыков, которые возникают «как сознательно автоматизируемое действие лишь после длительной тренировки» (Ямшанова, Ломоносова, 2015), о чем свидетельствуют нормативные документы и многолетняя практика обучения русскому языку иностранных граждан (Калинникова, 2019; Гаврилова и др., 2019). Авторы настаивают на необходимости системного подхода, предусматривающего формирование коммуникативной компетенции не только в разных видах речевой деятельности, но и в разных сферах общения (Петрова, Пиневич, 2017; Тюрина, 2017). В настоящее время, однако, в русскоязычную магистратуру имеют право поступить иностранные граждане с высшим образованием, сдавшие экзамен по русскому языку на уровне В1 и получившие соответствующий сертификат. При этом они нередко обучались по сокращенной программе онлайн, что обусловило их реальное владение языком даже ниже порогового уровня. Несовпадение предвузовской и вузовской программ подготовки по РКИ в родной стране и стране обучения, в разных вузах России, слабое представление о языке специальности, отсутствие знания технической терминологии и грамматики научной речи – все это значительно осложняет обучение данного контингента учащихся. Русисты, работающие с такими магистрантами, также отмечают не только методические, но и организационные проблемы, вызванные «непрогнозируемым по срокам включением в учебный процесс» (Строков, Черников, 2017: 3) того или иного слушателя (нередко в конце модуля или семестра), что затрудняет успешную организацию и реализацию учебной деятельности. Слушатели «прибывают в университет обычно уже после начала учебного года, причем сроки прибытия многих из них неизвестны до последнего момента» (Там же).

Существенное сокращение времени обучения РКИ иностранных магистрантов вызвало необходимость либо внедрения дополнительной образовательной «общеразвивающей предмагистерской программы» (Гаврилова и др., 2019), либо начала работы над текстом будущей диссертации с первого же года обучения. Правда, в последнем случае, как справедливо замечает Л.Н. Калинникова, «процесс освоения русского языка сводится к усвоению правил написания диссертации» (Калинникова, 2019: 445). Чаще предлагается выделение приоритетных аспектов, о чем свидетельствует анализ публикаций последних лет. Так, например, отдельные авторы (Зеленина, Колесова, 2018; Чеснокова, 2021) считают важным развитие у магистрантов устной научной речи, выработку умения вести научную дискуссию. Однако абсолютное большинство проанализированных нами публикаций посвящено работе с письменными источниками информации. Отмечено, что «для инженерной профессии все большую актуальность приобретает письменная форма коммуникации» (Грамма, Кузнецова, 2017: 49). По этой причине авторы предлагают сосредоточиться на развитии у магистрантов навыков письма. Формирование у учащихся магистратуры навыков владения письменным дискурсом, выработку навыков академического письма считает приоритетным направлением и Е.Н. Кхазал (Khazaal, 2019). При обучении магистрантов академическому письму предлагается уделять осо-

бое внимание развитию умения грамотно и логично излагать мысли в письменной форме, не забывая при этом обеспечивать усвоение профессиональной лексики и основ грамматики (Мерцалова, Карпова, 2018). Некоторые авторы рекомендуют делать упор на работе с текстовым материалом в виде аннотирования, реферирования, моделирования текстов разных типов, уточняя, однако, что эти виды работы рассчитаны на учащихся, имеющих «изначально высокий уровень языковой подготовки (не ниже B2)» (Петрова, Пиневиц, 2017: 49).

В.И. Волчкова полагает, что процесс освоения языка можно существенно облегчить с помощью информационных технологий, позволяющих создать привычную для учащихся среду, преодолеть психологические барьеры: Thanks to multimedia resources, the study of a foreign language can be carried out beyond the limits of a practical lesson and make it continuous⁴ (Volchkova, 2018: 70). С ней согласны Л.И. Печинская и М.М. Степанова утверждающие, что применение информационных и интернет-технологий в учебном процессе «способствует не только эффективному формированию компетенций в области изучаемого иностранного языка, но и... помогает эффективной реализации творческого потенциала каждого магистранта» (Печинская, Степанова, 2015: 140).

Наряду с использованием возможностей информационно-коммуникационных технологий авторы проанализированных работ обнаруживают большой потенциал в инновационных технологиях обучения, совершенствовании методического обеспечения учебного процесса. Так, предлагается оптимизировать процесс обучения магистрантов неязыковых направлений с помощью техник визуализации мышления, создания интеллект-карт, использования технологии коммуникативного тренинга, приемов и методов технологии критического мышления (Степанова, Беленкова, 2014; Злобина, 2020; Чеснокова, 2021; Пугачёв, 2016).

Несмотря на достаточно большое число публикаций на эту крайне актуальную для вузовской практики преподавания РКИ тему и разнообразие предлагаемых в литературе подходов, до сих пор не существует общепринятой эффективной методики обучения РКИ иностранных граждан с национальными дипломами бакалавра в создавшихся условиях.

Цель исследования – предложить методику профессионально-языкового образования иностранных магистрантов инженерно-технических и естественно-научных специальностей в новой лингвообразовательной ситуации, сочетающую традиционные формы обучения с приемами и методами инновационных технологий, что позволяет строить учебный процесс в соответствии с утвержденными Государственными образовательными стандартами РКИ по профессиональным модулям, одновременно закрепляя и развивая навыки, сформированные на довузовском этапе обучения.

Методы и материалы

Для достижения поставленной цели применялись методы включенного и опосредованного наблюдения за деятельностью магистрантов в процессе изучения материала по предлагаемой методике, сопровождавшиеся фикса-

⁴ Благодаря мультимедийным ресурсам изучение иностранного языка можно вывести за рамки практического занятия и сделать его непрерывным (перевод наш. – И.П., Л.Я., Т.Д.).

цией, описанием и обобщением сопутствующих изменений. Применялись также метод сравнительного анализа и синтеза эмпирического материала и метод когнитивной интерпретации полученных результатов. Исследование проведено на материале практики обучения научной речи иностранцев-нефилологов 1 курса бакалавриата и магистратуры РУДН (всего исследовалась учебная деятельность 78 студентов из 18 стран Африки и Азии), выполненных учащимися входных, промежуточных и итоговых контрольных работ и тестов. В качестве учебных и проверочных материалов были использованы входные тесты по общему владению языком⁵, материалы, предназначенные для обучения научной речи иностранцев-нефилологов 1-го курса бакалавриата⁶ и магистрантов первого года обучения, закончивших бакалавриат на русском языке⁷, экспериментальные учебно-методические разработки, подготовленные с учетом работы в сложившихся условиях⁸.

Результаты

Предложена методика обучения, специфика которой заключается в том, что:

– она адаптирована к лингвообразовательной ситуации с магистрантами технического и естественнонаучного направления, получившими диплом бакалавра на родине, и учитывает как их начальный низкий уровень владения языком, так и высокий уровень профессиональных компетенций, зрелый возраст и коммуникативные потребности;

– позволяет с наибольшей эффективностью использовать ограниченное количество аудиторных часов, ориентируя учащихся на самостоятельную работу; при этом необходимый для такой работы лексико-грамматический материал минимизирован, систематизирован и представлен в таблицах;

– учебные материалы подготовлены с текстоцентрических позиций, причем, с одной стороны, в содержании текстов отражены основы научно-исследовательской деятельности, а с другой, – текст рассматривается как стратегическая программа построения собственных высказываний учащихся и одновременно служит средством демонстрации функционирования языковых единиц;

– разработанная система заданий направлена на развитие способности совершать мыслительные операции различного рода, требующие высокой умственной активности, и в ней используются некоторые приемы и методы технологии развития критического мышления;

– предлагаемая модель обучения эффективна при работе с мотивированными учащимися.

⁵ Яркина Л.П., Пугачёв И.А. Учебный комплекс по развитию речи для иностранцев, изучающих русский язык : контрольные материалы. М. : Русский язык. Курсы, 2014. С. 4–11.

⁶ Пугачёв И.А., Черненко Н.М. Вектор : учебник по русскому языку для иностранных бакалавров-нефилологов : основной курс. М. : РУДН, 2020. 320 с.

⁷ Яркина Л.П., Денисенко А.В., Пугачёв И.А. Эврика. Русский язык для молодых ученых : учебное пособие для иностранных учащихся. М. : РУДН, 2017. 100 с.; Яркина Л.П., Денисенко А.В., Пугачёв И.А. Эврика : сборник тренировочных и проверочных материалов к пособию по русскому языку для молодых ученых. М. : РУДН, 2018. 66 с.

⁸ Карапетян Н.Г., Черненко Н.М., Тугова Ю.А. Практикум по русскому языку для магистрантов-иностранцев (уровень В1). М. : РУДН, 2020. 58 с.; Карапетян Н.Г., Черненко Н.М. Обучение письменной научной речи : учебно-методическое пособие для иностранных магистрантов (уровень В2). М. : РУДН, 2020. 63 с.

Обсуждение

Ситуация и цели

Для достижения уровня В2 владения русским языком в соответствии с государственным образовательным стандартом необходимо 720 академических часов (380 – общее владение и 340 – язык специальности (Балыхина, 2006: 14), что при успешном прохождении итогового испытания дает право на получение диплома магистра нефилологического профиля⁹. При работе с иностранцами, поступившими в магистратуру с дипломом бакалавра национального вуза, преподаватели-практики РУДН пытаются решать эту задачу за 216 часов, из которых лишь 102 часа приходится на долю аудиторных занятий, а в остальное время учащиеся должны заниматься самостоятельно¹⁰. В магистратуру РУДН поступают иностранные граждане с самой разной специализацией (Инженерная академия – 24 направления, факультет физико-математических и естественных наук – 15 направлений, Институт экологии–13 направлений)¹¹, что не дает возможности формировать группы по профессиональному признаку. К тому же преподаватель-филолог вряд ли в состоянии подобрать и методически обработать текстовый материал, интересный и полезный для учащихся с высшим техническим образованием. Продуктивная работа над языком специальности ведется на 1-м курсе бакалавриата. В магистратуре же мы предлагаем курс «Русский язык в профессиональной деятельности магистра». При разработке программы обучения мы видели свою задачу в том, чтобы дать магистрантам представление об особенностях научно-исследовательской деятельности и иноязычной коммуникации в сфере науки, а также заложить основы письменной академической культуры, независимо от специфики их профессиональной подготовки. С нами солидарны преподаватели европейских языков. «В магистратуре ставка делается на развитие наиболее ценных в наше время *транспрофессиональных* (выделено нами. – И.П., Л.Я., Т.Д.) знаний, навыков и умений, а также личностных качеств, обладатель которых может мыслить и действовать комплексно, охватывая не только свою профессиональную область, но и смежные направления» (Ямшанова, Ломоносова, 2015: 92). Используемые на занятиях тексты должны служить основой для изучения общенаучной лексики, частотных грамматических конструкций научного стиля речи. А предметные знания магистранты все-таки должны получать от преподавателей специальных дисциплин, а не от преподавателей РКИ.

Очевидно, что добиться соответствия между глубокими профессиональными знаниями учащихся и их языковыми и речевыми компетенциями

⁹ Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Т.А. Иванова, Т.И. Попова, К.А. Рогова, Е.Е. Юрков. М. – СПб. : Златоуст, 1999. 40 с.

¹⁰ Приказ ректора РУДН О.А. Ястребова № 678 от 19 октября 2021 г., Москва, «Об утверждении локального нормативного акта „Структура, требования и порядок разработки основных профессиональных образовательных программ высшего образования“». URL : №678 от 19.10.2021 Об утверждении локального нормативного акта «Структура, требования и порядок.О.А.Ястребов.pdf (дата обращения : 06.10.2022).

¹¹ Образовательные программы РУДН. URL : <https://www.rudn.ru/education/educational-programs> (дата обращения : 06.10.2022).

в полной мере не представляется возможным вследствие объективных причин, несмотря на высокий профессионализм преподавателей. Однако ни сжатые сроки обучения, ни изначально низкий уровень подготовки учащихся не должны являться препятствием для написания и защиты магистерской диссертации, для чего в рамках курса русского языка для магистрантов должны быть заложены основы письменной академической культуры.

Возрастающая роль самостоятельной работы

В сложившейся ситуации первостепенное значение приобретает актуализация самостоятельной и исследовательской деятельности обучающихся. «Процесс обучения должен строиться так, чтобы стимулировать обучающихся к самостоятельности и активности в учебной деятельности, формировать готовность и привычку к самостоятельной работе над языком и речевой деятельностью, к осознанной оценке своих результатов и достижений» (Ридная, 2014: 91). Магистрант должен самостоятельно находить необходимые для его деятельности иноязычные информационные ресурсы, работать со специальной литературой на иностранном языке, а также владеть современными компьютерными переводческими программами (Бернавская, Руденко, 2014; Грамма, Кузнецова, 2017). Мы считаем, что увеличение объема самостоятельной работы является важнейшим условием подготовки магистрантов. При этом у них есть возможность обратиться за помощью к преподавателю, который, благодаря современным техническим средствам всегда на связи.

Текстоцентризм

Достижение главной цели предусматривает решение частных задач, важнейшей из которых является развитие навыков различных видов чтения на материале текстов, знакомящих со спецификой научной деятельности. Корпус текстов, предназначенных для работы с данным контингентом учащихся, был сформирован, исходя из трудоемкости курса в 216 часов, разбитых на 3 семестра. В каждом семестре изучается 6 текстов, служащих организационной основой речевой деятельности магистрантов. Предлагаемые учащимся тексты условно можно разделить на две группы: тексты-описания (например: «Наука как сфера деятельности человека», «Основные источники научной информации», «Научная речь и ее особенности» и т.п.) и тексты-рекомендации (например: «Как написать научную статью», «Как подготовить устный доклад», «Как защитить магистерскую диссертацию» и др.). Текстовый материал призван выполнять несколько важных функций: служить источником полезной информации о научно-исследовательской деятельности, содержать подлежащий изучению лексико-грамматический материал, демонстрировать функционирование языковых единиц и, наконец, выступать в качестве образцов построения собственных высказываний учащихся, благодаря тематической отнесенности, цельности, связности. Отдельно следует выделить тексты-инструкции, в которых рассказывается о правилах создания некоторых видов вторичных текстов, например плана, тезисов, резюме. Они сопровождаются упражнениями, направленными на выработку умения осуществлять продуктивную аналитико-синтетическую переработку информации текста и излагать ее в письменной форме в одном из видов вторичного текста.

Сочетание инновационных приемов с традиционными методами

Как было сказано выше, предлагаемая нами практическая методика предполагает существенное увеличение объема самостоятельной работы учащихся. Развивать и совершенствовать не только лингвистические, но и когнитивные и метакогнитивные умения учащихся, расширяющие их возможности к самообразованию, самостоятельному решению многих задач без участия преподавателя позволяет инновационная технология развития критического мышления¹² (подробно об этом см.: Пугачёв, 2016: 225–237). Ее использование для обучения магистрантов представляется весьма перспективным. Вместе с тем мы учитываем рекомендации авторитетных методистов, полагающих, что «новые тенденции и направления в методике РКИ, находя реализацию в современном образовательном пространстве, должны координировать с классикой, без которой немислимо обучение иностранцев русскому языку» (Стрельчук, 2018: 48). Поэтому аудиторной работе, например, над текстом «Кто такой магистр?»¹³ с использованием приемов технологии развития критического мышления (ТРКМ) предшествует самостоятельное выполнение лексико-грамматических заданий традиционного типа, которые в виде файла высылаются магистрантам заранее. В качестве примера можно привести следующий фрагмент:

Задание 3. Заполните таблицу.

Глагол	Существительное со значением «процесс»	Существительное со значением «лицо»
Выпускать		
Собирать		
Исследовать		
Анализировать		
Работать		
Защищать		
Разрабатывать		
Экспериментировать		

Задание 4. Заполните пропуски словами из задания 3 в нужной форме.

А.

1. Закончив (.....) и (.....) информации, студент приступил к написанию курсовой работы.

Б.

1. В ходе работы над диссертацией он (.....), обрабатывал, (.....) и обобщал научно-техническую информацию, передовой опыт в области техники и технологии.

В.

1. (.....) наблюдали в оптический микроскоп за нагреванием образца.

¹² Разработана в конце 1990-х годов в США и адаптирована для российской педагогики петербургскими учеными. В ней синтезированы идеи и методы российских технологий коллективных и групповых способов обучения. Доказала свою эффективность формировании навыков самостоятельного критического, а не репродуктивного типа мышления. См. подробнее: Технология развития критического мышления // Знанию. URL: <https://znanio.ru/pub/2557> (дата обращения : 10.08.2022).

¹³ Яркина Л.П., Денисенко А.В., Пугачёв И.А. Эврика. Русский язык для молодых ученых... С. 4–5.

Полностью эти и другие задания даны в сборнике Л.П. Яркиной и соавт.¹⁴

Учитывая тот факт, что наши учащиеся – это взрослые люди с высшим техническим образованием, максимально мотивированные на овладение своей профессией и языком, на котором ведется обучение, такие задания могут быть снабжены ключами для самопроверки, а также кратким изложением теоретического материала (например, в виде таблицы, иллюстрирующей способы образования причастий или отглагольных существительных). Например¹⁵:

Таблица 5

Способы образования отглагольных существительных, обозначающих действие, процесс, результат

Образованы от глаголов	Способ образования	Примеры
От глаголов совершенного и несовершенного вида	Суффиксы: -АНИ(Е) -ЯНИ(Е) -ЕНИ(Е) -ТИ(Е) -СТВ(О) -К(а)	Написать – написание (ср. р.) Влиять – влияние (ср. р.) Решать – решение (ср. р.) Взять – взятие (ср. р.) Доказать – доказательство (ср. р.) Обработать – обработка (ж. р.)
От глаголов совершенного и несовершенного вида	Без суффиксов	Работать – работа (ж. р.) Потерять – потеря (ж. р.)
От глаголов совершенного вида	Без суффиксов с нулевым окончанием	Ответить – ответ (м. р.)
От глаголов движения несовершенного вида	Без суффиксов	Приезжать – приезд (м. р.) Входить – вход (м. р.)
От глаголов несовершенного вида на <i>-ировать</i>	Без суффиксов Оканчиваются на -ЦИ(Я)	Планировать – план (м. р.) Адаптировать – адаптация (ж. р.)

Для первичного ознакомления также дается сам текст и ряд несложных упражнений для проверки его понимания (например, определение соответствия содержанию текста данных утверждений):

1. Степень магистра появилась в России в 1992 году.
2. В современной России существуют две ученые степени – кандидата и доктора наук.
3. Поступить на обучение по магистерской программе могут все желающие.
4. До 1917 года в России отсутствовала степень кандидата наук.

Фрагменты текста могут быть использованы для тренировки падежных форм, видов глагола, причастий. Например:

Задание. Употребите слова в скобках в нужной форме.

Степень магистра присуждается после (окончание учебы) по (магистерская программа) в рамках (выбрать) направления, которая (ориентировать) на научно-исследовательскую, практическую и научно-педагогическую деятельность. Поступить на обучение по магистерской программе могут лица, (иметь) диплом «бакалавра» или «специалиста». Защита (магистерская диссертация) и сдача (Государственный экзамен) (происходить/произойти) публично на (заседание) Государственной аттестационной комиссии.

Правильность выполнения задания также проверяется магистрантами самостоятельно с помощью полноформатного текста.

¹⁴ Яркина Л.П., Денисенко А.В., Пугачёв И.А. Эврика : сборник тренировочных и проверочных материалов... С. 4–7.

¹⁵ Караетян Н.Г., Черненко Н.М., Тугова Ю.А. Практикум по русскому языку... С. 57–58.

В качестве примера можно также привести следующее упражнение, направленное на развитие словообразовательных навыков, повторение падежных форм, расширение академического вокабуляра учащихся (задания взяты из учебного пособия Л.П. Яркиной и соавт.¹⁶):

Опираясь на данную ниже информацию, напишите:

А) Какие профессиональные задачи решает магистр (в ответе используйте глагольные формы).

Магистр должен быть подготовлен к решению следующих профессиональных задач:

- проведение научных исследований по отдельным разделам (этапам, заданиям) темы в качестве ответственного исполнителя или совместно с научным руководителем;
- осуществление сложных экспериментов и наблюдений;
- обработка и анализ результатов экспериментов и наблюдений;
- участие в составлении практических рекомендаций по использованию результатов исследований и разработок.

Б) Чем он занимается в процессе решения этих задач (в ответе используйте отглагольные существительные).

Для решения этих профессиональных задач магистр:

- собирает, обрабатывает, анализирует и обобщает научно-техническую информацию, переводной отечественный и зарубежный опыт в области техники и технологии;
- составляет отчеты (разделы отчета) по теме или ее разделу (этапу, заданию).

Аудиторная работа над текстом ведется с использованием ключевого приема ТРКМ, известного как «Ромашка Блума», шесть лепестков которой соответствует основным видам интеллектуальной деятельности. Этот прием многофункционален. Формируя с его помощью у учащихся умение задавать вопросы и находить на них ответы, мы развиваем их аналитические, познавательные и коммуникативные навыки.

1. Простые вопросы, актуализирующие знание фактического материала.

Например: *Какое место занимает степень магистра в структуре современного российского высшего образования?* (опираясь на образец, учащиеся сами строят вопросы с вопросительными словами и отвечают на них, используя содержание текста).

2. Уточняющие вопросы, соответствующие уровню понимания. (Их задают, когда требуется проверить собственную догадку. Отвечающий должен излагать информацию текста своими словами.)

Например: *Правда ли, что степень магистра существовала в российском образовании не всегда?*

3. Интерпретационные вопросы, помогающие выяснить причину явления. В тексте нет прямого ответа на вопрос. Для ответа требуется анализ материала текста и собственный опыт.

Например: *Почему на магистерскую программу не может поступить выпускник средней школы?*

4. Творческие вопросы (требуют синтеза информации, формулируются с использованием сослагательного наклонения, как правило, содержат прогноз).

Например: *Что было бы, если бы на магистерскую программу стали принимать выпускников средней школы?*

¹⁶ Яркина Л.П., Денисенко А.В., Пугачёв И.А. Эврика. Русский язык для молодых ученых... С. 8–9.

5. Практические вопросы (такие вопросы задают, чтобы проверить связь теории и практики).

Например: *Что вам даст степень магистра?*

6. Оценочные вопросы (развивают способность давать оценку людям, явлениям, фактам).

Например: *Как вы относитесь к научно-исследовательской деятельности?*

Аудиторное время используется также для выполнения заданий, направленных на продуктивную переработку письменных информационных источников. Например:

– *опираясь на текст, закончите предложения* (при этом структура начала предложения не позволяет списать концовку из текста);

– *ответьте на вопросы по тексту* (формулировка вопросов не дает возможности найти в тексте буквальный ответ, требуется его изложить своими словами).

По завершении работы над текстом магистрантам предлагается в виде домашнего задания письменно дать развернутые ответы на вопросы:

1. *В чем отличие магистранта от студента бакалавриата?* (В качестве продуктивной мыслительной операции активно используется сравнение в сочетании с анализом и синтезом.)

2. *Как изменится ваша жизнь после получения степени магистра?* (Здесь осуществляется мыслительный переход от общего к частному, отбор и перегруппировка фактической информации, построение на этой основе текста с новой логико-смысловой структурой.)

Вторичные тексты как основа письменной академической культуры

Существенное место в предлагаемой программе обучения занимает знакомство с вторичными текстами, их видами, правилами создания и функционирования. Выполняя практическую часть заданий, учащиеся учатся осуществлять различные виды переработки первичного текста, от плана до аннотации, опираясь на образцы, языковые клише. Наличие образца позволяет заранее видеть результат выполнения задания. Кроме этого, важно показать промежуточные шаги, ведущие к этому результату, чтобы впоследствии магистрант мог проделать весь путь самостоятельно.

Например: *Составьте тезисы данного текста, используя следующий порядок действий:*

а) разделите текст на смысловые части;

б) сформулируйте обобщающий вопрос к каждой части;

в) в своем ответе выделите основную информацию и представьте ее в тезисной форме;

г) полученные тезисы трансформируйте в номинативные (безглагольные) предложения.

Или:

Алгоритм действий при составлении реферата:

1. *Прочитайте текст и его заголовок; определите, дает ли он представление о содержании текста; посмотрите, делится ли статья на абзацы.*

2. Выделите абзацы, содержащие конкретную информацию по теме статьи, а также подтемы.

3. Выявите основную и дополнительную информацию, сократите мало-существенную информацию; составьте логический план текста.

4. Выпишите к каждому пункту плана ключевые слова и выражения, необходимые для изложения его смыслового содержания.

5. Переформулируйте основные положения текста, используя экономные способы передачи информации.

6. Отберите языковые средства (клише), оформляющие реферат.

Методические разработки занятий по формированию умений создавать вторичные тексты включены в работы Н.Г. Карапетян и соавт. и Л.П. Яркиной и соавт.¹⁷

Как известно, в основе лингводидактических моделей должны лежать дидактические принципы, используемые при обучении русскому языку любого контингента учащихся. Нам удалось реализовать принцип коммуникативной направленности обучения и обеспечить доминирующую роль упражнений, которые способствуют формированию практических речевых навыков, развитию интеллектуальных способностей. Учет родного языка в многонациональных группах нерелевантен, а принцип взаимосвязанного обучения разным видам речевой деятельности реализуется с вынужденной приоритетной ролью чтения и письма. Одновременно с этим выбор методических средств и действий, последовательность их осуществления обусловлены конечной целью и специфическими чертами обучающихся, которые, с одной стороны, в силу объективных причин характеризуются низким уровнем языковой подготовки, а с другой стороны, являются взрослыми людьми с высоким профессиональным уровнем, мотивированными на достижение хороших результатов и готовыми ради этого много трудиться.

Заключение

При подготовке иностранных магистрантов необходимо учитывать разрыв между имеющимся и необходимым уровнями языковых знаний и преодолевать его в краткие сроки. Опыт применения разработанной методики показал, что это возможно осуществить путем обеспечения сжатой, концентрированной формы подачи языкового, речевого, коммуникативного материала в учебных целях, эффективного переноса навыков и умений с языка общего владения на изучение языка специальности, формирования у магистрантов навыков автономной учебной деятельности в процессе получения языковых и предметных знаний. Тем не менее в рассматриваемой лингвообразовательной ситуации, когда первостепенное значение принимает самостоятельная работа учащихся, залогом успеха становится личная мотивированность и работоспособность студента. Представляется перспективным использование предлагаемой методики для обучения аспирантов, также прошедших предыдущие этапы обучения в национальных вузах.

¹⁷ Карапетян Н.Г., Черненко Н.М., Тугова Ю.А. Практикум по русскому языку... С. 24–53.; Яркина Л.П., Денисенко А.В., Пугачёв И.А. Эврика. Русский язык для молодых ученых... С. 90–129.

Список литературы

- Балыхина Т.М.* Что такое русский тест? Российская государственная система тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку (ТРКИ-TORFL). М. : Русский язык. Курсы, 2006. 26 с.
- Бернавская М.В., Руденко Е.Е.* Использование информационных технологий в обучении иностранному языку будущих специалистов // Вестник Костромского государственного университета. Серия : Педагогика. Психология. Социокинетика. 2014. № 2. С. 193–195.
- Гаврилова И.В., Садуди С., Чжан С.* Развитие научного стиля речи у иностранных студентов на этапе предмагистерской подготовки // Вопросы методики преподавания в вузе. 2019. Т. 8. № 28. С. 77–83. <https://doi.org/10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.28.08>
- Грамма Д.В., Кузнецова С.В.* Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку магистрантов технических специальностей // Интерактивная наука. 2017. № 5 (15). С. 47–49. <https://doi.org/10.21661/r-129896>
- Зеленина Л.Е., Колесова Е.М.* Отбор методического материала для обучения магистрантов ведению научной дискуссии на иностранном языке // Педагогическое образование в России. 2018. № 5. С. 87–91. <https://doi.org/10.26170/po18-05-13>
- Злобина Е.А.* Оптимизация процесса обучения магистрантов неязыковых направлений иностранным языкам с помощью техник визуализации мышления // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1. № 3 (68). С. 133–149.
- Калинникова Л.Н.* Обучение иностранных граждан в магистратуре и аспирантуре российского вуза : проблемы и пути их решения // Балтийский морской форум : материалы VII Международного Балтийского морского форума. Калининград : БГАРФ, 2019. С. 441–446.
- Мерцалова С.Л., Карпова И.В.* Обучение магистрантов академическому письму в процессе освоения дисциплины «иностраный язык» в неязыковом вузе // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 4 (81). С. 372–375.
- Петрова Г.М., Пиневич Е.В.* Система обучения иностранных магистрантов русскому языку в МГТУ имени Н.Э. Баумана // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2017. Т. 3. № 4. С. 43–53. <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2017-3-4-43-53>
- Печинская Л.И., Степанова М.М.* Использование возможностей информационно-коммуникационных технологий при обучении иностранному языку магистрантов технических направлений // Вестник Костромского государственного университета. Серия : Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. Т. 21. № 1. С. 136–140. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)2.2-13](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)2.2-13)
- Пугачёв И.А.* Профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному : теория, практика, технологии : монография. М. : РУДН, 2016. 483 с.
- Ридная Ю.В.* Принципы обучения иностранному языку магистрантов технического профиля // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2014. № 2 (14). С. 89–94.
- Степанова М.М., Беленкова Н.М.* Технологии коммуникативного тренинга в обучении иностранному языку магистрантов лингвистических направлений // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2014. № 2. С. 193–195.
- Стрельчук Е.Н.* Современные тенденции в методике преподавания русского языка как иностранного : от классики к инновациям // Пространства коммуникации : язык, литература, медиа : материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Иркутского государственного университета. Иркутск : ИГУ, 2018. С. 42–49.
- Строков В.В., Черников А.С.* Методика и организация обучения русскому языку как иностранному на подготовительном отделении МГТУ им. Н.Э. Баумана // Гуманитарный вестник. 2017. Вып. 7 (57). С. 5. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2017-7-447>
- Тюрина С.Ю.* Профессионально ориентированное обучение магистрантов по иностранному языку : системный подход // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия : Образование и педагогические науки. 2017. Вып. 4. С. 58–67.

- Чеснокова Н.Е. Ментальные карты при обучении иностранным языкам магистрантов технических специальностей // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 178–180. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-388-178-180>
- Ямишанова В.А., Ломоносова А.Л. Иностранный язык в магистратуре : подведение итогов (немецкий язык с нулевого уровня) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 5 (95). С. 90–97.
- Khazaal E.N. Improving postgraduates' academic writing skills with summarizing strategy // Arab World English Journal. 2019. Vol. 10. No. 3. Pp. 413–428. <https://doi.org/10.24093/awej/vol10no3.29>
- Volchkova V.I. Use of modern information technologies in teaching foreign languages // Наука и спорт : современные тенденции. 2018. Т. 19. № 2. С. 59–63.

Сведения об авторах:

Пугачёв Иван Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка № 4, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов*: теория межкультурной коммуникации, теория и практика преподавания иностранных языков для специальных целей, культура речевой коммуникации. Автор свыше 200 научных работ, а также ряда учебных пособий. ORCID: 0000-0002-0159-8898. E-mail: pugachev-ivan@mail.ru

Яркина Людмила Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 4, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов*: межкультурная коммуникация, текстология, перевод и переводоведение, теория и практика преподавания иностранных языков. Автор и соавтор свыше 100 научных работ и учебных пособий. ORCID: 0000-0002-6050-4417. E-mail: yarkina-lp@rudn.ru

Динь Тхи Тху Хуен, кандидат филологических наук, кафедра современного русского языка, факультет русского языка и русской культуры, Институт иностранных языков, Ханойский государственный университет, Социалистическая Республика Вьетнам, 11413, Ханой, мкр-н Хыонгчунг, ул. То Винь Зиен, д. 48/4. *Сфера научных интересов*: теория и практика преподавания иностранных языков, методика преподавания русского языка как иностранного. ORCID: 0000-0001-9737-7098. E-mail: thuhuenkn@yahoo.com

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-111-125

EDN: APASQT

Research article

Teaching Russian to foreign master's students of non-humanitarian profile in modern educational conditions

Ivan A. Pugachev¹, Liudmila P. Iarkina¹✉, Tkhi Tkhu Khuen Din²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

²Vietnam National University, Hanoi, Socialist Republic of Vietnam

✉ yarkina-lp@rudn.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the lack of a methodological concept and training program for foreigners entering the Russian magistracy after completing bachelor's degree in their home country. As a rule, these students are not well-trained in Russian.

This negatively influences the formation of their professional and communicative skills and abilities necessary for mastering the subject competence in the university. The aim of the study is to propose a methodology of professional language education of foreign non-humanitarian undergraduates in the conditions of linguistic educational situation with reduced teaching time, weak general language preparation of students and/or lack of understanding of the language of the specialty. The authors used the methods of direct and indirect observation of teaching and communicative activity of undergraduates while studying the teaching material according to the proposed methodology, accompanied with the analysis, fixation, description and generalization of accompanying changes, as well as the analysis of students' communicative needs and mistakes. The research is based on practice of teaching scientific speech to non-philological first-year bachelor and master foreign students of the Academy of Engineering, Institute of Environmental Engineering, Faculty of Science of RUDN University, and also conducting entrance, intermediate and final tests. As a result of the research, the teaching program with the system of text and lexical-grammatical tasks for both classroom and independent work adapted for the students, was developed. The given technology allows to form and improve not only linguistic but also cognitive and metacognitive skills of undergraduates, extending possibilities of self-education, abilities to take independent decisions. It seems promising to use the obtained results to create a full-fledged textbook on scientific speech not only for undergraduates, but also for PhD students who have completed the previous stage of professional training in their home country.

Keywords: Russian as a foreign language, scientific style of speech, technology, critical thinking, development, self-education

Article history: received 05.08.2022; accepted 18.11.2022.

For citation: Pugachev, I.A., Iarkina, L.P., & Din, T.T.K. (2023). Teaching Russian to foreign master's students of non-humanitarian profile in modern educational conditions. *Russian Language Studies*, 21(1), 111–125. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-111-125>